

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Серия «Страны и народы»

В.С.Кузнецов

НУРХАЦИ

Ответственный редактор д-р ист.наук В. Е. Ларичев

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Кузнецов В. С. Нурхацы.— Новосибирск: Наука, 1985.

С именем Нурхацы связано возникновение маньчжурского государства. Одаренный полководец, способный дипломат, личность во многих отношениях незаурядная, Нурхацы объединил в единое государство разрозненные чжурчжэньские уделы. Жизнь его изобиловала драматическими событиями, участниками которых были монгольские князья и корейские правители, иезуиты и пекинские царедворцы. Об основных событиях жизни и деятельности Нурхацы и написана эта книга.

Для широкого круга читателей.

Р е ц е н з е н т ы Н. М. Сазанова, Н. Ю. Семина

© Издательство «Наука», 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

Тщетно искать на современных политических картах страну Маньчжурию. Былое название сменило китайское «Дунбэй», что в переводе означает «северо-восток». Это общее географическое понятие ничем не напоминает об исконных насельниках данной территории современного Китая — маньчжурах, о существовании их государства. Образование маньчжурского государства непосредственно связано с именем Нурхацы (1559—1626). Русский востоковед А. В. Гребенщиков писал, что «Нурхацы имел все военные дарования Фридриха Великого и Наполеона I»¹. Деятельность Нурхацы по собиранию разрозненных чжурчжэньских уделов в единое маньчжурское государство вызывает в памяти имена Людовика XI и Тимура, Ивана Калиты и Фердинанда Кастильского, Махмуда Газневи и «железного канцлера» Бисмарка. «Рассказ о возвышении маньчжурской династии подобен роману»,— писал английский исследователь Е. Кемп². Об основных событиях из жизни и деятельности Нурхацы и пойдет далее речь... Но сначала немного о земле, где жил его народ, и о соседях.

К середине XVI в., ко времени появления Нурхацы на свет, на обширных пространствах части Северо-Восточной Азии, на восток от хребта Большой Хинган в

долинах рек Ляо, Сунгари, Тумен-улы и их притоков расселялись тунгусские племена, известные под названием чжурчжэней.

Земля их славилась женьшенем, мехами, медом и воском (белым и желтым), жемчугом, который отличался редкой чистотой цвета, округлостью формы, размером (мелкий — с горошину). Чжурчжэни занимались земледелием, скотоводством, звероловством и собирательством. Они не были объединены в едином государстве, под властью одного правителя. Некогда у них было могучее государство — «Золотое» (по-чжурчжэньски «Аньчун», по-китайски «Цзинь»), в состав которого входил и Северный Китай. «Золотое» просуществовало с 1115 по 1234 г. и погибло под ударами монголов.

К середине XVI в. чжурчжэни разделялись на многочисленные племена (аймани). В свою очередь они составляли более крупные родоплеменные объединения — чулга-ны (союзы или сеймы). Как в чулганах, так и в айманах не было внутреннего единства, их обескровливали постоянные распри и междоусобицы.

Собственной письменности чжурчжэни не имели. Пользовались монгольским письмом.

Соседи чжурчжэни с монгольскими уделами, Китаем, где правила династия Мин (1368—1644), и Корейским королевством. Тогдашняя северо-восточная граница Китая шла через Кайюань к Шэньяну, минуя Фушунь, а далее тянулась на юг к Фэнхуапчэну приблизительно по черте так называемого палисада; все пространство на запад до Шаньхайгуаи и на юг к морю составляло территорию китайской провинции Ляодун³.

Для официальных кругов Китая и Кореи чжурчжэни были «дикарями». Так они именуется в китайских и корейских хрониках (соответственно «ежэнь» и «ёчжон»). В частности, минский император писал в 1441 г., что чжурчжэней «августейший двор отличает только от скота, ...их звериная натура неизменна»⁴. Такое мнение было определяющим по отношению к чжурчжэням для всей минской иерархии, начиная от императора и кончая чиновником пограничной службы.

Отношения у чжурчжэней с соседними государствами были крайне сложными, часто случались вооруженные столкновения. Кто и когда наносил первый удар, установить с исчерпывающей достоверностью, однако, не представляется возможным. Каждая из сторон не упускала случая «воздать должное» другой.

Правители Минской империи в целях подчинения себе чжурчжэней широко использовали практику раздачи чиновных званий чжурчжэньским старшинам. Получившего его минские власти объявляли начальником караула, или поста. Соответственно ту или иную чжурчжэньскую общину, чей вождь получил чиновное звание и приличествующую ему печать, минская администрация считала своим караулом, или постом. В частности, место проживания соплеменников Нурхаи именовалось у китайцев «Цзянь-чжоуским караулом», а предки Нурхаи имели от минских властей звания начальников названного караула.

Обладание чиновным званием давало чжурчжэньскому старшине право приезда ко двору минского императора и позволяло заниматься торговлей в китайских крепостях. Документальным подтверждением такого права служили официальные лицензии, выдаваемые чжурчжэньским предводителям в количестве, соответствующим их рангу. Чжурчжэньские старшины привозили ко двору китайских императоров подарки, что было повсеместно распространенным явлением в практике посольских сношений. Однако эти подарки, равно как и подношения других иноземцев, в соответствии с традиционным китайским дипломатическим протоколом квалифицировались как «дань», хотя за них давались ответные дары. Формальность дипломатического протокола служила для императоров Китая поводом именовать всех иноземцев, поддерживающих с ними внешние связи, своими «данниками». В условиях межплеменной и междуродовой разобщенности чжурчжэньские старшины нередко прибегали к покровительству того или иного из соседних государств, ища управы на соплеменников или же помощи в борьбе с внешним неприятелем.

Тем не менее устойчивого мира на рубежах империи Мин и корейского королевства Чосон, с одной стороны, и чжурчжэньских владений — с другой, не было. За два года до рождения Нурхаци, в 1557 г., произошли крупные вооруженные столкновения между чжурчжэнями и китайцами⁵. Они повторились снова через пять лет⁶. И наконец, в 1583 г. минские войска под командованием Ли Чэн-ляна предприняли карательный поход в чжурчжэньские пределы. «В итоге его,— резюмировал минский автор,— восточные людишки (т. е. чжурчжэни.— В. К.) трепещут от страха»⁷. Для самого Нурхаци деятельность Ли Чэнляна была связана с гибелью деда и отца⁸.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Уже рассвело и над крышами приземистых строений селенья Хету-Ала, что расположилось у подошвы гор Илан-Хада, потянулся сизоватый дымок. Над долиной плотной завесой навис туман, и бессильный пробить его дым очагов стлался низом. Вот из одного жилища, ничем особенно не приметного, отличавшегося от других, ему подобных, разве только размером, вышел человек. Ступая осанисто, походкой и видом выказывая свое начальствующее положение, он придирчиво разглядывал коня. Его вел под уздцы юноша с такими же разлапистыми бровями и крупным носом, как и у старшего. Приблизившись к хозяину, конь издал короткое радостное ржание и замер, настороженно прядая ушами. Ласково потрепав лошадь по холке, мужчина проверил подпругу и легко вскочил в седло. Конь заплясал на месте, вскидывая голову.

Натянув поводья, придерживая лошадь, всадник нагнулся к стоявшему рядом юноше: «К концу этой луны я вернусь, Нурхаци. Снасти готовы. Поедем за рыбой. В верховья Суксуху-Биры». Сказал и тронул поводья. Цокот конских копыт потонул в разноголосом собачьем лае. Без приглашенья, по привычке, свора кинулась вслед за хозяином. «А ну, домой»,— полуобернувшись, прикрикнул всадник и взмахнул плетью. Собаки нехотя, иевдрут отстали с протяжным, нудным воем.

Конь и верховой скрылись из виду. Смолк стук копыт о камень, что устилал долины дно. Звук голоса угас, а от него в ушах Нурхаци другие звуки зазвучали и пред глазами зримо встали знакомые картины. На перекатах — веселый шум игры воды с камнями. В стоячей глубине заводи, укрывшись от упавшей сверху тени, замер косяк пугливых крупнотелых рыб. И вот, внезапно осмелев, прорежет вроде недвижную воду, вокруг все всколыхнув, и устремится в быструю протоку — и тут-то бей их острой!

Давным-давно луна шестая исчезла незаметно и бесследно с неба. Так желтый лист, прилипший к темной стенке, слетает вдруг от ветра, в лесу внезапно падает и в зарослях теряется давно созревший плод. Уже иным стал серпик серебристый, что ночи тьму прорезал как-то, в нем полноты прибавилось, на полукружье стал похожим он. Отца все же не было. Как шест, забытый словно кем-то, в углу двора стояла острога его, и мухи ползали по острой, ища поживы.

Встав рано по утру, Нурхаци, забрав своих собак, шел в горы промышлять. Обрато возвращаясь, все норовил прибавить шагу: хотелось поскорей узнать, вернулся ли отец. И прежде чем зайти в дом, Нурхаци шел к стойлу. Но там отцовского коня не находил.

Ну, а пока сбивает палкой маковки цветов Нурхаци, спускаясь вниз, в долину. Вот и строенья завиднелись. Вон дом отца, а значит, и мой дом. Но что-то старый пес, домашний сторож (по дряхлости своей не выходящий из селенья), не спешит задорным лаем известить тех, кто в домо ость, что молодой идет хозяин.

Словно опоры дома рухнули внезапно, вмиг. Будто горы вершину кто-то снял и бросил вниз, в долину Хету-Ала. Почувствовал себя Нурхаци так, когда известие пришло о гибели отца. Убийцы кто? Никапъ. Звучало это слово приглушенно. Так говорят, когда в селенье хворь пришла, и норовят о ней вполголоса сказать, чтобы не зазвать и в дом к

себе. Никагот, проклятые никани... От слова этого у многих скулы каменели и в голове стучала кровь.

Зажав в руке древко копья, Нурхацци кричит, что было мочи: «Им надо отомстить!». В ответ ему — молчание людей, вроде родных доселе. Так юный петушок, свой голос пробуя, всю силу вложит в крик, но стоя птичьа остаемся равнодушной. «Ты, парень, видно, ошалел,— раздался голос глуховатый.— Видать, в горах грибов наелся, которые олень во время гона жрет. Идти сейчас нам на никаньцев, считай, что лбами биться о скалу».

— Ну да,— упрямо мотнул головой Нурхацци.

— Если не веришь, так поезжай и посмотри, что случилось с Гурэ, где дядя жил твой Лидунь. От всех домов, а было их немало, остались только головешки. Стены, ко-торой, как считал Лидунь, Гурэ укрыл надежно, не стало. Разворотили все никаньцы так, что тел отца и деда (твоего, которые на выручку пошли было Лидуню, уж не найти⁹).

Привычное руке копье тяжелым стало вдруг таким, что пальцы сами разомкнулись, не в силах древко удержать. Ни на кого не глядя, молча, Нурхацци оставляет тех, кто во дворе собрался. Тропой знакомой поднимается он в горы, бросается в чащобу, чтобы никто его не видел слез. Ведь не пристало, словно бабе, реветь мужчине, воину, «А все равно,— твердил потом упрямо он про себя,— никаньцам я отмщу, за смерть отца и деда».

* * *

В тот год удел Маньчжу лишился разом двух предводителей своих: Такши, отца Нурхацци, и Гиочанги, его деда.

Сам по себе удел маньчжуский не очень был велик: долина Хету-Ала, ее окрестности. Земли, считай, не так уж много, а клан правителей, что звался нингута бэйлэ, велик. В шести острожках, что они владели, им было тесновато. И среди членов правящего рода, пожалуй, не было таких, кому бы не хотелось иметь земли побольше, да и зависимых людей, работников или охотников в дни мира и воинов, когда пора войны настанет.

А та пора не заставляла себя ждать: среди самих племен чжурчжэньских шли свары постоянно, шел дом на дом и род на род, удел шел на удел.

От непрерывных этих распрей народ чжурчжэньский стал похож на человека, который в ранах весь, что не рубцуются совсем: и капля крови то выступит, то засочится струйкой, а то и хуже — побежит ручьем. А человек, что кровью истекает постоянно, с соседями, с которыми вражда давным-давно возникла, управиться не в силах — раз и навсегда.

Сильнее всех, а потому страшной, среди соседей у чжурчжэпей были Корея и Китай. Что для корейского, что для китайского двора чжурчжэпи были только дикарями, с натурой звериной. Подход был к ним таков: держи в смирении, как нужным считаешь. Сподручно было — и острастки ради шли на чжурчжэньские селенья корейские, китайские войска, то вместе, то поврозь. Да только покорить не удавалось чжурчжэней никому: ни вану Кореи, ни императору Китая. Отчаянно дрались чжурчжэни все, от мала до велика. Лихою славились ездой и меткою стрельбой из лука. Шести-семи лет уже учились в центр мишени попадать, а позже чуть — ездить верхом.

Обложат китайские или корейские войска селенья дикарей, которые поближе от рубежей своих, сожгут дотла и с этим уйдут. А вглубь соваться не рискуют. Выйдя нотой из спасительных чащоб, чжурчжэни не упустили случая воздать Китаю иль Корею.

Не надеясь только лишь на силу, правители Китая и Кореи пробовали и приручать соседей беспокойных: хоть дикари они, чжурчжэни, но нужны им и хлебные припасы, и ткани тоже, чтоб срам прикрыть, и утварь. За это все они отдать готовы были коней своих, жэньшэнь или иньсам, пушнину, жемчуг, птиц ловчих, мед — все то, что им дарили их

земля, леса и реки. И потому для дикарей в корейских и китайских крепостях базары открывали иногда. Держать их постоянно не хотели: еще зазнаются, пожалуй, дикари, строптивы станут, подумав, что без их товаров не прожить. А без торговли им самим нельзя, ну, а раз так, то допускать на рынок будем только тех, кто послушанье проявляет, не беспокоит рубежей Кореи или Китая.

Не как гостей желанных встречали чжурчжэней на базарах власти. Во всем напоминали им, что принимают их из милости и только. За их товар цену давали как можно меньше. А выручкой, когда домой уж ехали чжурчжэни, делиться заставляли и начальство, и солдаты на границе. Добром не дашь — отнимут силой да пригрозят еще: «Не вздумай снова приходить!».

И даже так нередко получалось, что на своей земле чжурчжэни не властны были обуздать никаньцев. Поведились из них иные хаживать в чжурчжэньские пределы за травами целебными, мед в дуплах собирать, мыть золотишко. Тронуть их не смей — не то отряд никаньских ратников примчится. ,

— Считаться лишь тогда соседи с нами станут, когда мы будем под одним началом,— звучали всякий раз слова такие среди чжурчжэней, когда снести обиду иль ущерб от сильного соседа приходилось.— Только тогда, когда уделы наши все под властью будут одного.

Но то слова все были. К случаю. Не одеяло из лоскутьев сшить, а воедино слить уделы все, где в каждоместе правитель свой и властью он поступаться вовсе не намерен. Какое тут уже согласие душ владетелей уделов, когда в семье одной и то, случается, нет мира?

* * *

Такши, уйдя с лица земли, остался в памяти сородичей своих. Они припомнили наследнику, Нурхацци, и нрав его крутой, и руки цепкие. Что отхватить сумел у родичей своих отец, сын прочно держал, а если кто пытался говорить, что не по обычаю они с отцом так поступают,— мигом за меч брался Такши.

И эту неприязнь дальней родни к отцу и деду тотчас ощутил Нурхацци, едва не стало их. Кусок земли у Черной речки, где бортничали люди Нурхацци, своим признал вдруг Линдунь, сородич. Послал сказать к нему Нурхацци, что так негоже поступать. Этот кусок земли ему, Нурхацци, еще при жизни выделил отец. «Пусть сам и скажет мне о том»,— с издевкой отвечал Линдунь.

И это проглотил Нурхацци. Терпеть обиды было не впервой. Мать умерла, когда едва он встретил десятую весну. А мачеха — не мать родная. И в том, как скажет: «Есть иди-ка», разница видна. А за провинности ребячьи родная мать давала трепку тоже, и вроде так и надо было. Совсем иное дело мачеха: ее рука гораздо тяжелее. И от того еще, что кто-то скажет из родни, жалея вроде: «За это мать твоя не стала б бить». Отцу попробовал сказать однажды, что мать обидела. Тот слушал жалобу, глаза прищурил. Потом внезапно округлил, словно натужился, схватив за волосы Нурхацци. Пальцы разжав неторопливо, будто не слыша вопля сына, сказал ему спокойно: «То верно, Нара не кормила тебя грудью. Однако же куском не обделен ты и без штанов не ходишь тоже. Я доверяю ей. И почему от братьев твоих, Шургацци и Яргацци, ей тоже не родных, не слышал жалоб я?».

— А-а,— досадливо в затылке почесал Нурхацци.— С самим Линдуном я бы справился еще. В стрельбе из лука, всем известно, в округе некому со мной сравниться. Но если б только один Линдунь... А то ведь вся семейка та накинется, как свора псов. И нам уж будет не отбиться. Дед и отец со всеми теми нингута бэйлэ не дружны были. И получается, что против нашего семейства одного весь род почти. В колчане стрел не хватит с братом у меня.

Стрела, жужжа натяжно, как шмель, промчалась у самого лица. И даже показалось, задела опереньем щеку. Тропа, взползавшая па подъем, словно истончав от непомерных усилий, сузилась так, что в сторону было не отскочить: не пускали каменные стены. Нурхацы, упав навзничь, быстро пополз назад, помогая себе руками. И тут перед самым носом глухо звякнул б камень наконечиик стрелы. Пополз еще быстрее. За камень лег большой, который тропка огибала. Стараясь громко не дышать, к земле прижался плотно. Ушел бы весь в нее, но не пускала та, противясь молча. Как быть — не знал, и потому внутри все холодело. И тут на ум пришел рассказ о хитрости военной, который слышать довелось когда-то. Зимой бывало вечерами, сидя на кане, старики воспоминаньям предавались. Бахвалились давно ушедшей силой, сноровкой, хитростью. «Бывает так, — запомнились слова Нурхацы,— одержит верх не самый сильный, а кто окажется хитрей... Вот шапку ты возьми. Она не только для тепла... Вот помню было так. Попали мы в засаду...»

«Как я сейчас»,— сказал себе Нурхацы, шапку снимая и на стрелу ее надев. Едва поднял слегка над камнем, как со зловещим свистом ткнулась в нее стрела. И тут, не в силах вынести тревожное томленье, отбросил шапку, лук схватил. И в полукружье растянув его, пустил стрелу свою туда, откуда та, чужая, как показалось уху, прилетела. Неслышному дрожанью тетивы ответил треск ветвей, потом упало что-то наземь глухо, словно мешок зерна, сброшенный с плеча. И смолкло вроде все. Загадочно молчала тишина, недвижимыми деревья оставались, даже листва на них примолкла. «А что теперь? — подумалось Нурхацы.— Один он был или их больше?» Ответа не дождавшись, пошел вперед, ступая осторожно, чтобы камни под ногой безмолвны оставались. О том, что во весь рост он встал и виден всякому, кто если затаился впереди, как-то не думалось сейчас Нурхацы. Узнать скорее не терпелось, один в засаде был иль нет и кто, зачем убить его хотел?

Молча стоял возле лежавшего безмолвно на земле. Сколь не тряси его, молчит — стрела пробила горло. Лицо его Нурхацы не было знакомо, и кто он, не узнать. А по одежде вроде свой. Да не иначе здешних мест он человек. Вон и косы конец торчит из-под шлема. Так волосы у нас мужчины носят. Кольцо железное на пальце, чтобы стрелу пустить сподручней. Нурхацы нагнулся и снял кольцо: «Пригодится. Вещь нужная». Сумку, на поясе которая висела, убитый при падении подмял под себя. Вытянув ее, Нурхацы раскрыл. В ней несколько лепешек просяных, вяленого мяса кусок. Выходит так: собрался на охоту и потому съестной припас с собою взял. Рассчитывал в засаде, видно, высидеть и дожидаться того, кто нужен был.

«Сдается так, что на пути кому-то стал ты. Кому-то своему. Тут на чужого не похоже. Вот почему твою наружность знают в округе нашей только. И те прежде всего, с кем роду одного ты. От них, когда Такши не стало, добра ждать нечего»,— сокрушенно развел руками старый Решу, брат по матери Нурхацы.

Ходил он не раз по этим тропам, не ведая опаски. Хозяином здесь чувствовал себя. После того, как напоролся на засаду, стал брать с собой Шургацы, брата. И обходилось вроде все.

В ту ночь тревожно спал Нурхацы. То забывался в сновиденьях, то просыпался и лежал в кромешной темноте. Собаки вроде лаяли истошно во дворе — и вдруг замолкли разом. Вскочил Нурхацы, словно от толчка. Кто-то стоял у изголовья, и сталь меча блеснула тускло в чужой руке. Ударить не успел, однако,— опередил Нурхацы, толкнув в живот обеими ногами что есть мочи и закричав истошно, как будто самого его пинком свалили наземь.

О том, кем послан был, сначала не говорил им гость ночной. Потом, когда уже стерпеть не смог с пристрастием допроса, признался: «Линдунь...».

— Опять эта родня... Со свету сжить хотят. И ладно бы только родня. А тут еще и этот смрадный пес, Никан-вайлан, сосед, лишить меня грозитя отцовского, наследства. Он, говорят, способствовал всемерно убийству деда и отца.

О том, что Линдунь хотел меня убить, знаем пока лишь двое мы с Шургацци. Допрос вдвоем чинили. Но что забрался ночью в дом незванный гость, об этом в доме знают все. А шум, что поднят был, наверное, слышали рядом кто живет. Не скрыть того никак, что злоумышленника схватили нынче в доме. Да, это так. Но разглашать всем про замысел Линдуни меня убить не стану вовсе я. Иначе, узнав про то, Никан-вайлан уж не отступится.

Ночного гостя отпустил Нурхацци восвояси, при расставанье наградив пинком, и всем сказал, что приходил тот, чтобы украсть быка. Да по незнанию заплутался и вместо загона для скота попал в опочивальню.

С того ночного посещения и в стенах родного дома не чувствовал себя уверенно Нурхацци. «Все вроде свои, и вот, случилось же, пробрался внутрь дома самого с намереньем убить Линдунев человек. А будет он последним? Не похоже. Не таков Линдунь, чтоб от задуманного вдруг разом отказаться. И если даже стены дома родового не стерегут от умысла дурного, то как тут быть? Их стены, верно, можно укрепить, но трещину в душе живущих рядом как заделать? Тот же Самчжан, сын мачехи. Плохого от меня не видел ничего он, а все равно глядит всегда недобро. Зависть питает от того, что мне отец еще при Жизни выделил надел больше того, по мненью Самчжана, которым он владеет. Дело известное — кусок в чужих руках побольше кажется».

— Мм,— тряс головой на тонкой, морщинистой шее Решу,— нет ладу в нашем доме. Всяк норовит за главного быть, но не заботятся, чтоб крепким дом был изнутри. Как бы побольше для себя урвать — иного и нет на уме. Охо-охо...

— Дядя, что мне от твоих вздохов? Они ведь не прогонят ту вражду, которую я чувствую к себе вокруг. И даже под крышей дома, что построил дед.

— Род деда твоего недружен,— бубнил Решу.— Одно лишь общее, что предок. И враг опасней тот, который близок по крови. Деда твоего не очень-то любила его родня, как и сына его, а твоего отца, и эту нелюбовь, понятно, ты унаследовал от них. Конечно, если бы, кто живет сейчас в нашем селеньи, все были заодно, Линдунь держался бы иначе. А этого и нет.

— Может, обратиться на совет семейный всем, кто здесь живет у нас?

— А толку что? — махнул рукой Решу.— Родня у Нары велика. С Шургацци вам ее не перекричать! Меня же слушать станет кто, когда давно я не добытчик...

— Так как же быть?

— Когда ты с Ниовангяну, донго, состязался, потом над ним смеялись все в округе. Стреляли в иву вы, которая стояла в ста шагах. Из пяти стрел, что выпустил Ниовангяну, лишь три коры коснулись ивы. Но пять твоих все приняла она.

Нурхацци на какое-то время горделиво приосанился и тут же спохватился: старик-то не дал ответа на вопрос.

Гешу молчал, когтистым пальцем ус седой потрогал с видом таким, как будто редкий пучок волос мешал говорить. И руку ото рта убрав, раскрыл его, зуб одинокий обнажив: «То было давно. Теперь настал черед донго над нами насмеяться». К Никан-вайлану, что старший в аймане суксуху, бежит народ из нашего айманя. Бахвалится при том Никан-вайлан: «День недалек, когда и маньчжу стану я владеть. Никаньцы мне помогут в том».

— Да,— понурился Нурхацци,— слышал о том я тоже. Так я чего один сделать могу? Всего-то у меня народу тринадцать мужиков. Да и почему один я должен браться за Никан-вайлана? Ведь вон сколько родичей, а они чего-то не спешат приструнить этого Никан-вайлана.

— Речь не о них сейчас, Нурхацци. А о тебе. Тебе уж сколько минуло годков?

— Мне полных двадцать пять.

— Вот то-то. Взрослым мужчиной стал давно, а до сих пор не отомстил за смерть отца и деда. Вместо того вот жалуешься все: вокруг тебя одни враги. И в стенах дома

своего тебя не оставляет страх. Все это от того, что души отца и деда тобою недовольны, мщениа заждавшись.

Старик дух перевел и продолжал: «Словно забыл ты, что Никан-вайлан причастен к гибели Такши и Гиочанги. Кабы не он, они б остались жить еще. Когда Никан-вайлану отомстишь, тогда покажешь всем, что ты настоящий мужчина. И родичи твои, считая Линдуня, хвост подожмут. И в дом твой навряд ли кто посмеет сунуться, пускай и ночью».

Гешу умолк. Уставился в огонь, тяжело сопя. Хоть сколько не буравь глазами его блестящий череп (такого цвета бывает старое весло из липы), старик не скажет больше ничего. Махнул рукой: вести беседу больше не намерен. А смысл его суждений сходен с тем, что думал сам не раз. Да только вот все не решался к делу перейти. Что-то мешало все. То занят был приготовлениями к женитьбе. Свадьба потом. Семья прибавилась: дочь с сыном народились. Забот добавилось, и так все потянулось. «Ну все — ждать больше нечего. За губы взял Никан-вайлана, рвануть его паскудный рот! Что слаще этого быть может? — Нурхацци зажмурился от вожделения.— И кровью подлого Никан-вайлана замазать трещины в сердцах своих сородичей...»

* * *

А латы тяжелы сегодня необычно, и вроде панцирь жмет, хотя за время то, когда последний раз одел его, раздаться грудь так не могла широко. А тяжесть в теле, видно, оттого, что остается позади тын, что опоясал нехитрое строенье родовое. За частоколом, за стенами уже не отсидишься, но самому придется лезть чрез ограждения, чтоб голову врага добыть и принести обратно для показа. Удастся ль это с той горсточкой людей, которые за ним пошли? Чтоб всех пересчитать, с лихвой хватает пальцев на руках и на одной ноге.

От Хету-Алы уж отъехали изрядно, пошли места чужие. Лес поредел. И тут дождь пошел вдруг, сплошную серой пеленой задернув небо. «Угодны ль стали жертвы духам, что поутру принес сегодня, прежде чем сесть в седло?» — С тревогой думал про себя Нурхацци, пристально вглядываясь в зыбкую серую пелену, за которой, словно человеческие фигуры, проглядывали редкие, одинокие деревья. Расступаясь, они не задерживали всадников. Но вот земля... Раскиснув от избытка влаги, она, жадно чавкая, заглатывала ноги коней по самые бабки, держала их, сколько могла. А дождь все шел... Видать, не только здесь, но и не первый день окрест. И от него сил набираясь мигом, ручей, что вился сбоку, стал угрожающе шуметь. Тревожно захрапели кони, уже проваливаясь в топкую вязь чуть ли не по брюхо и натужно вздымая шеи. И оттого чувство тревоги, холодившее у Нурхацци где-то внутри, державшее его в каком-то тоскливом напряжении, еще больше усилилось. А тут еще раздался голос сбоку: «Брат, вернуться, видно, надо нам назад». То говорил брат младший, Шургацци. И рта в ответ еще раскрыть не успел, сказать намереваясь: «Сзади теперь сплошная топь. Давайте лучше двигаться вперед, пока еще возможно»,— как словно эхо тревожно сзади отозвалось: «Видать, духи прогневались на нас. Хотят нас утопить в грязи болотной».

Упрямо помотал головой Нурхацци, словно отгоняя мух. И будто отвечая, заржал под ним призывно конь. Откуда-то дымком пахнуло и донесло нестройный лай собак. «Выходит, духи довольны жертвою моей остались»,— легко подумалось Нурхацци, когда под копытами коня зацокал камень мелкий. Из топи вроде выбрались. Наезженным путем, надежным для конника и пешего, направились к строенью. А думалось сейчас не о сраженьи вовсе — словно от сырости угас задор, но лишь о том, как поскорей бы снять прилипшую к спине, к ногам одежду и лечь на теплый кан. И опять тревожно стало на душе: «Как примут здесь? А вдруг тут Никана люди?». Хотя пошел искать с ним встречи сам, теперь не мог избавиться от чувства, что лучше не сейчас им встретиться — немного погодя.

Стая собак недобрым лаем встретила пришельцев, но приближаться к ним не стала, а жалась к стенам дома. На шум хозяин, видно, вышел, прикрикнув на собак, чтоб унялись. К Нурхацци подошел (тот первым ехал), приветствовал, как повелось издревле: слегка припал на правое колено и руку правую положил на него, а левую свободно опустил. Нурхацци, мгновенно спешившись, сделал то же.

— Эйду я, — назвалса незнакомец, — из рода нюхулу¹⁰.

— Нурхацци я. Наш род зоветса нингута бэйлэ.

— Мой дом — твой дом, бэйлэ Нурхацци, — уважительно, но с достоинством сказал Эйду. — Предки мои с твоими жили по соседству в мире.

Следом за хозяином Нурхацци и его люди пошли в помещенье. Оно встретило душным полумраком, жалобным бляением ягнят, бодрым похрюкиваньем поросят.

Где-то впереди призывно манил огонек светильника. Узкий желтый язычок жадно лизал льяной стебель, обмазанный смесью просяной шелухи и конопляных выжимок. И слабое потрескивание словно говорило о том удовлетворении, которое испытывало вечно голодное пламя.

Проведя приезжих в жилую часть помещенья, Эйду сам сел на южный кан, Нурхацци и его людей как гостей усадил на западный.

Пошел неторопливый разговор сначала о погоде. «Да, такой воды большой давно не бывало. Будет ли удачна рыбная ловля?» — «Кто знает, — неопределенно отзывалса Эйду. — Все так будет, как духи решат». — «Оно верно, — соглашалса Нурхацци. — Ну и вейху тоже нужно справную иметь». — «Да лодку я давно приготовил. Вот жду, когда с неба светить не будет. А то по воде свет разливается, рыба и не идет к тебе». — Нурхацци согласно кивал головой. — «Вот когда на лодке с огнем поедешь темной ночью, рыба-то и лезет на него. Тут-то ее, дуру, и острогой по голове». — «Дело известное, — подтвердил Нурхацци, — а на худой конец и в спину можно. Не сорвалса бы только». — «Оно понятно», — заключил Эйду, когда кто-то из домочадцев принес мясо. Эйду развернул промасленную тряпку, и у Нурхацци рот наполнилса слюной. Сглотнув ее, вынул нож и следом за хозяином отрезал себе кусок. Со своими ножами потянулись и другие.

Прерванный трапезой разговор вновь возобновился. В местах-то наших как оказались? — справилса Эйду.

— Пришла пора мне счет свести с одним тут человеком, — не таясь, ответил Нурхацци. («А будь что будет», — про себя решил). И рассказал, как жизнь сложилса.

Эйду тоже говорить стал о себе. И оказалось, судьбы схожи у Нурхацци и Эйду. Оба остались без матери и без отца. Их у Эйду враги убили. Правда, с теми убийцами Эйду, хоть лет всего тогда было 13, расправиться сумел. Но ради безопасности своей бежал из мест родных. Нашел прибежище у тетки, в селеньи Гямуху. Здесь и живет поныне¹¹.

— Я так смотрю, — вздохнул Эйду, — обычаи сейчас не в счет. Копье, стрела иль нож решают все теперь. Вот ты попробовал с родней договориться. Ей говорил, что по обычаю владеешь достоянием отца. А что тебе в ответ сказали? — «Он может это подтвердить?» Так и со мной, считай, случилос. Все, что имелос у моего отца, теперь в своих руках чужие держат крепко.

В ответ согласно головой кивал Нурхацци. Едва Эйду смолк, ему в глаза глядя и рот скривив словно от боли, прерывисто заговорил Нурхацци.

— И если б только свары шли меж нас самих, а то ведь и никани не упускают случая рубить нам головы. Ведь из-за них отца и деда я лишилса. А тут еще теперь этот Никан-вайлан грозитса все отнять, да и притом бахвалитса: «Помогут мне никани!».

— Никаньский прихвостень, — сквозь зубы процедил Эйду, — за падали кусок готов им облизать не только руки — задницу. Он как-то пробовал здесь поживиться, в Гямуху, да, хвост поджав, бежал. И больше носу не казал сюда. Видно, искал урвать где легче. Сейчас вот за тебя принялся.

— А если я не справлюсь, что тогда, Эйду? Не вспомнит ли опять про Гямуху, где ты сейчас живешь?

— Все может быть...

— Когда соседский дом горит и искры сыплются вокруг, не лучше ли помочь соседу, чтоб собственный спасти? Да и сосед про помощь будет помнить век, к тебе на помощь придет тоже.

Молчал Эйду и пятерней зажал щеку, словно вдруг зуб схватило болью. Глазами в пол уставился, будто чего-то там искал. Пол, видно, был совсем недавно мазан глиной, и трещин не было вовсе на нем.

— А никани? — Эйду голову поднял.

— Никани что... Верно, болтаем, он, Никан-вайлан, что на подмогу выступят они к нему. Да ведь острог Ту-рунь, где постоянно проживает Никан-вайлан, не больно близок от крепости никаньской. Если прихватим разом, то кто его услышит за стенами Туруи?

— Оно-то так,— кивнул согласно головой Эйду.— Я вот чего боюсь. Людей немного у тебя, чтоб обложить Турунь со всех сторон. И в ней Никана самого, как зверя в логове. А изворотлив он: оставь ему лишь щелку — и нет его. Не углядишь потом, как кинется на спину.

Молчанье наступило. Но только лишь таким оно казалось. Голос внутри каждого по-своему звучал. И вслушиваясь в то, что говорил он, каждый цедил через сознание, как через сито, свои мысли, пытаясь в то же время угадать, а что на это скажет собеседник.

Молчанье затянулось. Светильник, догорая, замигал, хозяину давая словно знак; иль новый зажигай, иль на покой.

— Сдается мне, бэйлэ,— подался Эйду к Нурхацци,— ты сильно притомился. Совсем осоловел. Давай-ка будем отдыхать. А поутру продолжим разговор.

На утро в доме кто-то новый объявился. Дверь хлопала, звучали громко голоса. От шума проснувшись, Нурхацци первым делом схватился за меч. Шургацци, что рядом спать ложился, тоже пробудился, с тревогою смотрел на брата. «Нам надо бы,— негромко произнес,— со всеми нашими ложиться вместе».

— Еда готова,— возвестил, широко улыбаясь, Эйду, в проходе встав.— Тут у меня еще гость объявился. Номина из Сарху. Вчерашний разговор при нем продолжим. И, увидя тревогу на лице Пурхгцци, поспешил успокоить: «Беды не будет никакой. Наоборот, быть даже может польза».

— Задумал — значит делай, - неторопливо заговорил Эйду, когда еда кончили.— Однако спешка не всегда на пользу. Сейчас дожди прошли, сам видел это. Ручьи вечерашние — сегодня реки. А место-то, Туруи стоит где, сейчас водой окружено. Так вот тебе совет мой, бэйлэ, повремени немного. Места хватит у меня тебе и твоим людям. Пока вода спадет,— пора дождей; как мне сдается, уж прошла,— разведем получше про Никана.

— Будь проклят он и все его потомство,— не усидев, вскочил с места Номипа из Сарху, и кровью налились его глаза.— Из-за него, Никан-вайлана, пусть жрут собаки его прах, погиб мой брат Гуара. Он на него возвел навет никаньскому начальству¹².— Да ты садись и успокойся,— увещевать Номину стал Эйду.

К нему явился поутру Номипа узнать, не променяет ли Эйду копей табун на шкурки соболя и мед. Пока готовилась еда, до дела не дошли. Разговор вели о том о сем. Сначала про погоду говорили, догадки строили, куда за рыбой ехать, где зверя промышлять. А там и на знакомых перешли, кто как живет и занят чем. И только лишь Эйду упомянул Никан-вайлана, как от укуса в зад вскочил Номина, руками замахал и сыпать стал проклятья.

— Приехал брат к пиканям в крепость торговать,— продолжил, сев опять, Номина — а тут как раз Никан-вайлан. И говорит никаньскому начальству: «Вот он, Гуара, срамил вас сильно и грозился счеты свести». Ну и лишился головы Гуара. А по ночам ко мне приходит он и строго вопрошает: «Когда ты отомстишь?». Я знаю — должен кровь

пролить повинных в смерти брата. Но что могу поделывать я с никанями? Фушунь, где голову сложил Гуара, мне одному не взять, конечно. То все равно, что если бы козел бодаться стал с быком. А вот с Никан-вайланом можно посчитаться, хотя мне одному с ним в силе не сравняться.

— А почему решил, что ты один? — участливо спросил Эйду. — Вот у меня в гостях бэйлэ Нурхацы. Ему Никан-вайлан такой же враг, как и тебе.

— Ну, значит, бэйлэ, так, — сказал Номина, уезжая. — Едва лишь месяц потолстеет и станет словно круга половинка, я буду здесь, и уж тогда мы окончательно обговорим все. Так что жди.

Слово свое сдержал Номина. Приехал в срок, да не один. С ним прибыли Гэхашаньхасыху с Чаншу, хозяева двух острогов — Цзямуху и Чжаньхэ.

— Значит, условились, — обвел глазами всех Нурхацы. — В конце пятой луны идем мы на Никан-вайлана. В ответ согласно кивнули головой Номина, Чаншу, Гэхашаньхасыху, Эйду.

* * *

Не дождавшись, когда Нурхацы с союзниками подойдет к Туруни, Никан-вайлаи оставил загодя ее, сказавши соплеменникам своим, что он пошел встречать врага. А сам с дружиной личьей в другую сторону подался.

Трона словно змея петляет там и тут. Кругом — чащоба. И кто-то, видно, рядом затаился, раз с гомоном тревожным стая птиц взлетела. Коня замедлив шаг, Эйду лук взял наизготовку, весь в слух и зренье обратись. Кто ехал сзади, сделал то же. Ну, вроде пронесло. Хозяин леса встречи, видно, не искал. С тех пор как подношение получил, наверное, ушел потребовать его в места другие. А что ему здесь дали в жертву человека, напоминает ильм корявый. На ветках и сучках его куски одежды тех, кто мимо проезжал. Нурхацы спешился и торопливо оторвал полоску от штанов и благоговейно к ветке прикрепил; «Хозяин больно лютовал окрест, — когда уж отъезжали, негромко заговорил Эйду, — ну просто спасу не было. Тогда шаманы объявили: „Хозяин хочет мяса человека“. Девчонку отдали ему. И с той поры утихомирился хозяин». «А я, — подумал Нурхацы, — отца и деда души ублажу, им в жертву принесу башку Никан-вайлана».

* * *

Никто из тех, что был на тайном том совете у Эйду, Никан-вайлана извещать не собирався. Однако тот узнал — известно, слухом полнится земля, — что против него союз сложился. Почувствовал себя он в ставке как-то неуютно. Уж явственно услышал, забегая мыслями вперед, как тын трещит, съедаемый огнем, и как ступает тяжело одетый в латы враг. Куда б ни шло — один, а тут их — целая ватага. Уж этого-то он никак не ожидал. Как только мог, везде распространялся, что он в чести у самого правителя никаней. И потому тот приказал-де пограничному начальству охранять его, Никан-вайлана, и помочь построить крепость вроде тех, что у самих никаней.

* * *

Как глыба, вросши в землю, Турунь темнела в окруженье леса. Досадливо поморщив лоб, Нурхацы к Эйду обернулся: «С ходу не взять ее. Сил маловато. Нас ожидать должны здесь были Номина, Гэшаханьхасыху, а их чего-то нет еще». Откуда было знать тогда Нурхацы, что изменил Номина слову своему¹³ и что убит Гэшаханьхасыху.

В ответ Эйду пожал плечами, словно вдруг стала тесна кольчуга, и процедил слова сквозь редкозубый рот: «Насчет Номины я не знаю, что теперь подумать. Но Гэшаханьхасыху, двоюродный мне брат, свое он слово держал обычно, А что касается

самой Туруни, то проверить надо, как и что. Бывает так: ступаешь вроде твердо по земле, а вдруг — провалится она, а под нею яма. А то в горах бывает: ступишь на камень — и вместе с ним вниз полетел».

Договорились так: раз не пришла подмога в срок, лезть напролом не стоит. Решили ждать и караулить, как на охоте. И ждали не напрасно. Схватили-таки одного, что из Туруни как-то вылез, надеясь на туман, который все застлал вокруг сырым и плотным одеялом. Но все-таки туман — не ткань, хотя и та редка бывает. Не ускользнул Туруни обитатель от цепких глаз дозорных Нурхаца.

— Никан-вайлана нет уже в Туруни,— дрожащим голосом пленный сказал, когда его к Нурхаца и Эйду привели.— А нам велел держаться и возвращения ждать его. Никани что? — пожал плечами пленник.— Я сам их не видал у нас. Никан-вайлан же говорит: «Помогут-де они ему». О том я слышал. Да что-то не видать, чтобы ему на помощь никани поспешили.

— А коли так,— решил как старший по положению и годами Нурхаца,— не станем медлить мы.

— Тянуть тут нечего — отозвался Эйду.— Когда хозя-ила нет дома самого, самая пора туда забраться. Ради хозяйского добра челядь не стане'т рисковать.

Турунь взята... Что быть должно было концом, явилось лишь началом. Со взятия Туруни борьба не кончилась, лишь началась всерьез. Никан-вайлан, бежав, сдаваться и не думал. Он только ждал, как изловчиться, чтоб самому лишить Нурхаца головы и поддержать ее за косу. О том мечтали и родичи Нурхаца. Все те же самые, которые владели Пятиградьем. Это Линдунь отговорил Номину в союзе быть с Нурхаца.

Прознал Линдунь о том, что Номина согласие дал союзником Нурхаца быть. Узнать о том труда не составляло. Бахвалился Номина, не таясь: «Теперь конец придет Никан-вайлану! Обложим мы его как зверя в логове и подпалим со всех сторон». Слова эти неслись по всей округе. Их только слушай и на ус мотай: серьезное, видать, затеял дело сын Такши. Натура-то отца в сынке сказала. Настырен и упрям.

Угрюмо морщил лоб Линдунь. Еще недавно ликовал, когда узнал о замысле Нурхаца отомстить Никан-вайлану.

Мечь — дело семейное. Его не скроешь от родных. Иное дело спать с женой — тут только двое. Совсем другое — ехать мстить врагам семьи. Кто имя носит общее — Айжин-гиоро — все собираются, пускай по крови даже неродные, когда клятва звучит за гибель отомстить носящим это имя. Живущие в доме одном, который предок, уходя, оставил, вроде семья одна. Но это только с виду. И даже кровь одна не делает, согласия среди кровных родных. А что тогда уж говорить про тех, кто в дом пришел со стороны?

Самчжан, сын мачехи Нурхаца и сводный брат его, едва тот отбыл, слово в слово, без утайки, передал Лин-дуню, как дело было и в чем Нурхаца клялся.

Довольно щерил рот Линдунь, злорадно предвкушал, как снимут череп Нурхаца. Иначе и не мыслил: с таким количеством людей, с каким ушел Нурхаца, не выбраться ему живым из-под Туруни.

«А вот теперь выходит так,— зло сплюнул Линдунь на глинобитный пол,— что вовсе не один Нурхаца. С ним увязался и Номина. Ну, это мы еще посмотрим». С капа вскочив, Линдунь велел коня седлать скорей.

— В соседях мы с тобой давно,— доверительно глядя в глаза Найкаде, младшему брату Номипы, сеть плел Линдунь.— И свар, считай, ведь не было меж нами. Когда у соседа хорошо все, то и хорошо тому, кто рядом с ним живет. Ведь так?

— Ну да,— Найкада отозвался.

— И раз мы в дружбе жили до сих пор, то долгом я своим почел предупредить: беда может прийти в вашу семью.

— О чем ты говоришь? — прижав по-рысьи уши, насторожился Найкада.— У нас беда уже случалась не так давно. Теперь еще откуда ждать?

— Да брат твой, Номина, задумал-то чего? Как говорят, решил Нурхаци нашему, Айжин-гиоро, помочь управиться с Никан-вайланом.

— Верно.

— Так знает ли тогда Номина, на что идет он? Ведь сам никаньский царь Никан-вайлану обещал построить крепость в Цзябани¹⁴ и почитать его за главного в уделе Маньчжу. Ван-хан хадаский тоже Никан-вайлану помогает. А кто с Нурхаци? Считай, что никого. Мы роду одного и то идти с ним отказались. Номине есть расчет подумать, прежде чем выступить с Нурхаци заодно.

* * *

Двое дозорных на сторожевой башне Фушуньской заставы, оглядев поутру окрестности и не заметив ничего такого, чтобы вызывало опасения, сели играть в кости. Игра шла с переменным успехом, и потому тот, что был моложе, Чжан Фа, горячился и уши у него наливались кровью, как гребень у бойцовского петуха перед схваткой. Напарник его, более старший по возрасту, Го Вэнь молча дымил трубочкой, невозмутимо глядя, как падают кости, брошенные Чжаном. Го участвовал в игре больше глазами и руками, нутром же своим был обращен в слух. Его крупные оттопыренные уши чутко улавливали раздававшиеся окрест звуки. Старина Го вырос в этих местах. И он, как, впрочем, и все местные старожилы, знал, что за соседство было у них, сыновей Поднебесной, с этими инородцами-дикарями, дацзы. «Добрососедством это уж никак нельзя было назвать, нет. Да и как оно могло иначе быть? Ведь с дикарем вонючим какое обхождение? За волосы — и по зубам. Чтоб разумел и мес-то знал свое. А то ведь как с ними бывает? Из милости им торговать у нас порою позволяем, чтобы смогли сменять свои меха, коней, мед, корень жизни на хлеб, на ткань, на утварь разную. Довольными бы надо быть за то и бить поклоны. И поделиться кое-чем от выручки своей с такими, как мы, что несем границ охрану. Да где уж там ждать благодарности от дикаря! Наоборот, он недовольно говорит, что дешево продал и дорого купил. А выручкой поделится тогда лишь, когда за косу его возьмешь потуже, чтоб зубы ляскнули, иль пригроишь: „А в следующий раз не смей являться“.

У этих дикарей обличье только человечесь. А так — натурой они звери. Чуть только послабленье дай или промашку допусти — вмиг кинутся и разнесут все. И потому острастки ради войско Поднебесной не раз ходило в их пределы рубить тупые головы и логова зорить их».

Вынув изо рта трубочку, Го вытянул шею. И оттого его впалые щеки еще больше запали. Внезапно вскочив с места, Го, поднеся ладонь ребром ко лбу, стал пристально оглядывать окрестности. Примеру старшего последовал и Чжан.

— Э, — тронул он за плечо Го, — глядите-ка. Никак в нашу сторону направляются. Го молча кивнул головой, неотрывно глядя на конную ватагу, вынырнувшую из расщелины между двух сопок.

— Что делать будем? — забеспокоился Чжан. — Надо, видно, наших в крепости известить.

— Погоди чуток. Посмотрим еще, чего они замышляют.

Слова эти, негромко сказанные, словно услышала ватага и остановилась. Люди, однако, не спешили. То ли оглядывали местность, то ли чего-то обговаривали. Толком понять было нельзя, глядя со сторожевой башни, от которой ватага находилась на изрядном расстоянии. И вот словно ее ветром сдуло — исчезла в поросшем мелкоколесьем сопочнике. Го с Чжаном недоуменно переглянулись: «Что бы это значило? Или разведать приходили и ушли? Или замыслили напасть и выжидают?».

Забыв про кости, оба дозорных не сводили глаз с долины и окружавших ее сопок, казавшихся дотоле безмятежными. Одиноко и неудобно почувствовали себя на вышке оба

караульные. Словно вдруг забрались по лестнице высоко, посмотрели вниз — а лестницы-то и нет.

Го поплотнее запахнул полы одежды, словно спасаясь от порыва холодного ветра.

— Да вон еще,— сдавленным голосом произнес Чжан,— беспорядочно тыча пальцем куда-то вперед. Там, в открывавшемся с башни пространстве, мельтешили темные фигурки.

— Гони к начальству,— тронул Го за плечо Чжана.— Скажи — дацзы напасть замыслили.

* * *

— Хитер как лис. Никак достать не можем,— в сердцах сказал Нурхацци, сняв шлем и проведя тыльной стороной ладони по взмокшему лбу.— Ведь шли вроде след в след, и на тебе — вильнул куда-то, а вывел нас к Фушуню.

— Да, мы перед ней, считай, как па ладони,— удрученно отозвался Эйду.— И если видят нас, так это б ничего еще. Пусть смотрят. Но станут только ли смотреть?

На это не ответив, Нурхацци помолчал, наморщив лоб, что-то прикинул про себя. «Сдается мне,— заговорил Нурхацци, к Эйду обратясь,— Никан-вайлан где-то поблизости укрылся. Быть может, даже в крепости самой никаньской. Но то еще нужно узнать, без спешки. А потому мы обождем. Укромное найдем здесь место и оглядимся, что к чему».

— Бэйлэ,— к Нурхацци воин подскочил на взмыленном коне и, выпучив глаза, истошно прокричал: — На нас идут никани. Из крепости их войско вышло...

— Ну коли так,— с досадой протянул Нурхацци,— одно сейчас нам остается — подалее уходить. С никанями нам драться несподручно.

Дыхание ранней осени еще было почти по-летнему теплым, но люди жались к огню костров. И не столько ради тепла, сколько для того, чтобы вырваться из тягостного плена ночного мрака, который до того плотной пеленой обволок все вокруг, что заслонил и звезды, и луну. Извечный враг тьмы — огонь воинственно взметал свои крылья, бросая в темноту искры.

Глядя, как жадно, с хрустом огонь пожирает сучья и те корежатся словно от боли, Нурхацци никак не мог совладеть с роем мыслей, беспорядочно мельтешивших в голове. Ясно было лишь одно, что покончить с Никан-вайланом никак не удавалось. На этот раз помешали никани. А делать дальше что, как быть?— этого Нурхацци не знал. Уж не одна луна сменилась, как он гоняется за Никан-вайланом, а тот все жив и невредим. И тем показывает всем, что он, Нурхацци, не так уж и силен как может показаться. А раз ты слабоват, то и свои не станут ждать, когда твои коленки подкосятся. Набросятся со всех сторон. И выстоять удастся ли? Останутся ли до конца со мной все эти люди, которые сейчас вон у костров сидят? Идут за сильным ведь .

Какой-то шум поднялся, кого-то кто-то окликал. Вскочил Нурхацци, тревожно озираясь и правой рукой держась за нож. «Живым в руки не дамся»,— мелькнула и угасла мысль. Ее сменить другая уж спешила: «Кого это ведут? Зачем?».

Человек, которого подвели к Нурхацци, словно у него вдруг враз отнялись ноги, рухнул наземь и пополз. Судорожно царапая пальцами сапоги Нурхацци, задрав кверху голову, прохрипел: «К тебе пришел, бэйлэ...»

— Ну, раз пришел, то говори, кто будешь и зачем явился.

— Зовут меня Лабу, из племени я суксуху Хозяином моим Никан-вайлан был. Но от него я убежал, тебе зоч служить, бэйлэ.

— С чего ты взял, что я сильнее, и прибежал ко мне? Хозяину, которому служил ты, никани помогают, не то что мне. Ведь я уже было за горло взял Никан-вайлана, так выручать его из крепости никднъцы поспешили

От этих слов Лабу захихикал было, и испугавшись вмиг, опасливо взглянул на князя и сжался боязливо.

— Чего в моих словах нашел смешного? - недоумевая и потому пытливно глядя на Лабу, спросил Нурхаци

— У них и в помыслах-то не было Никан-вайлану помогать,- уверенно отозвался Лабу.- Они хотели лишь подальше отогнать нас от крепости своей. Им было все равно тогда, кто появился: ты ли иль Никан-вайлан. Когда уже с людьми своими ты ушел, хозяин бывший мой из укрытья вышел. Попробовал просить у никаньского начальства чтобы позволили ему укрыться возле крепости самой. Но то в ответ сказало лишь: «Проваливай!». Народ наш, суксуху, изверился в Никан-вайлане. Власти его, считай, уже не признают. Да и терпели-то его из-за того, что хвастался он дружбой с никанями. «Они, бахвалился, помогут мне управиться со всеми, кто против меня задумает пойти. Вот, говорил, пикапи мне в Цзябани крепость возведут». А на поверку вышло — болтовня одна. В Цзябани он не усидел. Бежал оттуда. Теперь в Улгяни зацепился. Опять же норовит поближе быть к никаньскому владенью. Да только не помогут они, нет.

— Нужно идти сейчас,— Нурхаци обвел глазами собравшихся на совет.

В сумерках выражений их лиц не было видно, но по тому молчанию, которое хранили эти люди, Нурхаци почувствовал неодобрение. Это было не почтительное молчание, когда младшие выслушивают распоряжение старшего и, еще неполностью осмыслив смысл сказанного, уже внутренне готовы выполнять приказ. За этим молчанием стояли усталость, сомнение: «Да сколько можно за этим оборотнем гоняться и кровью поливать своей его следы? Зима опять же на носу. А если там, в чужих местах, завязнем?».

— Уж в этот раз,— заговорил опять Нурхаци,— с Ни-кан-вайланом мы покончим. Минувшей ночью ко мне пришел мой предок и подарил мне что? — Глаза округлив и медленно обведя всех взглядом, голосом, в котором звучало торжество, Нурхаци негромко произнес: — Голову Никан-вайлана...

Захочешь зверя ты убить или врага в обличье человеческом — охота это все равно. А правило такое: крадись к тому, кого добыть ты хочешь, или на цыпочках, или ползи на брюхе и меньше шуму поднимай. Бывает так. До логова еще и не дошел охотник, а зверя нет уж там иль притаился, чтоб кинуться внезапно. А как прознал тот зверь, что на него идут? Да птицы всякие, завидя человека, подняли гвалт и дали зверю знать: «Поберегись!».

И потянулся из-под копыт коней неразличимый в ночи след. При звездах вел своих людей Нурхаци на Ул-гянь. Оно, понятно, при свете дня скакать скорей и веселей, чем ночью. Но тут ведь ехали не в гости — на охоту. И извещать о приближении своем того, чью голову срубить хотели, никак было нельзя. И потому Нурхаци норовил вести свою ватагу ночью, селенья обходя подальше. Хотя земля, которую топтали кони его людей, была чжурчжэньская, а не никаньская, а потому своя как будто, но не была она его, Нурхаци самого. Сидели здесь старшины, не подвластные ему, и появлению пришлых воспротивиться могли иль на худой конец — поднять переполох. И шум тогда пойдет окрест. А у Никан-вайлана слух таков, что и летучей мыши не уступит.

Но как Нурхаци не таился, однако же в Улгяни он Никан-вайлана не нашел. Селением Нурхаци этим овладел, пролив немало крови и своих людей, и вражьей. Но победителем не чувствовал себя, Никан-вайлана не найдя.

Велик ли сам Улгянь, чтоб можно было там укрыться? Немногие строения, что уцелели после взятия Улгяни, обшарили люди Нурхаци сверху донизу. И все напрасно. Среди убитых, раненых Никан-вайлана тоже не сыскалось. А перед тем, как он овладел селением, Нурхаци доподлинно известно было, что находился здесь Никан-вайлан. Значит, сбежал опять. Так выходило. Куда? И далеко ль успел умчаться?

Спотыкаясь о бревна развороченных строений, проваливаясь в колдобины — смотреть под ноги было недосуг — Нурхаци, сам еще не зная почему, бежал к земляному валу, что окружал селенье. Не чуя под собою ног, взбежал на вал — и сухо стало вдруг во рту. «Кто это там?» — хотелось во весь голос закричать, но прилип язык к гортани. Перед глазами мельтешила кучка конных. И среди них один вниманье захватил

все. На нем темно блестел наряд, как панцирь майского жука под солнцем полуденным, и шапка высилась над головой. «Наверное, это Никан-вайлан!» — тут осенило вдруг Нурхаца, и голосом, прорезавшимся внезапно, и хриплым, видно, потому, он закричал, спускаясь с вала: «Коня скорей! В погоню!».

Смешались в одну кучу две ватаги. Удары сыпались, и раздавались вопли. Сходились кони грудь о грудь, и сталь о сталь стучала. Сомнений не было уж больше — тот, в высокой шапке войлочной, в блестящем одеянии — Никан-вайлан. Его и норовил Достать мечом Нурхаца, но не пускали приблизиться к нему. Рука уже отяжелела махать мечом и вдруг повисла разом — в плечо, пробив кольчугу, стрела впилась¹⁵. А от другой, которая попала сбоку в грудь, валиться стал с седла Нурхаца.

Пришел в себя лежащим на подстилке из ветвей. Тревожно огляделся, какие люди тут возле него? Свои или чужие? Узнав знакомое лицо Эйду, откинулся опять назад покойно. Раны ему заклеили живицей, дали питья из трав, чтоб ожила душа и кровь по жилам побежала быстро.

— Ну, ладно, говори, как есть,— не поднимая головы и глядя вверх, заговорил Нурхаца.

— Никан-вайлана изловить или свалить с коня мы не успели,— виновато произнес Эйду.— Правда, не одного мы уложили, кто вместе был с ним. А сам Никан-вайлан ушел в никаньские пределы. Доподлинно известно это нам.

— Опять эти никани,— скривился зло Нурхаца.— Искать Никан-вайлана в их пределах — совсем не то, что зверя промыслить в наших лесах. Хозяева в них мы, а там — никапцев войско. Если пойти нам за Никан-вайланом, заранее не известив никаньское начальство, что надо нам у них, войны с никанями не миновать. А нужно ль это нам?

— Может, попробовать уговорить, чтоб выдали Никан-вайлана нам они,— тут подал голос и Чжайса, молчавший до того.

— А ты пойдешь к ним? — воззрился с недоверием Эйду на Чжайсу.

— Ну, если надо будет, так пойду.

— Пойдите-ка,— увещевающе заговорил Ябу,— ведь нам, наверное, есть кого послать. В Улгяни. как теперь известно стало, никаней несколько жило. Побили часть из них мы, а те, что ранены легко, живы остались¹⁶. Держать их нам к чему? Пускай идут и передадут начальству своему, что просим мы Никан-вайлана нам отдать.

Молчанье наступило после этих слов. Все ждали, скажет что Нурхаца.

Напрягшись весь, от боли морщась, он привстал и сел. «Задумано неплохо,— сказал неторопливо.— А не придется нам нести ответ за тех никаней, что мы убили в Улгяни?»

— Улгянь-то где? — ответил за всех остальных Эйду.

— Ведь не на земле никаньской он стоит. А те никани, что погибли иль увечны стали, повинны сами. Не надо было им с Никан-вайланом вместе находиться. И прямо скажем так никаньскому начальству и в подтверждение, что нет у нас стремленья враждовать, пошлем подарок — соболя шкурки и корешков орходы, царь-травы, которые у них зовутся «корнем жизни». А если выйдет неувязка, хуже того, войско пойдет на нас — уйдем отсюда.

— Во сне мне предок голову отдал Никан-вайлаиа,— упрямо вздернул подбородок Нурхаца.— И это неспроста, конечно. С никанями поступим так, как предлагал Эйду.

* * *

Начальнику сторожевого поста Шуанчэнбао, самого удаленного от Фушуньской заставы, не спалось. Он лишь недавно приехал в эту глухомань из столичной провинции, и все ему было здесь непривычно и чуждо. Его никак не оставляло смешанное чувство обиды и злости: надо же, это он, Ван Вэй, обладатель первой ученой степени, житель столичной провинции, вынужден обретаться здесь, на самой окраине империи. Среди этой

грубой солдатни и неотесанного мужичья, которых привели сюда из городов и деревень Срединной отнюдь не бескорыстные стремленья иль тяга к тишине. Нет, конечно. Их сюда загнали стремление скрыться от наказания, надежда обрести клочок земли, расчет нажать богатство, промышляя зверя, жемчуг и женьшень, которыми богаты леса и реки в землях дацзы.

Ну ладно, люди... Рожи их не видишь ночью. Опять же блохи докучают. Кусают так, что не до сна. От блох спасенье может дать толченый в порошок цветок жасмина. Но где его тут взять?

С тяжелой головой встал Ван Вэй поутру и только ноги в туфли сунул, как в дверь раздался стук. «Чего-то, знать, стряслось, коль рано так меня тревожат,— равнодушно подумал Ван Вэй, идя к двери.— В голове у меня какой-то нудный звон, а тут уже идут с вестями». А что они не пустяковы, начальник поста сразу понял по лицу своего порученца.

— Мм,— в раздумьи произнес Ван Вэй, па подбородке глядя волоски.— Не так-то просто это дельце, как может сразу показаться. Дацзы, в Улгии наших людей убили, ранили. Значит они, дацзы, достойны кары вроде. О самоуправстве этих дикарей я должен, видно, доложить начальству. Но стоит ли того весь этот сброд, что обретается порою в варварских пределах, чтоб из-за него поднимать переполох? Ведь всех этих бродяг никто в этот Улгинь не посылал, сами пошли туда... А этот предводитель, как его? — Нурхацци, смиренно просит одного лишь, чтоб выдали ему его врага, какого-то Никан-вайл-ана. А нам зачем его держать и злобу распалить лишь у соседей? Куда б ни шло еще, когда бы этот Никан-вайлан среди своих в чести был, силу бы имел.

— Нет,— решительно сказал себе Ван Вэй,— из-за какого-то там Никан-вайлана не стану я начальству докучать, и пусть его берут свои же¹⁷. Покойней будет так.

— А мех хорош, тут ничего не скажешь,— покончив с неприятным делом, Ван Вэй разглядывать подарки снова стал. Поближе шкурку поднес к глазам, подул — и ворс заволновался. Меха отложив, кончиками пальцев взял за края жемчужину. «Словно частица Млечного пути,— подумал Ван, разглядывая жемчужину на свет.— Да, не зря рискуют головой империи Срединной люди, когда идут на промысел в дацзыские пределы».

* * *

— Пошел бы сам, конечно, я,— с досадой проворчал Нурхацци,— но вот шатает до сих пор меня еще. Пойдешь за головой Никан-вайлана ты, Чжайса¹⁸. Возьмешь с собой людей, сколько нужным сочтешь.

— Десятков четырех, мне думается, хватит, бэйлэ.

— Добро. Ступай.

Вроде послышался топот коней. Никан-вайлан насторожился. Из шалаша наружу вылез, к уху ладонь приставил. Весь напрягся и в толк не мог взять сразу — иль в ушах шумит, или действительно ватага скачет. К земле припал корявым ухом — и замерла душа, почуя в топоте глухом кончины приближенье. И от нее Никан-вайлан пустился наутек. Вот вышки серая громада, к ней лестница прильнула. «Всего лишь несколько ступенек одолеть — и плюну с высоты Нурхацци в рожу. Но что это?» Вдруг лестница, оторвавшись от земли, вверх поползла. «Хоть заорись»,— втягивая на башню лестницу, подумал равнодушно сторожевой, услыша вопль истошный, шедший снизу.

— Ну что, Никан-вайлан, пришли к тебе на выручку никаньцы? — держа за волосы голову, вопрошал Нурхацци. Молчала голова. И ответом ему был злорадный смех.

* * *

Удар приняв, словно от боли охнул барабан, и, будто утешая, скороговоркой отозвался бубен, бросая россыпь звонких звуков. Все ликование души, которое нутро вместить было не в силах, прорвалось с голосом наружу и кверху унеслось. Но не успело там угаснуть, как голоса другие подхватили песнь победы, и звуки радости великой огласили все окрест. Ликуя, оповещали все вокруг — ручьи и травы, сопки и деревья — Нурхацы одолел-таки Никан-вайлана!

Как усидишь при этих звуках огневых? И вот, сменив уставшего уже танцора, выходит в круг Нурхацы. Одна рука ко лбу прижата, высматривает как-будто он кого-то, другая — за спиной. Что в ней, попробуй, угадай! И-и — эх! — едва лишь начал запевала, как Нурхацы пустился в пляс. Ему знаком с детства этот танец, танец мужчины, воина, что верх одержал в смертельном поединке. Рука у лба — я начеку! Другая — за спиной: потом посмотрим, что ею делать. — И быстрый перебор ногами. А барабан гудит без передыху, и бубны заливаются вовсю. И мечется по кругу Нурхацы, стараясь словно оторваться от своей косы, что движется за ним, не отставая, прилипнув к темени одним концом. Все глуше барабаны, сбавляют бубны пыл, и песни слова сменяют птичьи звуки. Кричит сорочья стая так. Сорока, святая птица, покровительница рода Нурхацы... И кажется сейчас, что собрались не люди, а сороки на торжество по случаю победы.

— А род идет наш от сороки, — сызмальства слышал Нурхацы. — Давным-давно то было. В той стороне от гор Голмин-Шаньяньалинь, откуда по утрам восходит солнце, есть гора. Зовется Букури. А у подножия ее — озеро Булхури. Купаться в нем любили три небесные девицы. И вот однажды сорока прилетела, в клюве держа какой-то красный плод. И на одежду младшей из дев его положила. Та плод подняла — ив рот его. Едва лишь положила на язык, а он — в живот. И затяжелела тут она и вскоре мальчику жизнь дала. А от него-то уже пошел весь род наш...¹⁹

И он, Нурхацы, его достойный продолжатель. Свидетельство тому — все люди те, не родичи его, которые с ним празднуют сейчас.

* * *

Глядя на них, как-то не верилось, что столько у него сейчас их. Когда ушел из Хету-Алы, с ним было лишь 13. А с той поры не раз весна сменяла осень. За это время в семьях разное бывает: одни приходят в жизнь земную, другие из нее уходят. Так и у него с его дружиной было. Терял в сражениях одних, другие приходили сами, а иных и силой принуждал себе служить.

Когда сперва пошел на Никан-вайлана, то и не представлял никак, сколь сразу обретет новых врагов. Пока сидел в своем селеньи, ничем вроде о себе не заявлял. А как союзников нашел — Эйду, Гэхашаня — и силы стало больше, то и опасностей прибавилось. Ведь прежде жил в родных местах, а оказался на чужбине. И тут в селеньи каждом, в каждом городке хозяин свой. И он привык, что этот лес и эта речка его, и только вправе он охотиться в этом лесу и рыбу промыслить в этом ручье. А кто пришел незван и роду-племени другого, понятно, недруг чаще всего, хотя сейчас и не грозит мечом. Это сейчас, пока в котомке есть жратва, а голоден когда он станет, как поведет себя тогда? Нет, ватаге пришло нечего здесь делать. И потому нередко так уже казалось, что под ногами вместо тверди земной — змеиное болото. Вроде его минуешь, лежать в нем не оставшись, и дух едва перевести успеешь, как словно волчья стая за спиной. И первыми среди тех, кто извести его хотел, опять же родичи. Два раза извести его пытались. Один раз он не спал. Сердцем почувствовал беду и приготовился. Лук взяв со стрелами и меч, встречать непрошенных гостей сам вышел. Спал во второй раз крепко и не слышал, как кто-то перемахнул через ограду. Ладно Тангуха, собака, подняла лай и разбудила.

Не успокоилась родня никак. Канцзя, Лидай из Пя-тиградья, на свои силенки не надеясь, подбили хадаского владельца разорить острог Хуцзи. Припасы там дружина Нурхацы хранила и рухлядь кой-какую на промен.

И так все шло оно: то отбивался, то нападал сам.

Удачлив в ратном деле оказался, при дележе добычи себя не выделял, счета сводил по большей части с главарями, людей же их не обижал напрасно — вот так и получилось, что дружина силы набралась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Доселе ничем особо не приметная сопка Хулан-Хада, вечно дремавшая и потому безмолвная, и когда всходило солнце, и когда оно пряталось где-то в неведомом укрытии, словно очнулась вдруг от вековой спячки. Теперь уже, едва с ее вершины и склонов сползал покров ночи, тяжелый и влажный от росы, окрестности оглашались смешением звуков. Сопка как будто возвещала о своем пробуждении от ночного сна и о своей готовности приобщиться к дневным хлопотам тех живых существ, которые сновали как муравьи у ее подножья и на склонах.

Одни из них возились со стволами сваленных деревьев, и от ударов железа о их твердую плоть казалось, что стая птиц долбит клювами неподатливую древесину. Глуховатые звуки от ударов железа о дерево перемежались с отрывистым, сухим стуком железа о камень. Непрístupные с виду каменные глыбы все же оказывались бессильны перед искусной рукой человека с особым приспособлением и с треском лишались своих углов и выступов.

Дом каменный построить для себя решил Нурхаци. «Камень не дерево,— так рассудил,— огню он, камень, не податлив. Охотники спалить меня живьем,— сам говорил себе Нурхаци,— еще найдутся: не всем я мил, особенно соседям. Мне уж доводилось как-то отбиваться, глотая едкий дым горящего жилища своего. В строении каменном надежней будет».

Притом, опять же, жилище как одежда. Уже по виду сразу положение видно: ты чей-то раб или господин. А он, Нурхаци, теперь не только властелин людей, которые остались от отца. Что раньше тот имел в сравнении не идет, чем сын владеет. С Никан-вайланом тем же рассчитавшись, прибрал к рукам его удел, а в нем земли немало и людишек.

«Сам по себе дом каменный — жилище и не больше. Хорош для мирного житья-бытья. Но кто сказал, что началось оно уже? Соседи злобной завистью исходят, узнав, что я свалил-таки Никан-вайлана и завладел его аиманом. И чтобы перед ними устоять, мне надобно не только нападать, но и иметь надежное укрытие».

Неровный, прерывистый круг, который Нурхаци обвел несколькими взмахами руки, стоя у южного склона сопки, теперь уже четко просматривался с вершины, огражденный частоколом крепостной стены.

Не только стенами дом держится, однако. Укладом внутренним, порядком тоже. Тот крепко дом стоит, в котором все живущие чтут старшего и место знает каждый всяк свое. «Теперь владение твое, бэйлз,— внушал письмоводитель бакши Эрдени,— как двор большой, в котором множество строений разных и люд различный обитает. Даже у тех, кто предка общего имеют, и то порою лада нет. А в подчиненье у тебя теперь народу множество, и всякого он племени и роду. С ним совладать совсем не то, что с домочадцами управиться. Во много раз трудней. Особенно опасны те, которые недавно сами имели власть, пускай и небольшую, но правили единолично в крепостце своей. Теперь у них хозяин ты. А это, согласись, не каждому по вкусу. То был себе владыкой сам, а тут служи и делай, что велят. Не каждый с этим примирился. Среди старшин, которые тебе сейчас подвластны, немало есть таких, что покорились подневольно. Одних ты силой взял, другие испугались. А если ты споткнешься вдруг, как поведут они себя, ты знаешь?»

Сказав так, бакши Эрдэни, сам не желая того, словно в большое место палкой ткнул. И от ярости, а не от боли, лицо Нурхаци исказилось. Еще б, ему ль не знать, сколь

непостоянны, двоедушны бывают те, кому он было верил. Тот же Номина поклялся в дружбе и союзе, а слово взял обратно, и потому тогда схватить Никап-вайлана не удалось. «А за свою измену,— уже с удовлетворением подумалось Нурхацци, и лицо его разгладилось,— сполна потом он заплатил. И головой своей и брата младшего, Найкады²⁰. Лживый язык, собственноручно вырвав у Номины, отдал его тогда я псам. Для назиданья остальным, чтоб помнили, что ждет изменника. Но память, видно, коротка, и потому напомнить надо. Тут прав бакши Эрдэни, сомнений быть не может».

— Ты верно говоришь,— одобрительно посмотрел Нур-хацци на Эрдэни.— Так продолжай, я слушаю.

— Карать изменников — это одно. Но только так к себе сердца людей не привязать. Того они правителя чтут от души, кто достоянье, жизнь людей своих способен защитить. Тебе, бэйлэ, наверное, ведомо, что, как и везде, у нас разбой и грабежи не перевелись. Кто посильней, тот норовит отнять у слабого имущество, а то и жизнь в придачу. Время сейчас такое, что каждый норовит творить, что в голову ему взбредет. А это, бэйлэ, худо.

Нурхацци молчал и, сдвинув к переносью брови, жевал губами. Словно пробовал распробовать еще на вкус слова, что говорил бакши Эрдэни.

— А думается мне, бэйлэ,— повысив голос, убежденно вновь заговорил Эрдэни,— пора народу строго объявить, какие дозволяются поступки, а какие нет. И раз об этом скажешь ты, правитель, тогда народ будет иметь для жизни правила и будет знать — за нарушение их придется отвечать. Ты уваженье настоящее получишь не только в собственном уделе. Молва пойдет в соседние владенья, и люди тамошние будут говорить: «Вот это государь, Нурхацци! В ему подвластных землях ни грабежей, ни воровства».

— Ты дело говоришь, Эрдэни. Сперва в доме своем порядок наведем, а там, глядишь, соседи станут чтить. Земля-то ведь одна. И от соседей денешься куда? Приносиваться нужно к ним, пока нет сил у них распоряжаться.

* * *

Управившись с Никан-вайланом и с теми, кто пособничал ему, Нурхацци, досаждая так или иначе, дал знать всем предводителям окрестным, что в айманиях маньчжурского союза он всех способней и сильнее. Родня из Пя-тиграда притихла враз. Тот же Линдунь слов не жалел заверить Нурхацци в своей к нему любви. И в подтверждение дал корчагу меду.

Хадаского Ван-хана сын Хурхань, прозрев, уразумел: с Нурхацци в дружбе надо быть. Прислал к нему дочь, чтоб Нурхацци к себе взял в дом.

Сорго, вождь племени суань, со всеми соплеменниками своими пришел покорность изъявить свою Нурхацци. Тот ласково принял Сорго, а сына его, Фюндона, к себе приблизил. Следом за Сорго к Нурхацци пришли еще Хохори, правнук донгоского правителя Кэчэбаяня, владетель острога Ярху Хулаху.

Удачи, что выпали на долю вчерашнего изгоя, подобно водке просяной, азарт все больше разжигали. Силу почувствовал Нурхацци, и быть еще сильнее хотелось. Мало уже того, что среди предводителей айманей маньчжурского союза по силе ратной первый он. Хотелось главным быть правителем на землях маньчжурского союза. Противиться кто станет — пускай тогда пеняет на себя. На очереди кто сейчас? — Ага, Артай. Владелец острога Кэшань в аймане джечени, Упрямится Артай. Кэшанью, говорит, владели мои предки, и не отдам острога я Нурхацци.

И прежде чем голову срубить плененному Артаю, чтобы потом ее на шест повесить, Нурхацци сам подвел его к стене Кэшани и пальцем показал: «Смотри. Значки-то ведь мои теперь на ней». Того не видел из-за расстоянья правитель города Вангя Цзайдуморгэнь. Надеялся в нем удержаться, не ведая того, что следом за Артаем пришел его черед лишиться головы. Ее Нурхацци собственноручно снес мечом.

* * *

Пучком травы руки обтер. На вид вроде оттер, а самому казалось — впиталась в кожу кровь, и будто бы зудится. Как от травы, которая кой-где в лесу растет. Ее коснешься ненароком — потом от зуда спасу нет. А с рук та кровь, видно, поднялась выше. Вдруг нестерпимо стало жечь лицо, словно приблизился к костру вплотную. Чуть не бегом направился к ручью. Воды, ладони растопырив, зачерпнул и охладил жар лба и щек. Потом, 'уже не торопясь, За руки взялся. В воде держал и тер потом ладонью о ладонь и изнутри, и сверху. А все равно казалось, кровь вьелась где-то у ногтей и в складках кожи на сгибах пальцев. Рукою сгреб со дна ручья тяжелый, неподатливый песок с камнями вперемежку и стал тереть. Черпал пригоршнями сырой песок и гальку, тер руки и бросал опять. С негромким бульканьем ложились камешки на дно, песок почти неслышно падал, «Откуда здесь они, этот песок и эти камни? — пришло вдруг в голову.— Кругом тут ни песчаных сопок, ни вершин скалистых. Знать, принесла вода во время половодья. И до чего ж она сильна, если из дальних мест приволокла песок и камни, чтоб ложе выложить себе на этой глине. Сильна она, вода. Смывает горы целые и камни тащит с шумом страшным, ревет как зверь. А вот сейчас она бессильна. Держу я в кулаке всего лишь горсть песку и камня мелкого, а ей их несподручно разметать по дну, как бы хотелось. Опять же почему? Да потому, что я зажал кулак. И даже встань она из берегов, эта вода, бессильна будет все равно разжать мне пальцы, пока я буду жив.

Так и земле всей нашей рука железная нужна. Чтоб собрала, сжала воедино все аимани большие, малые, иначе будет всем погибель нам. А то сейчас мы что? Навроде как песок и галька эти. Со стороны подует ветер — смахнет россыпь песка. И будто не было ее. А то поток откуда-то сорвется — и гору смыл. А та, что пряталась за ней, довольна даже вроде: „Теперь мне больше будет места". И невдомек, что следующий черед ее — кусками камня, комьями земли рассыпаться и унесенной быть неведомо куда от мест родных».

* * *

— Чудно,— не скрывая удивления, произнес Нурхаци,— вертя в руке пучок растений.— Так сколько времени прошло, ты говоришь, как их сорвали?

— Не помню точно, в день какой,— наморщил лоб Фюндон,— но больно много дней и ночей минуло. Считаю, чуть ли не от самой Ноини-улы мы возвращались. Люд тамошний, хурха, траву ест эту. Не с голодухи вовсе, а считает, что польза от нее для человека. Как будто зубы сохраняет. Мы тоже ели, ничего. А взял ее я почему еще? Диковинна трава эта. Сорвешь ее, нам говорили, она ж не вянет долго. И будто это свойство дало ей в подарок солнце как награду. Она, эта трава, когда-то помогла ему спрятаться от «небесной собаки», которая успела сожрать одиннадцать солнц. А вот двенадцатое-то трава эта спасла.

— Другой бы говорил,— потрогал пальцами зеленый стебель Нурхаци,— то я бы не поверил, что так давно ее сорвали. Ну, а тебе не верить не могу я.

Прошло уж много дней, пучок диковинной травы увял, и корни сморщились. Нурхаци отрезал корешок и сунул в рот. Немного пожевав, почувствовал слегка терпковатый вкус. «Да корець, считай, иссох уж, а соки не исчезли вовсе, остались в мякоти, собою, видно, пропитав ее.

Да,— тут мысль перескочила на другое,— а как же наша орхода? В чести большой она у никаней. Но вот беда-то в том — впрок заготавливать ее мы не умеем. Пока люди из бора корни принесут домой да когда еще продавать поедут к никаням — проходит времени немало. И чтобы орходу сохранить, народ наш корни замачивает в воде. Никани ж привередничают постоянно, чтобы дешево заполучить. Нам, говорят, сейчас не больно надобна ваша орхода. Попозже приезжайте с нею, когда у нас все старые запасы выйдут.

А нашим остается что? Чтоб не погнили корни, торопятся скорей продать, сколько б не дал никань хитроумный. Ущерб, ущерб немалый терпят наши люди, не ведая, как впрок заготовлять орходу.

Как вызнал я, наши сушить корни тоже уже пробовали. Не вышло ничего путного. Выходит так, только мочить — сгниют, только сушить — теряют вид и силу. А если попробовать соединить тепло и воду? Не просто замочить, но отварить сперва, потом уже сушить. Что будет? Надо посмотреть».

— Чудит чего-то нагл хозяин, — переговаривались слуги, глядя, как корни орходы Нурхацци принялся варить сначала, потом на солнце вялить, словно рыбу. Когда подводились корни, велел собрать и сложить в одно место. И больше не касался.

— Ну вот, потешился и вроде забросил эти корешки, — решили было домочадцы. Да на поверку вышло — нет. Прошло изрядно времени, как, видно, спохватился. Придирчиво смотрел и так и сяк. Пальцами мял и пробовал на зуб. Довольно хмыкнул и велел позвать письмоводителя бакши Эрдэни.

В нос сунул корешок ему: «А ну, гляди».

Тот тоже крутил — вертел, Строгал ножом и срез смотрел. «С удачей, государь», — только и сказал. Молча сидел и ждал, какие будут приказанья. К повадкам Нурхацци привычный, знал: раз не отпустил тот сразу, то значит подожди; Надумает — так скажет.

От корешка, что был в руках, у Нурхацци роилось в голове, «Ну вот, выходит и впрок заготовлять можно ор-ходу. И больше не для себя, но на промен никаням. Да, еще не так давно я клялся при народе им отомстить за смерть отца и деда. Чего порой не скажешь сгоряча, — снисходительно подумал о себе Нурхацци. — Под силу разве было мне тогда им вред какой-то причинить? Они Гурэ, считай, с землей сравнили, хоть там и стены были. А с нашей Хету-Алой тем более возиться долго бы не стали. Да и не укрыться бы мне там, когда б никаньское войско пришло. Свои же выдали бы тотчас, чтобы уберечь самих себя. Они бы только рады были случаю освободиться от меня.

Что я грозился отомстить никаньскому начальству, о том, видно, не ведало оно. Не помешало, потому, наверное, управиться с Никан-вайланом. И то уж больно хорошо. Мне враждовать с царем никаньским сейчас никак не пристало. Да и отец с ним тоже, видно, в мире жил. Печать имел отец от правителя никаней и в крепости к ним ездил торговать. Наши соседи, хулуныцев тех же взять, за благо для себя считают дружбу с никанями водить. И как не раз слышал, иные бывают даже в ставке никаньского царя. Хулуны — враг давний Маньчжу. И если стану я во всем показывать, что к никаням зло питаю, то только выиграют хулуныцы. Пока никаньский царь помех мне не чинил. И если стану заверять его в своей я дружбе, то кроме выгоды не будет ничего. Худа не вижу даже в том, чтоб съездить в ставку никаньского царя. Коль ездят хулуныские старшины, то чем я хуже их? Вот только как откроется в Фушуни торг, я передам тамошнему начальству, что вот хочу, мол, побывать в том городе, где жительство имеет ваш государь. Фу, куда уж занесло меня».

— Ты вот что, бакши Эрдэни. Составь-ка наказ, как впрок заготовлять орходу. Помощники твои пусть перепишут. А уж потом глашатаи пускай во всех селеньях огласят²¹. Теперь людишки наши побольше выгоды будут иметь от царь-травы. Растет-то ведь она у нас, не у шь каней. А на нее у них всегда велик был спрос.

* * *

Любовные утехы и вино гораздо больше занимали Сына Неба, в миру Чжу Ицзюня, нежели управления страной дела²². Там чернь-бунт учинила, а там случилось наводнение; на севере шалют татары, судна рыжеволосых варваров бросают якоря на юге — от этого всего отгородился Неба Сын не только стенами дворца, а сонмом царедворцев тоже. Державными делами пусть ведают они, их предназначенье в том как раз, чтобы служить прилежно владыке Поднебесной. И волен я как государь так поступать, как мне угодно.

Докладов тех, которые идут в мою столицу, горы! И если только ворошить их, не читая, то все на это время и уйдет. С бумагами возня — такая скука! Это удел скопцов, моих наперсников, советников, начальников различных ведомств. Им, оскопленным, куда еще себя употребить достойно, с полной отдачей, как ни решению прескучных дел, вроде того, где деньги взять, куда послать какое войско, проложить новый ли канал или старый лучше углубить и удлинить.

Покойно чувствовал себя Сын Неба лишь только во дворце, чьи стены толстые опоясала в несколько рядов ограда. Картины на шелку, редчайшей красоты цветы, изделия из лака и фарфора, пушистые ковры — все это так радовало глаз, что не хотелось расставаться даже ненадолго. И потому за правило вменил себе однажды Неба Сын не являться на заседания Большого совета, где решались важнейшие державные дела. «Там слишком серо и казенно, ничто ни тешит Наших глаз,— сказать изволил государь начальнику церемониального приказа. — Отныне будет так. Вместо Нас на заседаниях совета будет сидеть из ваших кто-нибудь людей. И если важные дела какие, то мне потом пускай доложат».

Прежде, когда был жив еще многомудрый Чжан Цзюйчжэн, что заправлял советом, его охотно принимал и слушал государь. «Благодаря тебе,— доверчиво говорил. Ицзюнь Чжан Цзюйчжэну,— мне не докучают мелочами. Ты словно мелким ситом просеиваешь все дела. И если очень важное уж что, тогда мне только говоришь: „О, государь, Вам надо быть в Большом совете ныне непременно"».

Когда не стало Чжан Цзюйчжэна, с секретарями совета Ицзюнь встречаться перестал²³. В своих поступках волен был и так. А тут еще предлог нашелся. Одного из секретарей совета изволил как-то допустить к себе Ицзюнь. И был так этим сановник ошарашен, что от избытка чувств пустил струю на пол дворца и оттого в беспамятстве почти неделю был²⁴. Узнав про тот конфуз, Ицзюнь изрек: «Членов совета отныне видеть не хочу. Не то дворец мой превратят в нужник».

Сейчас Ицзюнь был в думы погружен. Не знал, как поступить. Хотелось одарить достойно новую наложницу. Но о подарке щедром могла прознать прежняя фаворитка, к которой Ицзюнь вовсе не охладел еще, и потому видеть обиженной ее не хотелось. Подарки дать обеим, может быть? Но тут от глубокомысленных раздумий Иц-зюня оторвал приход евнуха с какой-то бумагой. При виде ее император скривился недовольно: «Опять, видно, стряслось чего-то...».

— На заседании совета,— писклявым голосом заговорил «почтенный надзиратель»,— мы разбирали докладную от ляодунского начальства. Оно считает нужным дать Нурхаци, варвару Цзяньчжоуского караула, звание дуду-цяньши. И если государь согласен, то нужно указ — вот он — скрепить печатью.

— Постой-ка, я что-то в толк взять не могу. Какой-то варвар служит на нашем карауле... Как так?

— На севере и северо-востоке с нами везде соседят варвары,— откашлявшись, начал евнух.— О том известно Сыну Неба. Их всех зовем мы «дацзы». Однако они, дозвоьте разъяснить, друг другу не сродни. Одни из них — монголы, нюйчжэни — другие. Народец этот дикий, своенравный. Согласья, мира между ними не было и нет. Однако не упускают случая у нас пограбить. Наш Ляо-дун от них немало претерпел. Чтoб варваров держать в узде, помимо силы средство есть другое — ласка. Тем вожакам нюйчжэньским, которые нас в дружбе заверяли, давали мы чины и званья. И становились так они как бы начальниками постов и караулов, что охраняют наши рубежи от нападений недружественных к нам нюйчжэней. Начальник такого поста или караула мог без препятствий торговать у нас. Больше того, ему же позволялось представить Сыну Неба дань и за нее, как заведено у нас давно, ответные подарки получить. Вот это есть на деле правило «руками варваров подчинять себе варваров». И дешевле, чем лишь на силу уповать.

Надежней ли, о том лукавый евнух умолчал. Но неспроста сказал про дешевизну: уж больно не любил Сын Неба, когда из казначейства деньги увозили.

— А чем этот, как там его («Нурхаци»,— подсказал «почтенный надзиратель»), пред нами отличился, что он достоин званье получить?

— В обоснованье вот говорит что ляодунское начальство. Нурхаци дружбой с Поднебесной сильно дорожит. А подтверждения тому такие. Направил вновь с данью посольство. Разбойнику Кэуши из племени мучжахэ, который напал на крепость Чайхэбао и убил чжихуя Лю Фу, прибежища не дал в своих владеньях. Снес голову ему и выслал нашим властям на Ляодуне. Кроме того, наших людей, жителей Поднебесной, которые были пленены и уведены в нюйчжэньские пределы, неоднократно выявлял и возвращал вместе с имуществом. И наконец, его отец и дед заслуги перед Небесной немалые имели. Отец Нурхаци имел от нас звание чжихуя Цзяньжоуского караула и унаследовал такое Нурхаци. А дуду-цянь-ши гораздо выше чжихуя. И оправдать его Нурхаци сил не пожалеет. А желанье таковое он имеет. И есть к тому возможности. Лишь конников у него сейчас несколько тысяч человек. И ими он прикроет наши рубежи от нюйчжэней иноплеменных, да и от монголов тоже.

— А много ль будет стоить для казны иметь этого Нурхаци в звании дуду-цяньши?

— Если приедет он в столицу Поднебесной, то полагается ему в подарок дать 6 кусков атласа²⁵, кроме, понятно, содержания. Да оно недорого нам обойдется. Мы к яствам дикарей не приучаем. Им что попроще.

— Тогда-то что,— удовлетворенно произнес Ицзюнь, печать к указу приложив²⁶.

* * *

— Бумагу эту,— сказал чиновник в Гуаннине,— береги пуще всего. Поскольку без нее тебя в Пекин не пустят, не то что уж во дворец государя. Эта бумага подтверждает — вот, видишь, приложена печать,— что ляодунский сюньфу разрешил, а ты ведь через Ляодун поедешь, тебе проезд в столицу нашу.

Уж ясно было все давно Нурхаци, да и знал он до того про пропуск, а этот чин не отдавал его, вертел в руке и вроде норовил опять все объяснять. Но тут Нурхацисенило: из сумки соболя достав, великодушно протянул письмоводителю. «На память от меня»,— едва успел сказать, как шкурки вроде не было совсем. В руках вместо нее — заветная бумага.

Потом еще не раз, однако, убеждался, что пропуск лучший — не грамота с печатью, но шкурка или жемчуг. Так было по дороге, что вела в Пекин, так и в самом потом Пекине. Каждый; считай, служивый Сына Неба, руку тянул: «А ну-ка, дай. Не то, дикарь вонючий, пожалеешь!».

* * *

В Пекин широкие на вид вели ворота, но сразу ни проехать, ни пройти. У них толпились стражники. Едва завидели, как подъезжает кто-то, замельтешили враз, заверещали вроде стаи птиц. (Потом уже узнал, что по-мужски кричать не могут: оскоплены. И тоже стражники, когда не мужики, не бабы.) А уж жадны-то до чего! Одной рукой берет, другую тут же тянет — не перепадет чего ль еще.

Ставка никаньского царя... Впервые здесь Нурхаци оказался. Хотелось все получше рассмотреть, запомнить, как и что, чтобы потом, по возвращении, рассказать своим. Да где уж там глядеть по сторонам. Перед собой, считай, почти что ничего не видно. Поднялась пыль столбом, песок в глаза летит. Теперь понятно почему люди идут, тряпьем каким-то голову завесив.

— Уф... Ну вроде бы приехали, положено где быть. Да, огромное строенье. Словно гора. А изнутри как будто улей. Ячеек множество, все без дверей они. В камерке каждой

кто-то есть иль скоро будет. Разноголосьем заполнен дом громадный. На всяких языках тут говорят. Из разных стран, видать, приехали к никаньскому царю.

Когда время придет идти в его дворец, скажут о том. Так объяснил служивый, который говорил на языке, родном Нурхацци.

Тоскливо как-то, неуютно вскоре почувствовал себя Нурхацци. Вроде в гостях и не в гостях. Харчей, правда, дают довольно. Но нужно быть настороже. Слуги-никани, которые шныряют тут как крысы, норовят стащить чего-нибудь, едва лишь помещение покинешь. Как с ними быть, сперва не знал Нурхацци. Слов не понимают, а ударить не решался — кабы чего потом не вышло. Не дома и не дома. Потом сосед уже надоумил, что рядом жил, своим примером. Кто он такой, откуда, того не знал Нурхацци. Но довелось ему увидеть, как сосед, кулаком увесистым грозя, заставил прислужника-никаня на место блюдо с мясом положить, которое тот было поволок из помещенья.

А что потом будет соседу? Этот вопрос покоя не давал Нурхацци, речь словно шла о нем самом. И ничего с соседом не случилось. Слуги-никани, правда, после того, что бросилось в глаза Нурхацци, почтенья вроде стали больше выказывать соседу.

— Ну, если так, — решил Нурхацци, — давать не стану больше спуска я.

И случай вскоре подвернулся. Ведь целый день в каморке-улье не усидишь. Трудно дышать, и ноги затекают от сиденья. Пошел во двор Нурхацци: ведь как-никак простору больше, да и небо над головой — не каменные плиты. А в остальном двор ничем не отличался от каморки, в которой поселили. Стены и там и тут. Посольское подворье словно крепость, где заложников содержат. По воле собственной двор не покинуть: стены высокие кругом, в воротах — стража.

А нет ее, чтоб достоянье приезжих караулить, когда из помещенья своего они выходят. И потому, воспользовавшись отсутствием Нурхацци и с ним людей прибывших, прислужники-никани принялись вещи проверять. И вспомнив про соседа, который проучил, как брать чужое, Нурхацци пустил в ход кулаки. Люди его тоже смотреть не стали.

А поутру, едва глаза успел открыть Нурхацци, проход собой закрыла какая-то фигура в красном. Нурхацци разом поднялся, пошел навстречу. «Наверное, вчерашнее», — с досадою подумал и приготовился уж объясняться, как посетитель, бросив кротко: «Пошли!», засеменял поспешно. «Постой, — крикнул ему вдогонку Нурхацци, — ведь не один я. Со мною мои люди!» — «Не надо их», — в полоборота повернувшись, Отозвался в красном человек. Остановившись у одной каморки, он снова крикнул кому-то: «Пошли!» И повторялось так еще не раз. Когда к воротам подошли, то с человеком в красном помимо Нурхацци было еще несколько монголов, судя по обличью. (О том, что он монгольский знает, Нурхацци сразу по приезде сообщил.)

Вот привели Нурхацци и монголов в какое-то строенье, И осмотреться толком не успели, как появился важный чин какой-то. Строго взглянув, костлявый палец с длинным ногтем кверху поднял и произнес: «Колена преклонить» и следом: «Бить челом». И зачастил одно и то же: «Колени в землю, упереться лбом». Следил при том, чтоб складно получалось, чтобы никто не отставал, а делали все враз. Такое было непривычно для Нурхацци. «Но делать нечего, — он молча утешал себя. — Не у себя ведь. Так, видно, надо тут».

Доныне он только духам клал поклоны, а здесь, как после объяснили, никаньский царь милость великую явил. Месту тому, где восседает, дозволил поклониться. А чтобы правильно все вышло, сейчас Нурхацци и князей монгольских учат. Вроде того, пришло на ум Нурхацци, когда обратно уводили, как молодую собаку обучают, чтобы до времени не поднимала лая и тем зверя иль птицу не спугнула.

Еще не светало, когда Нурхацци и монголов тех же самых повели с посольского подворья. Сколько-то прошли, как встали около громадного строенья. Ворот в потемках не видно никаких. «Вот так вроде в наших горах бывает. Доподлинно известно: пещера в этой сопке есть, но заросли закрыли вход в нее», — переминаясь с ноги на ногу, принялся

сравнивать Нурхаца. Но тут передние снова пошли, и Нурхаца прибавил шаг. В стене открылся лаз. «Ну то-то,— вернулся к прежнему Нурхаца.— Вход должен быть, конечно. Но знать, где он, не всем дано. А то примутся лазить без нужды. Так, любопытства ради. Иль с умыслом дурным. А что в строении этом может быть? Сейчас, верно, увидим».

Проход минуя, внутрь вошли. Как будто поле огромное открылось. Но под ногами — камень, не земля. «Тут надо обождать»,— сопровождающие негромко объявили. «Раз ждать, так ждать»,— сказал опять себе Нурхаца, плечами поведя. Одежда новая, которую под вечер принесли, чтобы одеть к утру, как-то коробилась и телу была непривычна.

Начало светать, и мрак ночной стал незаметно таять. Открылись взору безмолвные фигуры стражников. Словно стряхнув оцепененье сна, они задвигались, и цепь, составленная ими, прервалась в середине. И медленно, без шума звенья ее исчезли в приделах боковых. Но тут почувствовал Нурхаца, как будто плиты каменные под ногами задрожали. Те глыбы серые, которые высились недвижно впереди, вдруг ожили и не спеша пошли вразвалку. Такого чудовища еще Нурхаца не видел ни разу. Да что видать, и даже не слышал. Тело здоровое, ну, с дом, считай. Ноги четыре — словно бревна. А нос — так прямо до земли и толщиной, наверное, такой, что едва ли пальцами обхватишь. От вида этаких диковинных зверей Нурхаца рот раскрыл и было даже попятился назад! (Немного было страшновато.) Заметив волнение Нурхаца, его сосед, дояньский князь Вира, похлопал по плечу: «Не бойся! Не съест». — «А что это за зверь?» — «Это по-нашему джаан. Живет, слышал, он в стране Энет-кэг. Оттуда, видно, и этих привезли. Они вон эти входы ночью стерегут».

— Откуда знаешь это все?

— Да я уже бывал здесь,— снисходительно, с оттенком превосходства отозвался Вира.

— Пошли! — раздался властно тонкий голос откуда-то появившегося сановника в богатой, расшитой одежде, и все тронулись с места.

Прошли в одни большие двери, потом еще в одни, еще... Числом всего их было пять (Нурхаца успел их посчитать, поскольку не шагали — шли, ноги едва передвигая и носками линию держа почти). В руках каждый держал по ветке какого-то неведомого дерева. Ее с важным видом, как будто она была из золота или увешана жемчугами, вручил прислужник. Давая в руку, показал, как надобно ее держать — чтобы стояла ветка прямо. «Ведь комаров не видно тут,— подумалось Нурхаца,— кого же веткой этой отгонять? Вот кто-нибудь из наших увидел бы меня, как с веткой я иду, держа ее как драгоценность, смеяться бы стали непременно». И стало вдруг ему самому смешно. А чтоб не засмеяться, он крепко зубы стиснул и взгляд потупил в пол. Он гладок был, блестящ. Таким бывает лед зимою, лишь только цвета не такого. Да, видно, по богатству с царем ни-каньским не сравниться никому. Шутка сказать, такая под ногами красота...

Но вот опять тонкоголосый поводырь знак дал стоять. На возвышении впереди какая-то тренога. «Драгоценное сиденье Сына Неба,— благоговейно объявил сановник.— Видеть его — все равно, что лицезреть самого Сына Неба. Так отдадим же почести драгоценному сиденью!»

И перед троном пустым Нурхаца, как все, кто с ним пришел, поклоны бил и становился на колени.

Потом на пир созвали. Но то был не прием, который радушный хозяин от души устраивает для гостей, которых искренне, а не для виду, чтит и уважает. Ну, вроде выходило так: месту хозяйскому поклоны били, и он за то теперь вас угощает. Нехватки в яствах не было. А для услажденья слуха музыка звучала.

Нурхаца ел со вкусом (не каждый день ведь царь никаньский так угощал его), отведать норовил всего, чем потчевали. Рот набивая, Нурхаца жадно слушал звучанье музыки, неведомой доселе, не пропустить старался тоже, кто говорил что. Настрой богатого и шумного застолья передавался и Нурхаца. Есть вкусно, сладко пить — это не

лбом поклоны бить или вести переговоры. И сознавать приятно было тоже, что как-никак в гостях сижу не где-нибудь, а в ставке никаньского царя.

Но полностью веселию отдаться не мог Нурхаци. Что-то держало, как будто невидимые пути сковывали движенья рук и плеч. И от стеснения такого в теле чувство настроженности себя давало знать. «Веселье тут. То верно. Но не как у нас. Здесь в пляске не пойдешь, ногами сотрясая землю и душу в крике изливая. Ведь у кого в гостях сидишь! Не у своих, а у никаней. Это они убили деда и отца. Ну что ж поделывать... Со врагом вчерашним доводилось ведь уже в родство вступать и клятвенное пить вино, хотя в душе обиды старые таились. Но их топил внутри, не позволяя с языка сойти в словах иль злобой полыхнуть в глазах. Когда нет сил с обидчиком сполна произвести расчет, приходится мириться, чтоб хуже не было для самого себя. Так и с ни-канями сейчас: кто виноват в гибели отца и деда, приходится молчать. Но то не означает вовсе, что царь никаньский, стал приятелем моим. Не пожелал он даже показаться, не то что уж о чем-то говорить со мной. Я, да и не только я, те же монго, что рядом сидят, слишком малы по положению своему, чтоб царь никаней повидаться с нами самолично захотел».

* * *

— Да, сподобился я побывать у самого правителя никаней,— не торопясь, степенно беседовал Нурхаци со своими приближенными по возвращении из столицы империи Мин.— Рассказывать если обо всем, что видел, слышал, так это долго больно будет. А байками мне забавляться недосуг и равно вам. По первости вот что скажу. Диковинного в месте, где живет никаньский царь, конечно, много. И город, где ставка его, очень велик. Ну, кто-то из вас,— Нурхаци обвел глазами присутствующих,— бывал в Фушунь или Кайюани, так вот Пекин гораздо больше вместе взятых их.

— А велика стена, что окружает его? — осведомился Эйду.

— Два дерева, не меньше, надо составить в длину, чтобы достать край стены. Да еще она не так высока. Та стена, через которую я въехал в сами никаньские владенья, еще повыше ее будет. И башни высоки на ней, чтобы видеть далеко.

— Да, видно, что не то, что у нас остроги,— глубокомысленно заметил Хурхань.

— Пусть так,— глаза прищуря, согласился бакши Эрдэни.— А разве,— голос зазвучал вкрадчиво уже,— спасала эта стена никаней? Ведь для наших предков, когда они звались людьми державы Айжин, она преградой не являлась. А следом и монго эта великая стена не удержала страной никаней завладеть.

Напоминанья о временах державы Айжин сладко звучали, и словно силу в теле почувствовали все, кто тут сидел. Как будто по приказу враз приосанились, грудь распрямили. Даже Фюндон, хотя отец его был солхо²⁷ и речь не о его шла предках, тоже поддался общему порыву.

А известного своей дотошностью бакши Эрдэни, однако, подмывало спросить, как принимал никаньский властелин, чем потчевал. Воспользовавшись тем, что Нурхаци, довольно улыбаясь, обвел глазами всех, как будто вопрошая, кто хочет что еще сказать, Эрдэни справился, о чем желал услышать.

Нурхаци, улыбку погасив, внушительно заметил: «Попасть на рынок в Фушунь иль там Куаньдянь — и то для нас большая честь. Так говорит обычно нам никаньское начальство. А съездить в ставку никаньского царя — выходит честь превеликая.— И, брови ерша густые, продолжил: — Ведь я не к родичу на свадебный пир ездил. Хотя нужды ни в чем не знал в гостях у государя никаней, но вот почувствовать дали во всем — как встретили, как угощали — что я не гость, достойный их, а так... Вроде просящего чего-то, которому, однако, отказать негоже. Не то обидится и станет болтать худое про хозяев...».

Лица слушавших были серьезны, иные хмурились. Но все молчали: возгласами своих чувств не выражали.

— Вот хотя бы те же подарки взять, что привез я владельцу никаней,— говорил Нурхацци.— Извечно так уж повелось — в подарок что-то сам привозишь или присылаешь, с кем в мире хочешь быть или дружить. А ведь у нас немало есть, чего в стране пиканьской нет, и ценится особо там. Словом, руки пустыми не были мои, как вам известно, когда отправился к никаньскому владельцу. Привез подарки я, слуги берут их у меня. Раскладывают в особом помещеньи, полном людей, и объявляют: «Дань от Нурхацци!». Кто я такой, тоже сказали. Правда, вместо владенья нашего Маньчжу назвали Цзяньчжоу. Ну я не стал перечить. Что «дань» сказали про подарки, тоже промолчал. Как вызнал я потом особо, они обходятся со всеми так, кто приезжает к ним из земель чужих. Не важно, от кого подарки привезут они, никаней государь и слуги его все данью именуют. Да лгусть их. Что поделать? Зато за дань эту в ответ подарков дают много. Считай, что с данью приезжать есть выгода.— Поймав дотошный взгляд бакши Эрдэни на волотом шитье халата, Нурхацци, проведя пальцами по узору, процедил сквозь зубы: — Конечно, чести мало, когда тебя так выставляют, как будто ты прислужник самый низкий у никаньского владыки. Он может так себя вести. Ведь по богатству своему, по многолюдству своего владенья нам не ровня он. Это ясно. Но только ему,—осклабился Нурхацци,—я вовсе не прислужник.

В ответ все закивали дружно головами. Согласны были в том, хотя и вслух не говорили, что, хоть и побывал Нурхацци у никаньского царя, соседями добрыми люди его не стали. Так ведь и шло из поколения в поколение: «От Никаня нам не ждать добра». Обиды, которые терпел народ чжурчжэньский, считай, все от никаней. И они были обидами самого Нурхацци и его соратников. Знали, что дикарями слынут среди никаней, и это ощутил нутром своим Нурхацци, когда в Пекине побывал. За показной любезностью прислужников никаньского царя плохо скрывались презренье и насмешки. Не говорили, но в глазах у них читал: «И этой обрзине доверили пить чай из такой чашки?! Да он привык лакать из лужи с тиной воду».

Да разве дело лишь в насмешках? А предков, близких кровь, которая пролита по вине никаней? Наверняка, среди сидящих здесь нет никого, чей род не пострадал бы от никаней.

— А только нам,— Нурхацци заключил беседу,— не будет пользы от того, коль станем неприязнь казать свою никаням. Их рать владенья наши не тревожит. Ведь так?

— Хм,— злорадно ухмыльнулся Эйду,— монго, как слышно, их сильно беспокоят. От того и приутихли.

— И это хорошо для нас,— твердо произнес Нурхацци.— Значит, надежды больше есть, что не станут нам мешать. А ведь у нас с соседями, с Голмин-Шаньин-Алинь, Хулунь — забот хватает вдосталь. И надолго, видно. А потому дразнить никаньское начальство нам никак не надо, дабы не дать повода ему помочь противным нам.

* * *

Ржание тревожное коней, вопли истошные людей, лязг от ударов железа о железо, зловещее жужжанье стрел — все эти звуки смертной брани не затихали на земле чжурчжэньской. Их отзвуки порою доходили до пограничного начальства Поднебесной. В ушах его звучали сладкой музыкой, злорадством сердце наполняя. Дерутся дикари промеж собой — для Поднебесной очень хорошо: пока грызут друг другу глотки, им дела нет до наших рубежей. И нам спокойней еще будет, если обескровят себя до изнеможения такого, что головы поднять окажется не в силах никто из предводителей у них. Худо тогда, когда из них один, подмяв всех прочих под себя, возвысится чрезмерно. Тут нужно уже бдить! Не допустить никак такого.

— Как лучше это сделать, почтенный Ли Чэнлянь? — пытал цзунду Цзянь Да ляодунского цзунбингуаня. Начальник Северной военной линии Цзянь Да недавно лишь вступил в должность. Его заботам была вверена огромная территория. Что велика она,—

куда еще ни шло. Но беспокойные соседи очень, все эти дацзы, одним словом. А как они в отдельности зовутся, сам черт не разберет.

За Ляодун Цзянь Да в ответе тоже. И потому приехал он сюда, чтоб лично разобраться, что и как. Сюнь-фу, правитель ляодунский, Чжао Цзи, едва пошла беседа о делах, стал жаловаться на нездоровье, чему причина местная вода. Из-за недужности своей, сокрушался сюньфу, не мог достойно здесь служить государю. Давал понять, что будет рад, если замену вскорости ему найдут.

Бо Ли Чэнлянь не сетовал ни на воду, ни на воздух. Известно было всем, что Ли родился здесь и вырос. Но, как и Чжао Цзи, в смущении пребывал. Скрывать не стал, что настроенья дацзы его тревожат. Вот эти все, которые чжурчжэни, сегодня вроде мирны. А будут долго ли такими? Ли Чэнлянь недоуменно поводит плечами. Но "если мыслит так старый служака Ли, думал про себя цзунду, то, видно, дела здесь обстоят действительно неважно. И потому пытал цзунбингуаня, что лучше предпринять.

Но тот прямых советов не давал, а, как казалось цзунду, все ходил как-то вокруг да около.

— Сейчас, — с сипеньем выдавливал из себя Ли Чэнлянь, — пугает меня вот что: все племена, рода, что числились в маньчжурском союзе, прибрал к своим рукам Нурхацци. И потому союз маньчжурский стал таковым по существу, не по названию лишь только. Припомнить не могу, чтобы когда-нибудь у суксуху, суань, донго, вангя один правитель был. А там, глядишь, станут маньчжурскими союзы остальные.

— Прошу, почтенный бо, — продолжил разговор Цзянь Да, — мне объяснить подробнее, что это за союзы.

— А все те нюйчжэни — дикари, которые к нам расположеньем своим ближе, — медленно, с оттенком снисходительности в голосе отозвался Ли Чэнлянь, — у них на три больших отдела делятся. Мапъчжу, Голмин, Шаньин Алинь, иль Чанбайшань по-нашему, Хулунь. Зовут еще союзы их. Но это больше так, для слова. Когда-то, видно, в союзе общий для всех начальник был. Вроде того, как у рода предок. Потомки же родства не признают обычно и норовят сородича, что послабей, прижать, чтоб делал то, что говорят, а то и поживиться за счет его. Правда, — дух переводя, продолжал Ли Чэнлянь, — при всем при том, по отношению к чужим, кто не из их союза, сплоченней держатся: «Этот не наш!». И высший интерес Срединной как раз в том, чтоб три союза не только изнутри были слабы, но и не менее важно, чтоб порознь сохранялись. Тогда в узде держать сподручней нюйчжэней.

— Да, без узды они опасны, — подхватил, глаза заплывшие тараща, сюньфу Чжао Цзи.

— Коня можно по-разному взнуздать, — наставительно заметил Ли Чэнлянь. — Силой одеть ему уздечку или лаская. А у нюйчжэней кони норовисты. Под стать хозяевам. Объезжать их — одной сноровки мало. Нужен подход. Вот лет двадцать с чем-то назад, — Ли оживился, — я преподавал урок. От крепостцы Гурэ, где логово было немирного Атая, остались головешки только да земля. А у людей моих потом, — захихикал цзунбин, — долго еще руки болели: столько рубить голов пришлось²⁸. В той-то Гурэ, — скривился Ли, — и этого Нурхацци дед с отцом погибли.

— Они что, тоже досаждали нашим рубежам? — справился Цзянь Да.

— Да нет. Они вреда нам не чинили. Атай им был сродни. К нему приехали. Ну, а стрела-то ведь не разбирает...

— Но главное было сделано, — заключил Цзянь Да, — если судить по тем докладам, которые в столицу шли отсюда. В великом страхе пребывая, восточные дикари долго не решались всерьез владенья наши беспокоить. Но вот сомненья день ото дня одолевают не одного меня, как вам известно всем, надолго ль хватит еще им того урока. Вот этот Нурхацци, опять же, силы вон какой набрался. А против кого он повернет ее? Кто может быть из нас уверен, что не примется в один прекрасный час границы наши беспокоить? Так не лучше ль будет упредить самим его?

— А как? — возрился на цзунду Ли Чэнлян.— Я раньше вот орехи зубами щелкал очень просто. Теперь те только кашу хлебаю. Десны и мясо не берут, не то что там орехи. У нас здесь слишком мало войско,— вздохнул цзунбингуань.— И как сказали Вы, высокочтимый цзунду, надежды на то, что прибавит денег нам столица, нет никакой. А денег нет — и войска нет, Шонятно. Ведь здешний люд не станет бескорыстно заботиться о благе Поднебесной.

— Да, да, — поддакнул сюньфу,—то разве Поднебесной сыновья? Так, разный сброд. Любители наживы, изгои, беглые преступники.

— Сдается мне,— протянул цзунду,— что сходимся в одном мы. Опрометчивости надо избегать. Раз мало сил у нас, то без крайней нужды не прибегать к ней. С особым вниманием надо следить, что станет дальше делать этот Нурхацци.

* * *

— Да, видно, ненасытен он, Нурхацци,--- кость обглодав, ехеский князь Бучжай отбросил ее в сторону левой рукой, не глядя. Кусок, что пожирней, успев загодя наметить глазом, поспешно правой ухватил. Для верности зажав его всей пятерней, вцепился жадно зубами.

— Того гляди,— ощеря злобно рот, продолжил Бучжая соправитель Наринь-буру,— лишит нас достояния, что есть у нас теперь. И будем просить родственницу нашу, которая в дом взята его, чтобы хозяин, милость великую явив, дал нам что-нибудь поесть иль ткань какую срам прикрыть.

— Захочет если только он,— проглотив кусок, уточнил Бучжай,— оставить нас в живых.

— И это тоже верно. Сколько айманей он прибрал, столько, считай, одних владетелей прикончил.

— Пока за нас еще не взялся,— утер лоснившиеся жиром губы Бучжай,— нужно успеть свернуть ему башку.

— А сможем ли одни? — опаски не скрывая, беспокожно заерзал Наринь-буру.— Ведь он сейчас набрался сил. Совсем недавно, говорят, еще ялууласким завладел айманем. А коли так, то у него опять прибавилось народу.

— Одни, понятно, не пойдём мы на него,— не торопясь, сквозь зубы процедил Бучжай.— Вот это,— замолчав, что-то в уме прикинул и продолжил,— совсем неплохо даже, что он уже успел назвать своими ялууслас-цев. Ведь Ялуула-то что? Одно из звеньев Голмин-шань-ин-алинского союза. Как знаешь сам, их было прежде три: Ялуула, Неень и Джушеры. А на сегодня два остались только. Участь же ялуулаского вождя ой как пугает старшин айманей Неень и Джушеры — Юренге и Сээнсэкиши. Они с нами пойдут против Нурхацци. О том меня уж известили.

— Постой,— тут перебил Наринь-буру,— а наши-то хулуньские аймани: Ула, Хада, Хойфа? Они ведь тоже выступят против маньчжур, как только мы объявим срок.

В ответ Бучжай кивнул согласно головой: «А как иначе!»

— И где уж тут Нурхацци устоять,— довольно руки потирая, ослабил Наринь-буру.

— Еще не все,— злорадно ухмыльнувшись, обронил Бучжай.

Открывши рот, Наринь-буру вопрошающе уставился на Бучжая.

— По предку нашему у нас родня среди монго²⁸ есть. Правда,— губами пожевав и поразмыслив, Бучжай добавил с сомнением в голосе,— из-за того, что наш родоначальник по крови близок был к предкам сегодняшних корциньских или шибэских предводителей, они навряд ли захотят кровь пролить свою. А вот добычей,— уже уверенно Бучжай посмотрел на собеседника,— которой смогут поживиться во владениях Нурхацци, мегут прельститься. Да для верности и припугнуть не мешает еще. Скажем, что Нурхацци-де

грозились не сегодня-завтра пройти со своим войском и по соседним монгоским аймакам.

* * *

Вот уже несколько дней кряду над долиной нависали темно-лиловые тучи, укорачивая день. Чья-то невидимая рука метала на землю громадные огненные стрелы, и от их падения раздавался оглушительный грохот. Словно вспугнутый ими, из ущелья вылетал ветер и исступленно бился в стены дома, норовил сорвать крышу и разметать все внутри.

От громовых раскатов как-то холодело и замирало внутри, и Нурхацы в который уже раз задавал все остававшийся без ответа вопрос: «Отец Небо, чем прогневил я тебя?» — «Спрашивай еще», — бухало где-то рядом, и казалось, строенье, не выдержав, вот-вот рухнет. Но крепко сработанное руками мастеровых-маньчжуров, из прочного, доброго камня, оно стояло нерушимо. Да еще бы: его надежно держала на своей груди Мать Земля.

Пошумел, попугал Отец Небо для остротки, видно, и утих. Вновь посветлел лицом. Лохматые брови поползли к переносью. Глубокая, как шрам от удара мечом, залегла складка на лбу. «Великую рать собирают ехеские владетели против него, Нурхацы. Все вот так бывает: пока сидишь у своего очага, силы своей не выказываешь — все оно и ничего. Сиди — и жди. А чуть только станешь чем-то выделяться: побольше и повыше дом построишь, удачливый ли совершишь набег — так сразу со стороны коситься начинают, а то и норовят лишить всего, и жизни тоже.

Вот так же это Ехе. Владетели его, Бучжай и Наринь-буру, ведь не чужие мне. Младшая сестра Наринь-буру — одна из жен моих. А свара началась с чего? Мне как-то шурина Наринь-буру через посланников своих сказал такое: «В твоих владениях народу много, а в моих мало, и так можешь земли Элминские и Чжакумуские присоединить к моим». Вот так, ни много и ни мало, отдай ему то, чем обзавелся сам, трудов и жизни не жалея. Я на словах сказал послам Балданге и Баньханю так: «Я маньчжур, а вы хулуныцы. И хотя ваше владенье велико, но я не желаю завладеть оным. А что мои владения просторны, то разве должны вы получить часть от них? Сверх того, земли — не то, что скот, их нельзя уделить вам. А оба вы, Балданга и Баньхань, доверенные своих государей, не могли их отклонить от таких мыслей, наоборот, бесстыдно приехали сюда с предложениями».

И думал я, что после того уразумеют шурья мои, сколь глупо предложение было их. ан — нет. Направили ко мне опять посланника. Не одного притом: с ним, прибыли люди правителей Хада и Хойфа. Вот так, понять давали, хулуныцы мы — все за одно. Послам устроил я прием, как подобает. И вот сидим вокруг стола, едим и пьем. И тут Турдэ, посланец Ехе, поерзал, словно живот схватило у него, поднялся и сказал: «Поручено сказать мне кое-что...». — «Раз так, то говори».

— Мой государь так повелел сказать тебе. Я было пожелал часть земли взять' от тебя, но ты не дал согласия. Если начнется война меж нами, то мои войска могут войти в твои пределы, а ты как можешь вступить в земли мои?

От дерзостных таких речей пришел я в ярость и выхватил тесак, но стол нас разделял и, до башки Турдэ не дотянувшись, загнал тесак, считай, по рукоятку в стол. И так ответил я Турдэ.

— Ехеские шурья бывали ли сами когда в битвах, съезжались ли с неприятелем, разбивали ли латы и шлемы? Сколько они дали больших сражений? Когда хадаский князь Мынкэ-буру затеял свару с племянником своим Дайшанем, вы случай улучили напасть на него. Но вы не думайте столь же легко и обо мне. И, сверх того, разве в ваших землях повсюду крепости настроены? По моему мнению, войти в ваши земли столь же легко, как войти в пределы необитаемые. Я-то добился от минского двора тел

моего деда и отца. Двор минский и ваших отцов убил, а вы, еще не получив костей их, так бесстыдно начали превозноситься предо мною?

А как подействовали эти слова на ехеских вождей, узнать потом тайно послал к ним Уриканя. Обличье принял он никаньского торговца. И говорить был должен о себе, что он из Кайюани.

Вернулся Урикань с вестями, в которые поверить не хотелось.

— Так ты доподлинно ли все узнал? Иль кто-то сболтнул тебе, и сразу ты поверил?

— Да нет, бэйлэ, самолично видел и слышал все. И разговаривал не с одним, и слушал разговоры многих. Я в ставке был как раз у шурьев твоих, и стали тут откуда-то съезжаться по виду вожди. Мне видеть их не доводилось прежде. Потом уже проведал, кто есть кто. Хойфаский бэйлэ Баиньдари, корциньские князья Унга-дай, Мангус, Мингань, улаский Бучжаньтай. Приехали все не одни, а войско привели свое. И на кого идти собрались, не делали утайки. Кого не спрашивал, все говорили: «Идем сражаться мы с Нурхацци». Как вызнать, я успел, вернуться прежде чем обратно, ждали еще приезда хадаских людей. Их вроде должен привести был Мынкэ-буру.

— Ну, ладно, пока иди.

Поклон положив, удалился Урикань. Вслед посмотрев ему, Нурхацци подумал: «Крадется, не идет. Вот вроде только был — и нет его. Да, ловок он. Тонок умом. Доверия вполне достоин. И сказанному им придется верить. Выходит так,— вздохнул Нурхацци, пальцы в счете загибая,— хулуныцы все. А это четыре владенья: Ехе, Хада, Ула, Хойфа. Потом два амба-шаньинь-алиньских: Неень, Чжушеры. Еще три аймака монгольских: Кор-цинь, Шибэ и Гуалча. И все против меня.

Их девять — я один. Если в расчет даже людей небрать, которые у них и у меня... Что из того, раз больше их? — Брови еще плотней сошлись у переносья, и скулы кожа туго обтянула.— Со мною так уже случалось. Я был, считай, один, а на меня ватагой лезли. Да хоть бы родственников тех же взять. Их было сколько против меня? И все же верх взял я. Конечно, мне повезло и потому, что страху не поддался. Хотя чего перед собой таиться, он охлаждал мое нутро и дрожью в теле отдавал. И вот сейчас мне страшновато тоже. Но я боюсь больше всего того, как бы с меня, еще живого, не стали кожу обдирать. А чтобы этого мне миновать, таиться нечего за спинами чужими, но надо биться в самой гуще».

Едва светать лишь начало, Нурхацци был уже в молельне. Собрались родичи, соратники. К ним встав спиной, словно желая грудью защитить, немного хрипловатым голосом (вдруг сухо как-то в горле стало) Нурхацци убеждал: «Всемогущее Небо и Царица Земля, Духи горные и юдольные! Я не затевал свар с Ехе. Они сами начали вражду и ныне соединенными силами идут на меня. Небо, ты зришь сие!». Истово поклонившись, Нурхацци уже не убеждал увещевающе, но с сознанием своей правоты громко взывал: «Преклони головы врагов и ободри мое воинство! Да не обронит бича воин, да не споткнется конь! Молю Небо!».

Небо одно было над всеми. Глядя на него, никак нельзя было сказать, что оно благоволит одной противной стороне и, наоборот,— неприязнь выказывает другой. Пора пришла такая, когда, излив на землю влагу, оно стлалось над нею одноцветной, ровной пеленою. Не хмурилось и не светилось радостно, согретое лучами солнца.

А верх Нурхацци все же взял. Заранее он знал, какой дорогой враг идет. Все тот же шустрый Урикань в ночи нашел огни костров походных. «Они,— докладывал потом Нурхацци он, — часты были, подобны звездам».—«Ага, ну, значит, там, у выхода в долину, мы встретим их как должно. А первым пускай идет отряд Лантари. Ему места эти знакомы хорошо».

Едва расположились его люди, как объявился перебежчик. Когда сказал он, какая сила там большая, страх лица многих исказил. «Э,— приободрил людей Лантари,— если неприятелей много, то и наше войско не назовешь малочисленным». И успокоил так людей.

Тут вскоре основное войско подросло, и опять от Ехе перебежчики явились. И сказанное ими о числе врагов, считай, стало известно всем, и чтобы внести успокоенье, пришлось Нурхацци самому вмешаться, ибо его помощники бессильны оказались. «У неприятелей,— разъяснил Нурхацци,— нет одного, главнейшего военачальника. Их несколько начальствующих, и войско сборное, а не одно. Если у них убить какого-нибудь бэйлэ, то его люди придут в смятение. И другого слушаться не станут. Мне так сдается».

Так и случилось, как полагал Нурхацци. Чего-то испугавшись, Бучжаев конь понесся напролом, не разбирая ничего, словно глаза ему закрыли шоры. Налетев на дерево, рухнул — и с ним хозяин. Едва было Бучжай с земли поднялся, как подскочил маньчжурский воин, Уданем его звали, и пропорол бэйлэ копьем насквозь.

Тут среди ехесцев переполох поднялся. Это узрев, хадаский бэйлэ Мынкэ-буру и хойфаский князь Баиньдари разом, не сговорившись даже, дали тягу. А вслед за ними подался корцинский бэйлэ Мингань, коню вцепившись в гриву. Та лошадь, что была сперва под ним, пала, и Мингань вскочил на спину коню другому, в спешке не став седлать.

Бессильны оказавшись одолеть Нурхацци, вчерашние его враги друзьями захотели мигом стать. Особую тут прыть как закоперщики похода проявили ехеские князья. «А наши государи,— наперебой уверяли послы из Ехе,— с шурэ бэйлэ Нурхацци дружбу укрепить желают. И в доказательство Наринь-буру в жены Нурхацци младшую свою сестру отдать готов. А Цзинь-тайши, Наринь-буруев сын, Дайшаню, сыну Нурхацци, дочь свою отдаст».

Ответ Нурхацци дать не торопился. Молча сидел, взором тяжелым водил по лицам ехеских послов. Казалось, глядя на них, он снова заставлял звучать в своих ушах слова и голоса их. Давя в лицо взглядом сумрачных глаз, хотел узнать, а не таят ли чего еще, о чем было наказано без крайности не говорить.

— А чтобы дружба была крепка,— ехесцы сказали под конец,— клятву готовы пославшие нас дать. На том и порешили.

С послами ехеских князей отбыл посланец Нурхацци. Своими ушами слышал, как каялись владетели Ехе в неприятных поступках и клялись соединиться брачным родством и хранить впредь дружбу. Подробно рассказал по возвращении Нурхацци, как было все: прежде, чем клятву принести, заклали лошадь, и кровью губы мазали себе, и Небу жертву принесли.

— Ну, коли Ехе в дружбе нас спешит заверить,— Нурхацци рассудил,— то нам оно помех, видно, чинить не станет. А вот того сказать я вовсе не могу про Джушеры-ского и нееньского владельцев.

— Надо с ними кончать,— запальчиво воскликнул Эйду.— И нечего тянуть. На помощь им не придет теперь никто. Союзники вчерашние еще очухаться не могут после того, как еле ноги унесли.

— Сейчас достать сподручней их,— поддержал джартуци Гагай.— Холод сковал надежно топи в их местах. К тому ж снега большие не легли еще. Самая пора теперь туда идти.

Юренге, владетель Джушеры, едва завидев рать Нурхацци, быстро смекнул: «В живых остаться лучше». И, на колени пав, размазывая по лицу сопли и слезы, просил его в живых оставить. Клялся служить верой и правдой и в мыслях не иметь дурного. «Это все ехеские князья,— скулил Юренге, коленями елозя,— они меня подбили».

— А у тебя своей башки что ль нету на плечах?— воззрился грозно на него Нурхацци.

— Затменье, видно, какое-то нашло,— всхлипнул Юренге.— Да я делом докажу пользу свою,— по-собачьи заглядывал в глаза Нурхацци, вытягивая шею.

— Мне,— поразмыслив, произнес Нурхацци,— надобно проводников, чтобы кратчайшим путем и незаметно подвели под стены Фодохо, где окопался твой сосед

Сээнъ-сэкши. Но,— предостерегающе понизил Нурхацци голос,— чтоб не прознал ни он, ни его люди. Не то... Сам знаешь, будет что с тобой.

— Понятно дело,— залебезил Юренге.— А проводники толковые найдутся у меня.

Сээнъсэкши тысячное войско маньчжур обложило словно медведя в берлоге. И норов неенъский владетель проявил. Схватив секиру, побежал на стену. Ею махал без усталости, валя врагов, пока и сам не рухнул от удара в переносье: шлем закрывал надбровья только.

Что было взято в Фодохо, подробно перечислял Нурхацци казначей Курчань, не отрывая глаз от списка. Нурхацци слушал вполуха. Шкурки, вошина, латы, сбруя — все это обычное. Никаньская печать. Ее имел Сээнъсэкши. Едва это сказал Курчань, Нурхацци встрепенулся: «Пусть принесут ко мне».

— Такая же, как те, что я забрал у донгоского старшины и еще у кого-то. Запаматовал точно, у кого,— вертел в руках тонкий кругляшок.— На серебро не расщедрился никаньский государь. Рука моя почти не чувствует ее,— протянул раскрытую ладонь Курчаню.

— А вес у ней не тот, как кажется,— многозначительно заметил тот.— О том бэйлэ известно тоже.

— Ага,— протянул Нурхацци,— того, у кого такая штука есть, могут пустить даже в ставку никаньского царя. И пограничное его начальство к обладателям печатей от никаньского государя благоволит, известно.

— Я вот хотел сказать что,— откашлялся сидевший сбоку бакши Эрдэни,— разговор зашел об этом. Печать-то эту, да и другие тоже, что ты забрал, бэйлэ, уж не одну давал ведь царь виканей. А не учинит ли спрос он с нас за то, что самовольно поступаем.

— Но ведь Сээнъсэкши, равно другие, не никани,— возразил Нурхацци.— И острога, где они жили, не на земле никаньского царя стояли.

— Так-то оно так,— поджал губы бакши.— Но, согласишься, бэйлэ, тобой он будет недоволен: ты расправляешься с людьми, угодными ему. Зачем тебе дразнить никаньского царя и выставлять себя ему противным?

— Ты дело говоришь, бакши Эрдэни,— в раздумье произнес Нурхацци.— Такое в голову мне тоже приходило. Да знаешь сам, как все тут получилось. До Сээнъсэкши ведь я не одному голову с плеч снес, хотя, ему подобно, они печатью тоже хвастались никаньской. А ничего, все, обошлось: в столицу допустили и званье дали выше, чем' отец имел. Пускай забрал печати я, что царь никаньский дал не мне, и не спросил его заранее. Но перед ним заслуги у меня ведь тоже есть. Ты что — запаматовал, Эрдэни, хотя ты по годам еще не стар, как ведь совсем недавно докладывал никаньскому начальству: «Готов пойти вместе с вашим войском на помощь чоухяньскому владенью». В тот год какой-то враг напал на Чоухянь. Ее правитель вроде как подвластный никаньскому царю. И потому, когда известно стало и у нас, что рать свою послал он солхо на подмогу, без промедленья изъявил готовность я войску никаньскому помочь своею ратью³⁰. О рвении моем было доложено тогда в Пекин. И все равно ты прав, Эрдэни. Оглядываться надо чаще на соседей. Особливо на тех, кто силою велик. И потому поеду я опять к никаньскому царю. Подарки отвезу. Посмотрим, как теперь там примут.

* * *

Та же самая вроде дорога опять вела в Пекин Нурхацци. Два с лишним года назад проезжал местами этими. Срок небольшой — два года с чем-то. Что может сделаться с этой землей, которая тогда и теперь одинаково терпеливо ложилась под копыта коней? И с высоты коня Нурхацци обзрывает все вокруг. Едешь верхом, в сопровожденье, заняться чем еще, как не глазеть. Иль вспоминать, что было прежде здесь? Срок невелик — два года с лишним. За это время дерево на много ли поднимется? Коли особо не приметил,

сколь велико было тогда, то и теперь не бросится в глаза, на много ль выросло оно за это время.

А про землю нечего и, говорить. Такого ветра не было и нет в помине, чтоб снес ее покров и разметал далеко. И не было, видать, таких дождей за эти годы, чтоб землю всю покрыть водой. Так думал про себя Нурхацци, по сторонам глядя и вдаль. А все же перемены есть. Было видно, что в запустенье земля. Она не щетинилась привычно для этого времени года стерней убранных хлебов, не темнела пластами вывернутой из-под ее покрова почвы. «У нас-то такого не увидишь,— подумалось Нурхацци.— Пригодная для сеянья хлебов земля вся в деле. Побольше бы ее, хлебородной. Теснят нас сопки Да леса».

— Что-то вроде поля здесь позаброшены,— справился Нурхацци у одного из сопровождающих, который ехал рядом. Его звали Чжоу Фэн, и он отличался словоохотливостью.

— Так оно и есть,— подтвердил Чжоу.— Сейчас многие считают более прибыльным заниматься разбоем, чем набивать мозоли на руках и ногах, ковыряясь в земле.

— А-а,— протянул понимающе Нурхацци. Тут-то до него дошло, почему, чуть только начинает вечереть, сопровождающие его норовили остановиться на ночлег в первом же попавшем селенье.

Чем дальше ехал Нурхацци, тем больше убеждался, что хуже прежнего его встречают ныне. Еды дают уж меньше, а приправ — и вовсе никаких. На свечи не расщедрились сей раз. А в том подворьи захудалом, где ночь минувшую провел, Нурхацци принесли свечный огарок размером больше чуть мизинца. Было посетовал Нурхацци, что свету маловато, но прислужник молча повернулся и ушел.

Плохо спалось Нурхацци в эту ночь. Поедом ели блохи. От смрада грязной ветоши, постеленной на пол, дышалось тяжело. Покоя не давал и скудный ужин: две тонкие как щепки рыбки да несвежего мяса кусок.

Поутру Нурхацци пожаловался старшему из сопровождавших его китайцев, пожилому, степенному Лао Вэшо: «В прошлый раз, здесь же, меня гораздо лучше принимали».

— Меня тогда не было,— с невозмутимым видом отозвался Лао Вэнь.

— Это, видно, местный начальник утаивает. Не дает все, что полагается тем, кто едет в ставку Сына Неба. И, уже распаяясь от, снисходительной улыбочки Лао Вэня, пригрозил: «Я буду жаловаться в Пекине».

— Но ведь и на обратном пути не миновать Эрдао-хэ,— по-прешнему улыбаясь, отозвался Лао.— Лучше оставить здесь о себе добрую память.

— Дружбу не заводят, не встречаясь.

— Так ведь встрече быть или не быть зависит тоже от тебя. Пошли подарок начальнику — и почтет за долг принять у себя.

— Ну, ладно,— согласился Нурхацци.— В пути задержка небольшая,— так рассудил он про себя.— Да и не обеднею я, коль дам чего-нибудь. А польза может быть от этой встречи.

Отхлебывая теплое вино, весьма довольный подношеньем сяньчжан Во Цзюй беседовал с Нурхацци. Угошенье, которое для него выставил Во, не стоило и десятой доли стоимости одной шкурки, подаренной этим предводителем дацзы, а шкурок он прислал несколько. И оттого, настроившись на благодушно-снисходительный лад, сяньчжан старался не оставлять без вразумительного ответа вопросы Нурхацци. Делало свое дело и вино, развязывая язык сяньчжана.

— В прошлый раз, говоришь ты, тебя лучше принимали не только у нас, айв других селеньях, через которые проезжал, тоже. Так оно, наверное, и есть. А что ж ты хочешь? Ты ведь не один в столицу нашу едешь. Из ваших, шойчжэньских, земель старшины разные одной дорогой этой проезжают, монгольские предводители опять же. С

ними всеми сопровождающие опять же наши. И всем постой бесплатный подавай, кормежку тоже.

— Но ведь казна богата у Сына Неба,— заметил Нурхацци.— Какие постройки вон в столице, и украшения там какие!

— Столичная казна — то не про нас,— вздохнул сяньчжан.— Все расходы на прием иноземцев, которые едут в Пекин и возвращаются обратно, должны мы изыскивать на месте. Из Пекина ни медяка нам не дают на это.

— Так ведь страна обширна ваша, многолюдна. Вон сколько городов, селений по дороге проезжаешь. И всюду промысел у каждого, считай, а значит, и достаток. Есть взять чего.

— С годами все меняется,— пробормотал сяньчжан.— Из родника вода бежит-бежит. И вроде нет конца ей. А день такой все же настанет — лишь мокрая пока еще земля напоминает о роднике. И не напьешься из него уж больше. Так и богатство у людей. Сначала было. Глядишь немного погода — и нет его.

— Да, это верно,— поддакнул Нурхацци, ставя порожнюю чашку.

Во Цзюй жестом показал слуге, чтобы налил в нее вина. «Э, постой,— остановил его сяньчжан, когда тот, указание исполнив, направился было к выходу.— В служебной комнате моей, на столике, где роспись с фениксами, возьми дощечку. Ту самую, что с записями».

Пока слуга ходил, сяньчжан пытал Нурхацци про охоту, как обучают ловчих соколов, с какими собаками лучше зайца промышлять.

Слуга, вернувшись, почтительно подал хозяину дощечку.

— Сейчас я что-то Вам прочту. Это несомненно достойно внимания,— обратился Во Цзюй к Нурхацци.— Так слушайте.

— Каждые 5 дней,— торжественно начал сяньчжан,— всем, кто едет в составе посольства в нашу столицу, давать 2 с половиной цзиня свинины, 1 с четвертью цзиня сушеной рыбы, 1 бутылку вина (тут Во Цзюй, подняв кверху указательный палец, помахал им), 2 цзиня лапши, 2 лян приправ и соли, 1 лян масла и чая, перца на 5 цянь, 5 свечей на каждую комнату³¹.

Кончив читать, сяньчжан вопрошающе уставился на Нурхацци: «Каково?»

Тот улыбнулся краешками губ. Во Цзюй озлился было: «Вот, дикарь. С ним о серьезном говоришь, а он лишь скалится». Но, вспомнив про подарки, сяньчжан обмяк и, доверительно склонившись к гостю (вино брало свое), принялся разъяснять: «То, что читал сейчас тебе, это — указ родоначальника ныне царствующего дома. Ты в разум взял, сколь был он щедр к таким, как ты, что ехали к нему?».

Нурхацци всем видом изобразил, что понял.

— Теперь,— вина хлебнув, вздохнул Во Цзюй,— иные времена. Ну, ничего. Когда ты станешь возвращаться, меня ты не минуешь. Я буду знать заранее я уж припасов столько велю приготовить тебе, что и за десять дней не съешь.

* * *

Идя по узким улочкам Пекина, крепко держал узду в руках Нурхацци. Тут надо быть внимательным: кого бы ненароком не задеть. Да, здесь и не разгонишься. Вроде того, как едешь по тропе меж сопок. Там только успевай головой вертеть, глядя вперед и по сторонам. Глазом одним кося налево, а потом другим направо, Нурхацци норовил еще разглядеть: а что вон там маячит впереди, за поворотом.

Город, как и в первый приезд, чужой, и люди чужие. Нутром это почувствовав опять, как в прошлый раз, весь в зрение и слух Нурхацци обратился. Спеша сейчас как можно больше увидеть и услышать на улицах столичных — тут жизнь толпы целой страны, считай, сама перед тобой. А на подворье для приезжих иноземцев ему до самого отъезда, как знал по прошлому приезду, уготовано слышать и видеть лишь то,

что делается в пределах Хуйтунгуань. Оттуда никак не выйти самому. Стражники выпустят, если есть особая деревянная дощечка с клеймом. А вот ее-то обычно не давали тем, кто остановился в подворье иноземном. И что за жизнь за стенами его, что за народ живет возле чертогов Сына Неба, чем занимается, повадки каковы — подробно не узнать. А оттого и любопытней.

За те три года, что я не был здесь, народу вроде не убавилось. Как и тогда, толпа теснится по обеим сторонам. Рож столько... И на вид одни и те же. Радущия на лицах и теперь не видно — вот что роднило их тогда и что роднит теперь! Немало злобных лиц, иные кажут кулаки и скалят зверски зубы. Если б не стражники, что рядом едут, случиться всякое могло, наверное. Накинулись бы стаей. Зажмурясь на мгновение, Ыурхаци принялся опять разглядывать толпу. Богатства-то особого не видно. Таких, которые в лохмотьях и лицом худы, немало. Наверное, потому и не пускают нас одних идти куда угодно, дабы мы видеть не могли, что не везде богатство тут. Даже в самой столице.

Подъехали к стенам Северного подворья. Его сразу узнал Нурхаци: три года лишь прошло, как жить здесь довелось. Место знакомое. Напротив — Южное подворье. Там поселяют тех, кто прибыл из иных владений. Из них известно Нурхаци было лишь Чоухяньское. Оно в соседях. И потому о нем известно больше.

Дом, как человек, иным становится с годами. У человека блекнет кожа лица, морщины прорезаются, на стенах строенья краска шелушится, густеет трещин паутина. Не больно и давно последний раз тут довелось Нурхаци быть, а подворье не тем уже казалось. Нет, оно не осело и не покосилось, но не было оно уже нарядным. Поблекли краски, и местами отлетела черепица. И все строенье словно потемнело.

Внутри — те же каморки-соты. Но вроде в прошлый раз меньше было пустых. Видать, пореже стали ездить к Сыну Неба. Немудрено, когда он сам не кажется, а бить поклоны заставляют тому месту, где он сидит.

Да, приезжают явно меньше. Во мнении таком Нурхаци укрепился, когда его с гурьбой монголов и еще каких-то чужеземцев повели во двор, где были выставлены подарки никаньскому царю. Вот словно конный базар: стоят у коновязи лошади разных мастей. Нахохлившись, сидят на жерди прикованные за ногу охотничьи сокола. Увидя, как один монгол, с восхищением глядя на птиц, стал говорить другому: «Посмотри-ка! Вот это да!», Нурхаци, не удержавшись, горделиво пальцем ткнул себя в грудь: «Мои!». На перекладинах повисли шкуры зверей. В них темень чашоб лесных, где они жили, багрянец спаленной солнцем листвы, снегов глубоких голубоватая белизна. Грудой навалены рога. Из них такой лук можно сделать, что не под силу одному согнуть. Богатые подарки. А все равно, не мог отделаться Нурхаци от мысли, что в прошлый раз их вроде было больше.

Хозяева, однако, и не кажут виду, что приезжих поубавилось и подношений тоже. В трапезной, куда ввели Нурхаци и прочих иноземцев, свету полно от множества светильников. От музыки колышутся огни, и отблески их пляшут на узорных стенах, на утвари, которою уставлен стол.

Нет, то не стол, а целая лужайка, диковинными яствами пестрит. Им счету нет, и нет названья. Что в них, попробуй, угадай. А спрашивать неловко: не место и не время. Вот это сразу видно — рыба. Разинула от боли рот, как стали потрошить, да так и не успела его закрыть. И масло духовитое кипящим ей через рот пошло и пропитало всю, до самой кожи. Глаза как будто в изумленье пялит птица. Ей, видно, невдомек, как оказалась вдруг на блюде, с котррого никак уж не взлететь. А вон кабан нос высунул из груды зелени, словно из логова собрался вылезть. Да, снедь разная и в изобилии великом. И соль в избытке. Да какая! Не желтая, словно песок со дна речного, но голубая, столь она чиста.

Кто если бы попал сюда, минуя селенья и людей, что по пути встречались, то по неведению подумать мог: «Богата сколь держава Минская!» Глядя на рать тех

толстомордых слуг, что около стола толпились, и мысль бы не пришла, пожалуй, никому, что знают голод люди Срединной. Но я-то вдоволь насмотрелся, пока попал сюда, и лиц худых, без щек, и тощих тел, едва прикрытых рубищем, и рук худых, которые за подаяньем тянулись.

А пятерней, понятно, есть сподручней. Не то, что палочками. Ну, ничего, они пе внове. Есть ими доводилось и в прошлый раз, что приезжал, и нынче, по дороге. Тут главное, чтоб были пальцы, а не сучья. Сноровка — дело прикладное. На первых порах палочки не держатся между пальцев и ничего не взять. Потом уже дело пойдет. И поглядеть со стороны, так и покажется любому, что этот малый сызмальства лишь палочками ел. С ними сама рука словно длиннее стала. А жижицу темно-коричневого цвета сподручно очень подцепить куском лепешки. Ух, ты!

Словно углей засунул кто-то в рот. Все опалило, кет немилосердно. Залить надо скорей огонь каким-нибудь питьем. А здесь его на вкусы все. Что ни посудина — то разные напитки. Питье вот это ласкает нежно все во рту, на вкус словно цветочный сок. И пахнёт такприятно, словно цветы весной. И жжение прошло, и стало веселей.

А это что за шарики? Тверды сначала, холодны. Хм, лед сладкий... Чудно! Такого есть еще не доводилось.

Осоловев от яств, от сладкого вина, Нурхацци безразлично глядел на нескудевший стол. И тут вдруг вспомнился ему недавний разговор с сяньчжаном Бо Цзюем, как сетовал он горько: «Вы вот ездите в столицу и обратно. А все потребное тягло, харчи и свечи изыскивать должны на месте мы. И тяготы народу потому немалые приходится нести». От прозвучавших вновь тех слов сяньчжана ухмылка заиграла на губах Нурхацци: «Богатое застолье только здесь, в ставке самой. Но пас уж этим изобильем не обманешь. Нет процветания всеобщего в никаньском царстве. Нет».

* * *

Домой из Гуаннина спешил Нурхацци полон радости. Стал ближе к дому подъезжать — грудь выпятил вперед и приосанился. Еще бы! Никаньский государь дал звание ему «полководца дракона и тигра». О том ему, Нурхацци, сообщить за ним никаньское начальство нарочного послало. Для этого и ездил в Гуаншш. Сказали там ему, что, мол, заслуги немалые перед державой ты имеешь. Прежде всего, не допускать стараешься, чтоб кто-нибудь из ваших чинил разбой в ее пределах. А подданных Срединной, что удавалось уводить к себе разбойникам, ты выявлял и возвращал обратно. Рвенье похвальное весьма в том также проявил, что пожелал помочь нашим войскам, что в Чаосяни дрались с коротышами. И не в больших лишь, а и в малых всех делах совета спрашивал и помощи искал. Известно нам, — сказали в Гуашшне, — что, когда ехеский Наринь-буру умыкнул у тебя жену, ты попросил начальника Кайюани помочь вернуть ее тебе. За все за то соблагоизволил Неба Сын пожаловать тебя высоким званьем.

Дело не в звании самом. Оно среди своих не много значит: как-то назвал тебя никапский царь, что из того? Ты что, его прислужник разве? А вот придача к званию — иное дело. В год 800 лян серебра и 15 штук одежд, расшитых драконами ³². И это все, считай, ни за что, ни про что. Да, видно, царь никаньский чтит меня, хотя в лицо и не видал. Чем угодил ему я так, что не жалеет для меня казны? Добрососедством. Только и всего. Людей своих держу в узде и им не позволяю зорить никаньские селенья. А для чего? Ведь лучше торговать с никанями, чем воевать. Торг выгоду дает, считай, всегда. Не то, что свара иль война. Сегодня ты силой отнял чего-то, а завтра — у тебя, да голову еще впридачу снимут.

* * *

Словно кули с зерном в год урожайный, небрежно бросали на пол котомки с серебром прибывшие никани. А старший их, счет ведя, отметки ставил на листке. «Ну, вроде все,— вставая, к Нурхаци обратился.— Что полагается тебе, ты получил».

— Постой-ка,— остановил чиновника Нурхаци.— Доподлинно известно ли тебе, что как «полководцу дракона и тигра», коим званием меня удостоил Сын Неба, мне причитается?

— Бумага у меня вот,— протянул листок китаец,— коль разумеешь, так читай. И, как это сказал он, чувствовалось пренебрежение к тому, к кому он обращался. Всем видом тоже говорил: «Сколько дают, бери и будь доволен».

— Нет, — плечи распрямив и грудью вперед подавшись, дракона выставляя напоказ, не унимался Нурхаци.— Давай-ка лучше взвесим.

Не набралось веса того, что был указан на бумаге.

— А серебро имеет разный вес,— стал объяснять китаец.— У торгашей один, что из казны — иначе вес покажет, хотя на вид слитки одни.

— Ладно,— махнул рукой Нурхаци,— к нам путь неблизок и нелегок. Сколь привезено, пусть будет так, как будто все сполна я получил. Потеря невелика. А одежку-то отдай сполна. Тебе в такой ходить ведь не пристало. И не продашь ее. За хлопоты, за тяготы пути возьми, вот,— вложил в широкую ладонь китайца горсть серебра. «Не обеднею я, — сказал себе при этом.— А этот, может быть, запомнит и пользу может принести. Есть нужно всем, какого б не был он обличья. Рот-то у всех со дня рожденья — и только подавай!»

* * *

— Надоумил меня, Эрдэнь, ты,— польстил Нурхаци. (От добрых слов какая убыль мне?) — Съездив к никаньскому царю, я пользу немалую извлек.

Эрдэнь в ответ с почтеньем голову склонил.

— Дарю тебе соболью шубу.

— Не пожалею сил полезным быть,— отвечив Эрдэни скромно.

— Задумка есть такая у меня, Считаю, что ни за что, только за доброе соседство наше, никаньский царь нам платит серебром. А наш сосед другой — Чоухяньское владенье. И с ним мы тоже можем так же поступить. Соседи с вами мы, им скажем, а никаньский царь, который чоухяньского владетеля по положенью старше, нам званье дал.

И соответственно ему нам шлет ежегодно серебро, одежды дорогие. А что же вы?

— Верны твои слова, бэйлэ,— отозвался Эрдэни.— За добрососедство наше пусть тоже платит владетель чоухяньшш.

* * *

В корейской столице в третий раз пробили в Большой колокол. Басовитое и грозное поначалу звучанье по мере удаления слабело и отдавалось вдали тонко и жалобно. Словно замирал голос того мальчика, чью плоть спалила и вобрала в себя когда-то кипевшая медь.

Большие часы пробили первую стражу ночи — «успокоение людей». Пора всем на покой! По улицам болтаться нечего, нельзя ходить к соседям тоже. Тот, кто предписание нарушит, палок не минует. По улицам положено ходить лишь тем, кто предназначен совершать ночной обход. И стражники насторожились: кто-то по городу несется вскачь в такое время. Мятежники неужто? Оружье взяв на изготовку, охранники гурьбой бегут навстречу топоту копыт. А верховой, что первый ехал, предупредительно кричит: «Свой!» и в подтвержденье тонну, пропуск-дощечку, с копя не слязая, тянет. Начальник дозора,

посмотрев, нет ли подделки, возвратил. И прежде, чем взмахнуть рукой, давая знак, что путь свободен, не утерпев, спросил: «Откуда едете?»

— Из Пхеньяна.

— Ну, значит, не вакэ,— с облегчением вздохнул старший караула.

Гонцы бывалые, не первый раз в Сеуле, не тратя время на расспросы, прямо направились в Соджоивоп, в письменный приказ. Отсюда выходят вана предписанья, и шлют сюда ему бумаги.

— А эта по виду срочная,— прогнав дремоту, пробормотал дежурный чиновник и быстро пробежал письмо. В нем пхеньянский пенса Ли Ки Пин сообщал, что самозванный «полководец дракона и тигра» Нурхаци из ёчжинских пределов прислал подручного Манла с такою просьбой. Нурхаци домогается разрешенья прибыть в столицу нашу и чтобы ван дал звание ему³³.

— По делу этому,— рассудил дежурный чиновник,— сужденья выносить пристало лишь октан. Когда светать начнет, надо послать их известить без промедленья о донесении пхеньянского пенса.

Собравшись к полудню на совет, сановники, не сговариваясь, доверили от имени их всех решенье вынести камса Ким Чжон Тэ.

— Не вижу проку в том я, чтоб принимать нам у себя любого самозванца-дикаря,— изрек, слова чеканя, Ким. — Тем паче советовать государю дать этому Нурхаци хотя бы самое низшее звание. Себя провозгласив «полководцем дракона и тигра», Нурхаци помышлял, видно, таким путем возвыситься среди себе подобных. Но,— ехидно усмехнулся Ким,— не получилось. А потому к нам за признаньем обратился. И если дать ему от нас какое-то должностное званье, тогда, наверняка, он станет требовать почтения к себе от остальных, ему подобных. Пугать их станет: «Я, скажет, в чести особой у правителя Чосона. И чуть чего — Он помощь мне окажет». Нам вовсе ни к чему, чтоб кто-то у соседних с нами дикарей особо возвышался. Иначе под началом способного вождя они почувствуют себя сильнее и возрастет угроза нашим рубежам.

— И значит, так решили мы,— заключил Ким,— Нурхаци, как бы он себя не называл, в столице делать нечего. Посланцу ж объявить не прямо это. Помягче. Мол, потом приезда срок назначим. Сейчас для этого не время. А вместе с тем властям Пхэнандо, Хванхэ и Хамгендо надлежит быть постоянно начеку и неусыпно бдить. Нам достоверно нужно знать, что там у дикарей творится и почему какой-то предводитель провозгласил себя полководцем ёчжинского государства. Такого что-то было не слышать доньше. Действительно ли есть оно? Иль этот Нурхаци от спеси просто пыжится? Считаю нужным, чтобы начальство Пхэнандо отправило к этому Нурхаци человека разведать, сколь тот силен и чем он там располагает.

— Поскольку этот человек будет послан от пхэнан-доского начальства,— добавил хакса Хан Сер Я,— то грамоты с печатью вана не надобно давать. Ее пристало иметь послу, что идет в столицу какого-то государства. А тут всего-то дикая орда, где и в помине нет уклада, приличествующего государству.

* * *

— Посланец Чоухьяньского владенья Ха Се Кук,— огласил челядинец.

Человек средних лет, восседавший на небольшом возвышении у задней стены, слегка кивнул головой. Тем самым дал понять: увидел и услышал. На большее не снизошел.

Поклон отвесив, но не низкий (ему, посланцу Страны Утренней Свежести, отнюдь не пристало выказывать раболепие перед предводителем дикарей), Ха Се Кук стоял, глядя на Нурхаци. «Так вот каков он, этот старшина... Лицо не полное, запали щеки. Но не похоже, что от хвори. Голову держит твердо, сидит не горбится, свободно. Из-под густых бровей глядит в упор, все вроде замечает. А губы, под висячими усами, плотно сжал. Нет,

что не говори, но добродушия его лицо не выдает. И этот подбородок — крутой и весь вперед подался. Без слов как будто говорит его хозяин: „А ты чего? Смотри, сейчас получишь!“

А случая не упустил, однако, покрасоваться. Такая духота здесь, на нем же шуба соболья и шапка меховая. В руке нить жемчуга. Как в лавке продавец,— подумал с раздражением Ха,— товар свой выставил всем на показ. А показать не стыдно их,— следом признался молча Ха Се Кук,— как будто Млечный путь с руки сбегает. Так чисто-бел был цвет жемчужин, размером с фасолину, никак не меньше. По бокам от сиденья двое держат по хоругви. Черень у каждой из золота, на черне — густая, длинная золотошелковая нить».

— А быть здоров изволит государь твой? — толмач перевел вопрос, с каким Нурхацци обратился к Ха Се Куку.

— В здоровье полном пребывает,— Ха отвечал, — тебе такого же желает.

Нурхацци, выслушав, обнажил в ухмылке зубы. И оттого, как усмехнулся он, нехорошо как-то стало Ха Се Куку: «Вроде не верит мне этот дикарь, что ван здоров. Вот что-то опять говорит толмачу, нагнувшись к его уху».

— Наш государь,— перевел толмач,— рад видеть у себя посланца Чоухяньского владельца.— В соседях мы, и хорошо, когда соседи друг к другу в гости приезжают.

— Правитель моей страны, ван, чьи годы царствования — Сончжо, рад будет слышать это. Его стремленья таковы же. Что может лучшего быть, когда между соседями царят согласие и мир,— пустился было в суесловия Ха Се Кук, но от тяжелого, испытующего взгляда осекся и, сделав вид, что поперхнулся, словно обескураженный этим, улыбнулся. «Вот весь я тут»,— говорила его улыбка.— «Как знать,— молча поджал губы Нурхацци.— Ну, ладно для начала. Питать тебя еще мне не пристало».

— Государь наш,— объявил толмач,— рад будет еще увидеть посланца чоухяньского за своим столом.

Покинул пиршество Ха Се Кук довольный весьма. Однако сожалел, что лап медвежьих съест больше, чем сумел, не смог. Такого яства есть еще не доводилось. Придется ли когда еще отведать этих самых лап, что угощал Нурхацци? Того с уверенностью сказать не мог Ха Се Кук и с тем лег спать, сытно рыгая.

* * *

Выйдя ночью по надобности, Ха Се Кук, прежде чем вернуться в помещение, огляделся вокруг. Обострившееся на свежем воздухе обоняние уловило чуть горьковатый запах дыма. Откуда ему быть в такое время, когда все селенье вроде спит? Иль это сторожевые костры? Любопытство взяло верх и, оглянувшись на безмолвно темневшее строенье, где все спали, даже собаки ничем себя не проявляли, Ха Се Кук пошел в ту сторону, откуда тянуло гарью. Осторожно ступая, нащупывая ногами дорогу, Ха Се Кук прошел немного, как при свете выплывшей откуда-то луны увидел, что стоит па краю ложбины. Ды-мои тянуло оттуда, и к запаху гари примешивались четкие в ночи удары. Так мог стучать молот о наковальню. Держась руками за росший на краю ложбины кустарник, Ха Се Кук заглянул вниз. Взгляду его предстало множество огней, словно большие светляки, они то вспыхивали, то гасли. И им вторили дробные удары. Вот пламя вспыхнуло ярко и выхватило из полумрака, сгустившегося в долине, очертания человеческих фигур. Лиц их было не различить, но отчетливо было видно, как они возятся возле огня, который то взметался, то сникал, взмахивают руками, и от этого в ночь летят звуки ударов, то глухие, то звонкие. «Кузнечным делом заняты»,— Ха стало ясно.— Но только ночью почему? Таятся что ли кого? А как тут скроешь, когда стук стоит».

Поутру к Ха Се Куку явился уже знакомый толмач Леду. С ним был еще какой-то малый, вельможа по обличью. Халат из шелка с узором в виде цветов. По вороту мех красно-рыжий. На шапке бляшка золотая с каким-то украшением. Лицо его знакомым

показалось Ха Се Куку. Стоял вельможа этот вроде неподалеку, где восседал Нурхацн на своем сиденьи, потом и на обеде тоже был он.

— Хифе зовут меня,— назвал себя сейчас вельможный человек.— Я послан государем нашим справиться сперва, как тебе спалось. Потом узнать, какая в чем нужда есть иль хочешь чего.

— Доволен я весьма приемом, что мне оказан,— отозвался Ха.— Непрочь бы посмотреть, однако, чем люди ваши промышляют. Чтоб знать,— поспешил объяснить, заметив, как насторожился Хифе,— каков быть может с вами торг. А то ведь уже давно мены меж нами не было.

— Видно, так оно и есть. Народ наш зачистил теперь в никаньские пределы. Торг меновой идет в Фушуни, Цинхэ, Куаньдяни и Айяне.

— Ишь ты... И что ж везете вы и что взамен берете?

— Ну, у нас меха, грибы, орхода, овцы, быки. Каменья разные. К примеру, камень, что никани зовут «Цветы сосны». Ценят, его, поскольку вырезают из него тушеч-илицы и разные поделки.

— Про лошадей не обмолвился ни словом, — отметил про себя кореец.— Не перевелись же все они у них. Видать, не продают нарочно.

— Взамен берем,— перечислял Хифе,— рис, соль, ткань, посуду всякую, изделия из чугуна, железа.

— Постойте-ка,— не утерпел Ха Се Кук.—А мне сдается так, что железо и чугун вам в пору продавать самим. Я этой ночью невзначай увидел, как множество-людей кузнечным делом занимались.

— Мм,— неопределенно отозвался Хифе.

— Если и ночью куют,—не унимался Ха Се Кук,— то, видно, некуда девать будет поковки.

— Да нет. Сейчас пора для этого самая подходящая. Зимой добывать железный камень в горах, возить его гораздо хлопотней, чем летом. Поэтому и ночью занимаются литьем и ковкой. Так распорядился наш государь.

— Он что, сам в подобные дела вникает?

— Угу,— коротко отозвался Хифе. И словно спохватившись, что упустил нечто важное, продолжил скороговоркой, постепенно замедляя речь: — У нас эти промыслы было уже почти совсем пришли в упадок. И потому еще, что хозяев было много. У одного леса, где уголь можно выжигать, другой землей владеет, где богатая руда, у третьего — народ искусный есть ковать железо. Все вроде было для того, чтобы иметь в достатке у себя железо и чугун. Но только не было согласия меж хозяев, из которых, как говорил уже, по отдельности чем-то каждый владел. Вот и приходилось все чаще котлы, серпы да прочие поделки выменивать у шшаней да у вас. Так и шло оно, пока наш государь не взял под свое единое начало аимани разные. После тот он занялся всерьез и рудным промыслом³⁴. Велел сыскать и собрать вместе всех рудознатцев. Им поручил разведать новые места, где есть железный камень, золото и серебро. За рвенье в поиске достойно одарял. И люди старались. Опять же по приказу государя народ был отряжен на выжиг угля, другим он поручил поставить печи, чугун лить, ковать железо. И сейчас тоже кое-чего на стороне прикупаем, но и сами немало делаем.

— Нельзя ли мне взглянуть вблизи, как ваши умельцы трудятся?

— Пошли, покажем, коль любопытно.

Не торопясь расхаживал Ха Се Кук меж огнедышащих печей с мехами, наковален, с которых от ударов летели звон и искры. Сама работа мастеровых его почти не занимала. Что делают, и кто они? — для этого пришел сюда кореец. А больше наконечники стрел, завершья пик, мечи увидеть довелось. Беглых своих соотечественников или китайцев-пленных не оказалось вроде среди мастеровых³⁵, все бритоголовы, лишь с темени косы свисают. Да и остальным обличьем, повадками и выраженьем закопченных лиц ответ давали на вопрос, вертевшийся у Ха на языке: «Мы здешние все». И, настороженно глядя

па корейца, тоже без слов его пытали: «А ты, чужак, зачем пожаловал сюда?». И хоть тянуло жаром от печей, а заголодело где-то у Ха Се Кука: «Когда народец этот дикий, который испокон зовем „ечжон“, владеет тайнами выделки железа, чего тогда ждать нашей Хэдон?».

— Ну, как? — осведомился Хифе, когда обратно шли.— Что-нибудь нашлось достойное Вашего внимания?

— Все очень здорово. И столько мастеровых! А что, они все ваши? И чужеземцев нет среди них?

— Нам не внове этот промысел. Наши предки искусны были в этом деле. И потому без наставников извне обходимся вполне. Потом, ведь не было еще такого, чтобы кто-то из соседей горел желаньем обучить каким-то навыкам наших людей. Хоть в ваших селеньях, хотя б в пи-капских, увидят много ли они? Их дальше рынка не пускают. Обмен закончил — и давай домой.

Дальше пошли. Попалась навстречу гурьба женщин. За спинами корзина, в руках корзины с листьями.

— Неужто скот кормить? — не удержался от вопроса Ха Се Кук.

— Да нет, — с явным снисхождением в голосе отозвался Хифе.— На корм червям, от коих получаем шелковую нить. Потом ее прядут.

У Ха удивленно взметнулись брови. Такого не слышал еще он, чтоб дикари разводили шелковичного червя. Но когда Хифе, ног не жалея, сделал лишний крюк и показал любознательному корейцу приземистые строения, без окон, то у Ха Се Кука непроизвольно вырвалось: «Чам-силв!».И запах тяжелый, особый, свойственный только питомникам для разведения шелкопряда, вырвавшийся из открывшейся двери, откуда поочередно вышли женщины с порожними корзинами, уже не оставлял сомнений. Здесь действительно днями и ночами ненасытный червь точил лист до тех пор, пока не окукливался.

Морщась от зловония, Ха Се Кук выдавил из себя: «И что это тоже заботами Вашего государя?».

— Его стараниями,— с почтением в голосе подтвердил Хифе.

— А посмотреть на ткань саму нельзя ль? — справился Ха.

— Да вот из нее па мне одежда,—взялся Хифе за отворот халата.— Можно и пощупать.

— В моей стране шелк лучший делается в Пхэнан-до,— самодовольно выпятил губу Ха.— И ваши люди, мне кажется, когда-нибудь будут изготавливать шелковую ткань, которая и нитью, и узором не станет уступать пхэнан-доской.

— У каждого свой вкус,— отрезал Хифе.

* * *

Всерьез обеспокоенный, покинул Ха Се Кук Нурхацци ставку. «Вот тебе и дикари! — недоуменно и тревога мешались в голове. — Сырое мясо жрут и кровью запивают — вот так о них доньне говорили. А что теперь? Шелк сами ткнут. Это куда еще ни шло. Но вот куют сами мечи и стрелы. Того не знали мы... И против кого они их обратят?»

Выслушав, что рассказал Хкфе про то, как говорил посланец чоухяньский, как вел себя, Нурхацци, поразмыслив, задумчиво изрек: «А мне сдается так, что приехал он как лазутчик. И не боле. Ведь о желании моем,— ощерил зубы зло,— приехать в ставку чоухяньского владельца и званье от него иметь этот посол ни словом не обмолвился. А ты как мыслишь?» — вскинул глаза на Хифе.

— Мне тоже так сдается, государь.

— Ну, пусть их,— поднялся с места Нурхацци.— Меня сейчас соседи наши ближние заботят больше. И не по той только причине, что близко живут. А потому, что, считай, своя, не как оолхо или някапъ.

Сказав так, скривился и сплюнул на пол, словно попала мошка в рот. Потом водил языком по губам, удостовераясь, не прилипло ли к ним чего.

* * *

Едва сошла с губ жертвенная кровь (а долго ли слизнуть ее?), владельцы Ехе от клятвы отреклись своей.

Лишь стоило китайскому начальству в Кайюани их известить, что хадаский Мынкэ-буру Нурхацы попросил прислать войска на помощь³⁶, как мигом ехеский Наринь-буру союз хадасцев и маньчжур разрушил. Ехеский бэйлэ посулил Мынкэ-буру быть в дружбе с ним и дочь свою отдать, коль тот убьет маньчжур, на помощь присланных Нурхацы³⁷.

Раз так, за Хада было взялся он и овладел уже, считай, этим айманем. Но тут никани помешали. «Оставь-ка Хада ты в покое»,— так сказано Нурхацы было. Перечить он не стал тогда и отступил на время³⁸. Едва ушли его войска из Хада, как начало туда вторгаться Ехе³⁹.

Смотреть на это и оставаться равнодушным Нурхацы не смог. Но, помня предостереженье, которое сделали никани, решил проверить для начала, что думают они теперь. «Не для того я Хада сохранил,— писал Нурхацы китайскому пограничному начальству,— чтобы владенье это добычей стало Ехе»⁴⁰. На это пикани промолчали. А тут еще случился голод в Хада. Толпы людей пошли под стены Кайюани, прося китайское начальство дать хлеба, но то ответило отказом. Ну, коли так, все видя это, порешил Нурхацы: хадасцам будет лучше и покойней жить в моих владеньях.

И следом, сил поднакопив, присоединил к ним еще Хойфа, Ула. Хулуньского союза как не было. Осталось от него одно лишь Ехе, правителями где были Цзиньтай-ши и Буянгу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Если Нурхацы полагал, что собирает воедино под своим началом земли чжурчжэней, родных ему по языку, обычаям и вере, то по-иному все это властям Срединной представлялось, «Вместо того чтоб быть нам благодарным за милости, что были оказаны ему, этот строптивый варвар взялся крушить посты и караулы, которые мы думали иметь в землях чжурчжэней. Что Ваши предки создавали,— писали Ицзюню его сановники,— теперь Нурхацы рушит». «А ныне вождь цзяньчжоуских варваров Нурхацы,— в докладе Ицзюню указывал Ян Даобинь из палаты обрядов,— присоединил к своим владеньям Маолянь-ский караул и захватил нашу печать, которую давали мы старшему в том карауле. И сверх того еще Нурхацы этот включил в состав своих владений посты и караулы, которые располагались в пределах хайсиской Южной заставы»⁴¹.

«А что с ним делать? Как приструнить?» — ломали голову, кто возле трона был в Пекине. «Пожестче надо с ним» — к такому мнению склонялось большинство. «Считай, что сами мы, хоть в этом горько признаваться, его вскормили. Дали сначала звание дуду-цяныни. Сочтя, что большего достоин он, пожаловали титул „полководец дракона и тигра“. А это звание, помимо чести, ему давало в год 800 лян серебра и 15 одеяний, украшенных драконами. Опять же получил подарки щедрые, когда в столицу дважды приезжал. И брат его Шургацы тоже, в Пекине побывав, одарен щедро был. Да разве дело лишь в одних подарках? Торговлей в наших крепостях питает он свою казну. Раз так, то с этого начнем»,— в Пекине рассудили, и предписанье вышло прекратить торговлю всякую с владеньем Нурхацы.

От выхода этого указа люди Срединной больше пострадали, нежели Нурхацы сам. Нужда в плодах земли маньчжурской не отпала, и потому торговля продолжалась, но уже тайно. И за один цзинь маньчжурского жэньшэня, к примеру, людям Срединной пришлось

платить 24 лян серебра вместо прежних 1642. А меньше лошадей Нурхаци продавать стал — так от того войско китайское, но не его, страдало.

* * *

Раз жесткою рукой решили дикаря Нурхаци обуздать, то тут и вспомнили, а кто давал советы с ним помягче обращаться? — Так это Ли Чэнлянь ведь.

— Всею виною он,— спешил отмежеваться от старого служаки цзунду Цзянь Да.— Ведь он, денег прося, сулил нам много. А именно: построить восточное Фэнхуанчэна 6 крепостей, которые надежно защитят наши рубежи на северо-востоке. Затраченные на их постройку деньги (Ли обещал) с лихвой вернутся. Земли, прикрытые надежно крепостями, освоят люди Срединной, станут хлеба растить и скот пасти и тем доходы преумножат. А на поверку вышло что? Все крепости распорядился Ли Чэнлянь оставить (о том, что сам цзунду согласие дал на это, Цзянь Да, понятно, умолчал). И оттого восточная ограда Ляо-дуна пала. Народ наш, что поселился возле этих крепостей, Ли силой с места согнал, и потому люди во гневе.

Цзяндун Цзянь Да чернил всемерно Ли Чэнляня, не жалея туши. В своем стремлении потрафить дикарю Ли столь сильно пал, что даже породнился с Нурхаци. Сын цзунбина Ли Жубо дочь отдал в жены Шургаци, брату Нурхаци. Подумать только! Внучка Ляодунского цзунбина, бо, у дикаря мятежного в невестках.

* * *

Пальцы у Ли Чэнляня дрожали и не слушались. Одеваться и раздеваться ему обычно помогал слуга. Но на этот раз Ли Чэнлянь изменил своему обыкновению. Непослушными пальцами он нащупывал застёжки. Они не поддавались сразу, и, не спеша расстегнуть их, старик отнимал от них руки. Водил ладонями по одежде, осязая шитье. Нелегко досталось ему это одеянье. Он доброхотов не имел в столице, которые б хлопотали за него. Всего добился сам. Не жалел жизни своей и не щадил чужих. И вот теперь службе конец. Застежка-таки поддалась, за ней другая. Платье парадное упало. Остался в исподнем Ли Чэнлянь. И глядя на него, поверить было трудно, что этот иссохший старикашка — когда-то грозный Ли Чэнлянь, чье имя ужас наводило на окрестных монголов и чжурчжэней. Пощады им он не давал, собственноручно головы рубил, чтоб подчиненные брали пример. И личный счет вел по ушам, которые срезал сам с голов убитых.

А поглядеть сейчас на него кому-нибудь из дацзы, особливо из молодых, то подивились бы они: «Его соплей перешибешь, чего уж тут бояться».

— Да он-то сам по себе и прежде был бы не так страшен, если б не Минская держава, что за ним.

Сейчас она за ним стояла тоже.

Опальный цзунбин поежился: по сгорбленной спине словно прошлась чья-то холодная и липкая рука. «Эй,— крикнул он слугу,— принеси-ка мне одеться что-нибудь потеплее».

Толстый халат из ткани простой, запахнув на груди, Ли Чэнлянь подошел к столу. Уставился в листок бумаги и откачнулся, едва почувствовал, как щеки увлажнились.

* * *

— Э, не так оно должно звучать,— поморщился Нурхаци, уставившись на лист бумаги. Еще раз прочел и отодвинул от себя бумагу.— То, что написано здесь монгоскими письменами, не совсем то, что я сказал словами по-нашему.

А почему, на смену мысль пришла другая, мы говорим по-своему, а пишем по-монгоски? И эта мысль засела в голове так плотно, что ничего уже на ум больше не шло. И от нее, от этой самой мысли, словно отростки от корня, пошли воспоминанья. Да, ведь не раз слышал, как сетовали люди, что наши предки имели письма свои. Что было говорено или что хотел сказать кто, какие события произошли — все можно было письменами передать, в которые родная речь перелагалась. И этих в обиходе нет сейчас писем. Кое-где еще они остались, правда. В горах, на скалах, будто бы еще увидеть можно. И у него, Нурхаца, посудыны обломок есть. На нем те письмеца живут безмолвно.

— Но почему случилось так? — нагар сняв со светильника, Нурхаца пальцами растер.— Народ наш говорит по-своему, а записать слова не может. Приходится сначала на монгоский перевести и уже тогда только писать. Но мы ведь не моиго. А ну позвать ко мне джаргуци Гагая с бакши Эрдэни!

Явились те.

— Один я,— сокрушаясь, объявил им.— И все не одолеть мне. Сказал, а сам из-под полуопущенных век внимательно обоих оглядел. «Он тот же, как обычно, Эрдэни. Прямо глядит, не прячет глаз. Даже провинность если допустил, а все равно не лебезит. Спокойно ждет. Уверен: лишь не живущие не делают ошибок. А вот Гагай чего-то не того, пожалуй. И не сегодня, по давно уже. Лицом улыбочив, всем видом говорит своим: «Что скажет государь, исполню разом». Да вроде так оно. Но почему тогда он искоса глядит? И что-то лисье в его обличье появилось. А может быть, и раньше было тоже... Ну ладно, не за тем позвал».

— Дел в государстве нашем много,— продолжил Нурхаца.— И мне успеть заняться всем нет сил. А вы по части письменной горазды, и потому позвал вас.

Эрдэни и Гагай выжидательно молчали, толком еще не поняв, что надобно от них Нурхаца.

— Хочу я вот чего о г вас. Употребив монгоское письмо, надо создать общий для всей пашей страны язык. Каков он есть, всем показать, чтоб в употребленьи был.

— Большая честь оказана обоим нам,— первым сказал бакши Эрдэни, кивая в сторону Гагая.— Да боюсь, что мне заданье не под силу. А ты как мыслишь, Гагай?

— Нам письма монгоские известны. И пользуемся ими мы давно. Но приспособить их под нашу речь,— вздохнул Гагай,— боюсь, что невозможно.

— Мм,— протянул Нурхаца, как будто соглашаясь.— Но ведь когда никани читают свои письма,— испытующе взглянул поочередно на Эрдэни и Гагая — и те, кто знает эти знаки, и кто не сведущ в них, все понимают. И ведь когда монго читают написанное по-монгоски, то даже те, кто грамоты не знает, все понимают хорошо на слух. А если нашу речь изложить письменами монго и прочесть, то тот, кому неведом их язык, понять ее не сможет. Да как же это так? Неужто легче язык чужой усвоить, чем письма свои создать?

В словах последних Нурхаца отчетливо звучало недовольство.

— Это самое хорошее дело,— сбивчиво заговорил Га-, гай,— придумать письма, используя наш язык. Вот только мы не знаем способа, как это сделать, поэтому и трудно.

— Не трудно,— отрезал Нурхаца.— Надо лишь монгоский знак письма соединить со звуком нашей речи, и тогда из знаков будет виден смысл.

У Гагая беспокойно забегали глаза, он был явно обескуражен. Бакши Эрдэни, оставаясь внешне невозмутимым, потрогал волосы на затылке, там, где начиналась коса.

— Ну ладно, я вижу, проку нет пытаться вас. Мне думалось, что скажете что-нибудь путное, а вы, как будто сговорившись, твердите лишь одно: «Не знаем, как...».

— А вот как. Смотрите-ка сюда,— указательным пальцем Нурхаца ткнул в лист бумаги.— Я кой-чего до вас уже придумал. Да-да. Бери-ка кисть,— кивнул Эрдэни,— пиши знак «А» и ставь под него «Ма». Вот и стало «Ама». Теперь ты,— повернулся Нурхаца к Гагаю.— Пишешь знак «Э», а ниже — «Ме». И получилось что? «Эме». Вот-

то. Начало есть. Теперь черед за вами,— просветлев лицом, Нурхацци посмотрел па обоих,— довести дело до конца. А как с наказом этим справитесь, прямо идите ко мне, пе ждите, когда я позову⁴³.

* * *

— Ну что, составили письма? — с довольным видом Нурхацци пошел навстречу бакши Эрдэни, увидев у него в руках какой-то свиток.— Давай, показывай. А что Гагай? Он не способен оказался? Иль занемог и потому не смог придти?

Бакши Эрдэни молча свиток протянул. Едва Нурхацци углубился в него, как лицо настороженным стало и потом перекосилось злобно. «Так вот оно что... Гагай с ха-даским бэйлэ Мынкэ-буру в сговор вошел. Вот то-то и оно: сколь волка не корми, а он все смотрит в лес. Ведь Мынкэ-буру обязан жианью мне, Когда военачальник мой Янгури взял город Хада и пленил там бэйлэ Мынкэ-буру, я не убил его. Напротив, щедро одарил (дал соболью шубу и к ней шапку из соболей) и взял жить к себе⁴⁴. Он у меня, считай, но пленником, а гостем, родственником жил. Ведь за Ургудая, его сына, я выдал дочь свою⁴⁵. И на тебе: пишет письмо в Ехе, чтобы ехеские князья спешили на меня напасть. „Вы только выступите,— увещевал Мынкэ-буру,— а уж поддержка будет изнутри. Цзаргучи Гагай на Нурхацци обиду давнюю таит и только ждет, когда удастся посчитаться"».

— К тебе попало как письмо? — у переносья сдвинув брови, на Эрдэни уставился Иурхани.

— А человек, которого Гагай послал к владельцам Ехе, принес письмо ко мне.

— Ему дать шубу соболью и шапку за рвение и честность. А этих двух злодеев, Гагая с Мынкэ-буру, немедленно казнить. Но чтобы скверной своей кровью не запятнали нашу землю.

Лицом к лицу поставили обоих, хадаского бэйлэ Мынкэ-буру и цзаргучи Гагая, и тетивой тугой от лука одной обоих удавили. Раз были заодно, то смерть одну заполучили. В лодку ветхую обоих положили и в ней сожгли. С охоты возвращаясь пару дней спустя, Нурхацци невзначай на пепелище натолкнулся. «Здесь, видно, костер совсем недавно жгли,— слуге сказал,— трава еще не проросла».— «Да, не успела, господин,— ответил раб. — Совсем немиого времени прошло ведь, как здесь сожгли Гагая и Мынкэ-буру».

От этих слов досадно стало: «Не знаешь в точности, кому и доверять. О Мынкэ-буру речи не идет. Но вот Гагай-то... Кто на него подумать мог? Хороший воин был и в книжной премудрости был искушен достаточно. А двоедушен оказался...»

* * *

— Ну вот оно, и получилось,— ликующе посмотрел Нурхацци на бакши Эрдэни, оторвавшись от испещренных черными значками листов бумаги.— А говорил: «Невозможно сделать». Лишь нужно было сильно захотеть. И верить. Вот она, наша письменность! — победно потрясал Нурхацци листом бумаги, пестревшим чернотой букв.— Всем во владенье нашем показать, и чтобы впредь писали только так. И записать, чтоб помнили потомки, в книге событий, что у нас ведется, так: «В год желтоватой свиньи Нурхацци-государь поручил бакши Эрдэни и...,— тут умолк,— а ладно, заслуги были у него допрежь,— продолжал,— цзаргучи Гагаю сделать наше маньчжурское письмо с монгоского письма».

* * *

— А сколько их? — у муравейника Нурхацци встал, глядя на суету насекомых.— Попробуй палку ткни и кинутся они бесстрашно дом свой защищать. Пойдут ратью бессчетной, и сколько их, никто сказать не сможет. Так ведь и я, насторожился, не знаю

тоже, сколь войска у меня. И сокрушенно почесал затылок. Не ведал того он. Помощники его не знали тоже.

Ведь испокон веков, считай, как дело обстояло? Пошли сражаться или зверя промышлять — на каждого воина или охотника стрела давалась⁴⁶. И счет по стрелам велся, на десятки. Раз выдано стрел десять, так это означало — десять воинов или стрелков в наличии. А из десятков уже составлялись отряды, «шору»⁴⁷. Десяток в них по-разному бывало. И все эти десятки, шору, па время только собирались. Война закончилась или охота — все расходились по своим селеньям, и словно не было ни тору, ни десятков. Вот и попробуй заранее узнать, а сколько в день назначенный будешь иметь с орузkiem людей. Это еще зависело и от того, настроен как родоначальник тот или иной, и он же старший в селеньи. С собою приведет или пошлет с кем столько, сколь пожелает. И спрашивать-то больше как с него? «А больше нету у меня,— скажет в ответ.— Когда ходили в прошлый раз на воги, много убили у меня людей». Но так иль нет, узнаешь как?

Потом еще ведь раньше было проще вроде все. Семья иль род какой, известно было, тут иль там живут. Теперь перемешалось все. Немало пришлых появилось. Нагнали их в маньчжурское владенье, считай, что отовсюду, куда только доходили мои дружинники. И этих полоняников ведь тоже надо пристроить должно, чтобы были на счету.

— Да, должен точно знать я, сколько воинов имею под своим началом. Тогда будет видней, чего могу, а что мне не под силу. А счет вести, пожалуй, лучше по июру. В каждой из них число людей должно одно быть. А если так, то старшим в шору уж будет только тот, кого назначу я. А то ведь как у нас доньне повелось? Привелна рать какой родоначальник иль племени глава ватагу родичей своих, и он, понятно, у ппх теперь военачальник, очжэпъ. Таким и ты считай его, хотя он самозванец для тебя. И что ж, приходится порой считаться. И даже ублажать, чтоб норов, спесь свою умерили.

— Искусен в счете ты, — сказал Нурхацци Курчашо, когда явился тот к нему па вызов.— Дотошен же опять. И потому тебе я доверяю составить списки, сколько мужчин в моем владенье. Дело, попятно, непростое и времени займет немало. Возьмешь с собой помощников. Сам выберешь, кого считаешь нужным.

* * *

— Выходит так,— Нурхацци протянул и, оторвавшись от бумаги, взглянул пытливо па Курчаня,— быть в нюру 300 человек.

— В самый раз,— отозвался Курчапъ,— Немного и немало. Управляться с людьми будет легко.

— А выше нюру будет чалэ. Из пяти тору станет состоять.

— Не много ли? — усомнился Курчань.

— Да нет, — мотнул головой Нурхацци.— Я высчитал заранее.

— Начальников чалэ, пожалуй, многовато. Чтобы собрать их воедино, какую надобно палатку приготовить? Иль известить их разом как всех?

— Ты верно говоришь. Из чалэ мы составим гуза. По 5 чалэ в каждом будет,

— И все?

— Да нет, самым большим отрядом станет знамя. В каждом из них по два будет гузая.

— А сколько всего знамен?

— Пока народу наберется на четыре. Чтобы отличать па расстоянии можно было их, у каждого стяг будет свой: желтый, красный, синий и белый.

Рано поутру на небольшой лужайке перед покоями Нурхацци собрались вельможи разных степеней и рангов. Теперь прибавилось их, раз стало больше государство, а значит, тоже разных дел. Вот кучно держатся, выделяясь бляхами на шапках, амбани, числом их пять⁴⁹. Поручено им ведать важнейшими делами государства, в совете при

Нурхацци состоять. Немного в стороне от амбаней десять джаргучи. В обязанность им вменено помощниками быть амбаней, а также судить. Ближе всего к широкому сиденью под зонтом, где сам Нурхацци восседает, стоят бэйлэ. Они по крови близкие ему.

Вот потянуло дымом терпко-горьковатым из курильниц. С места поднявшись, Нурхацци руки поднял, взывая к небу. Воздав ему хвалу, уселся. С лицом бесстрастным слушал, как чтец громкоголосый оглашал его указ всем ему подвластным.

«А коли у кого какое дело приключится, произойдет какая тяжба, то сначала разбирательством занимаются джаргучи. Решение если их не удовлетворит, тогда свое суждение вынесут бэйлэ. А коль и их мнением останется кто не доволен, тогда докладывать уж должно государю самому».

Из-под полуопущенных век Нурхацци следил за выраженьем лиц: «Ну, каково? Задело за живое? А то ведь, прежде всяк поступал, как в ум ему взбредет. И в толк не брал, что от того вред государству нашему великий».

«...За блудодейство будет кара великая, — глашатай продолжал.— А кто в пути нашел утерянную вещь кем-то, должен не утаивать ее, но хозяину вернуть. Коль тот не сыщется, тогда отдать в казенный дом для опознания. Только после того, как хлеба сжаты, дозволяется скот выпускать пастись. Пускай никто не смеет чинить разбой и насилие». Последние слова глашатай изрекал уже с трудом, голос хрипел. Указ, однако, дочитал он. И тут его сменил другой, тоже со свитком.

— Особое повеление амбаням, — возгласил и далее продолжил: «Какое б дело ни случилось, не тоже его одному человеку решать, иначе возникнет смута. У кого б из людей нашего владения какое дело ни приключилось, надобно доложить его в казенное учреждение, но не идти с ним в дом амбаня, как это было с амбань батуру Эйду».

Многие из присутствующих воззрились на Эйду. Тот старался держаться спокойным. Лишь матовость у крыльев носа выдавала его волнение.

«Если кто тайком и не в присутствие доложит свое дело, будет бит плетью.— Сглотнув слюну, глашатай возвысил голос,— Любой бэйлэ, амбадь, поимея провинность, должен, взяв себя в руки, довериться решению третейского суда. Те, кто, упрямство и своеволие проявляя, не подчинится этому указу, только увеличат свою вину».

* * *

Тяжелый шелк почти земли касался, свесившись с протянутых вперед ладоней. И в солнечных лучах переливался цветом бирюзовым, как небо поутру, багряно рдел, словно уголь раскаленный, мягко блестел, как кожа белого быка.

— Наши князья, Гуарту, Бурхай, Синьсай, Баха-тархан, прислали нас к тебе,— монгольские послы с поклоном поднесли Нурхацци хадаки, каждый от господина своего.

Приняв хадаки и рядом положив возле себя, Нурхацци движением руки дал знак садиться. Как старому знакомому улыбнулся тайджи Энгедери: тот приезжал уж год тому назад. Обласкан был и вот опять прибыл с посланцами нескольких владельцев.

— Я дружбы не домогался с ними,— подумалось Нурхацци,— хотя была она нужна мне. А вот сами пришли. И стало на душе легко, словно хватил чашу полную хмельного.

— А лучше может быть чего,— к послам монгольским обратился Нурхацци,— когда соседи, хоть дальние, дружбу водят меж собой? Ведь в гости ездить больше радости, нежели набеги совершать. Приятно мне, что князья Халхи желают жить с нами, в мире. Намеренья их, как вижу я, серьезны. Вот Энгедери, немалые лишения претерпел, считай, и жизнью рисковал своей, поскольку путь лежал не через дружеские владенья, когда впервые приезжал ко мне. И снова вот приехал. Нам радостно весьма такое видеть рвенье по упрочению дружбы уз.

— Молва о справедливости твоей, бэйлэ Нурхацци, о ратных подвигах идет повсюду,— не скупилась на лесть монгольские послы. — И не прошла она мимо ушей наших князей, сердца надеждой их согрев. Такого по величью, вроде тебя, давно уж не

было властителей. И потому тебя наши князья согласны почитать не просто как бэйлэ, но как Кундулунь хана, «Хана удивительной храбрости»⁵⁰.

* * *

— С монго по крови мы родные,— бахвалились не раз ехеские князья.— Наш предок был монго. Что из того? Чего-то я не вижу, больше, чтоб за вас монго больно держались. После того, как рать девяти айманей, которую собрали было ехеские бэйлэ, я обратил вспять, монгоские князья со мною дружбы принялись искать. Теперь из них иные в союзе быть со мной согласны. Не на словах, на деле. Гуарту, Бурхай, Синьсай, Бахатархан дали согласие вместе со мной, как дам я знать, пойти на Ехе. А коли так, то пришел черед взяться за вас всерьез, ехеские владельцы. Довольно претерпел от вас обид. Вы обещали в наш дом отдать двух девушек, но слова не сдержали. И тем нам оскорбление нанесли. «Надули Нурхаца,— в злорадстве щерили вы зубы,— а он и не посмел спросить с нас за обман». И если б дело было в девах? А то еще в Ехе укрылся мой зятек мятежный, улаский бэйлэ Буч-жаньтай. Три раза мой посланник ездил в Ехе: добром просил, чтоб выдали мне Бучжаньтай. Так и не отдали. «А нет у нас его,— в ответ мне нагло говорили.— И где он есть, о том не ведаем мы вовсе».

Ну вот теперь, союзники раз есть у меня среди монго, и время наступило с клятвопреступников спросить за все сполна.

Все вроде верно рассчитал Нурхаца: какие где пройти проходы, где ехать прямо, не таясь, а где и переждать, себя не выдавая. Но на войне — как на охоте, всего заранее нельзя предвидеть. Тем более не мог читать Нурхаца тех бумаг, в которых за него Ехе судьбу уже решило китайское начальство. Северная застава, как предпочитало Ехе называть оно, должна стоять как есть. «Если не будет Северной заставы,— писал в своем докладе цзияоский цзунду Сюэ Сяньцай,— тогда не будет и крепости Кайюань. А без нее не станет и Ляо. Если нет Ляо, тогда кого защитит одна застава Шаньхайгуань? Атаман Нурхаца в своих злодействах крайних распоясывается с каждым днем все больше и больше. Если станет упорствовать в своих намерениях, то ничего не остается, как предостеречь его посредством военной силы»⁵¹.

Раз полагало так вышестоящее начальство, то с мнением его согласен был сперва и ляоский сюньфу Чжан Тао. Правда, в отличие от Сюэ, к Нурхаца Чжан ближенаходился. Об этом помня хорошо и не забыв притом, что войска у него совсем немного, сюньфу за благо счел горячки не пороть. «С монголами в союзе Нурхаца на Ехе напал!» Как только ему доложили об этом, Тао подмоги запросил у Сюэ и грозное послание направил Нурхаца.

Ярость из горла лезла криком и кровью налила глаза, но удержался, сам не зная как. Вопль в горле затая, зубами лишь бессильно скрежетал. И вспомнилась картина детства. На дерево за медом лез. О сучья кожу обдирает, чуть глаза не лишился, бровью наткнувшись на сучок. И вот уже готов был сунуть руку в заветное дупло, как вроде кто-то стукнул по руке. «А ну-ка слазь скорей,— раздался крик с земли,— до смерти пчелы закусаят!». Так и сейчас, считай, произошло. Еще немного оставалось поднажать — и полетели б головы у ехеских князей, но тут шикани встали между нами. А просто так от них не отмахнешься... Они прислали к нам посла, в ответ отправим тоже мы. Чего ж пока нам остается. А что потом — там видно будет. Жаль только Ехе оставлять. Ну ничего, не на всегда ведь оставляю.

* * *

— Едут! — дозорные, примчавшись, доложили, и войско выстроилось, оружие взяв на изготовку. Ни дать, ни взять — врага встречают, что вознамерился взять Гуан-нин. А

вот они, с кем войско гуаннипское готово в бой вступить, уж показались на дороге, что к крепости ведет. Их 20 с чем-то человек. Едут открыто, не таясь.

От войска старший к ним навстречу выезжает.

— Кто будете?

— Мы посланы Нурхаци. Гангули я, это — Аду. И с нами сын Нурхаци. Вот он — Бабухай⁵².

«Ну раз послов прислал, зачем их сходу отсылать обратно? Послушаю, что станут говорить», — так Тао рассудил.

«Правитель наш Нурхаци, — твердили одно его послы — и в помыслах такого не имел и не имеет, чтобы какой-то вред державе Минской причинить. Он хочет с нею в мире, дружбе быть. И в подтверждение готов оставить заложником иль в Гуашшне, иль в Пекине сына Бабухая, который здесь.

Наш государь Нурхаци, — сокрушались маньчжурские послы, — обижен сильно и не раз правителями Ехе. Укрыли у себя зятя Нурхаци, который перед тестем сильно провинился. А ведь и у вас, в пределах минских, кто старшим не послушен, тоже достоин наказания. Потом еще, прошло почти уж 20 лет, как государь наш, Нурхаци, помолвлен был с княжной из Ехе. А до сих пор ее не отдают. Такой насмешки не заслужил правитель лаш никак. Не мог сносить обид он больше и потому решил примерно Ехе наказать. И в том он сильно уповает на благословение и помощь Сына Неба»⁵³.

* * *

— Лукавству дикарей предела нет, — изрек дасюэши Фан Цунчжэ, ответственный за Военную палату. — И как узнать, где ложь у них и правда где?

Словно по команде все прочие чины, то ли соглашаясь, то ли сокрушаясь, закачали головами. И в наступившей следом тишине вопрос тяжелым облаком навис над головами государственных мужей. От напряженья (начальник ждал ответов) у некоторых взмокли черепа, другим одежда вдруг тяжелой показалась. Так стало тихо вдруг, что стало слышно всем, как загудел надсадно шмель, запутавшись в тяжелой шторе. Иные из сидевших, оживясь, тянуть начали шеи в ту сторону, где шмель гудел, и думая уже о том, сумеет улететь иль нет. Но крикнул недовольно тут Фап Цунчжэ, и разом все опять застыли в прежних позах, глубокомыслие лицом изобразив. Молчание уж слишком долго затянулось. «И стоило ли всех их собирать», — морщась досадливо, подумал Фан и, в ярость, приходя, уже хотел возвысить голос.

— Дозвольте мне сказать, — раздвинул узкую щель рта шаншу Хуан Цзяшань. — Чжап Тао, — шашну Хуан взглядом повел вокруг, всем видом говоря своим: «Я раскусил в чем дело тут», и замолчал, закашлявшись нарочно. («Пускай немного подождут, — злорадствовал в душе, — раз сами ничего сказать не могут»), — Чжан Тао, — повторил Хуан, — доложил, что этот сын Нурхаци рожден от третьей наложницы. Не от супруги. И, по моему непросвещенному мнению, не так-то просто все тут. Ведь почему-то сыновей от жен своих он не предлагает нам в залог?

— Верно, — обронил весомо дасюэши Фан.

— А сын ли он ему, тот Бабухай, которого готов в заложники отдать? — ввернул с сомнением шилан Цзи Фэй. — Клейма или отметки в подтверждение не сыскать.

Сказав это, краем глаза взглянул на своего начальника шаншу Хуан Цзяшэня. Шилан Цзи давно уже считал, что достоин занять должность шилана и не упускал случая так или иначе показать присутствующим ограниченность шаншу Хуана. Заметив на его лице озабоченность, шилан Цзи с удовлетворением сказал себе: «Я зря не стану рта открывать».

— Действительно, а как, — подумал про себя шаншу Хуан, — узнать, кого Нурхаци нам в заложники подсунет. Пришлет раба под видом сына и руки тем себе развяжет. И

выйдет так, что мы ему поможем сами бесчинствовать, поблизости от наших городов. Нет, нас провести он, варвар, не сумеет.

— Как видно,— приосанившись, заговорил шаишу,— во мнении мы сходимся одном. Не различить никак, он, Бабухай, Нурхацци подлинный ли сын иль мнимый. Если оставим у себя, то в заблужденье, может статья, будем пребывать. А оттого для государства нашего заботы могут быть большие. Бабухая лучше не держать, но отослать его обратно.

* * *

— Значит, заложника не нужно им,— в раздумье произнес Нурхацци.— Что б это означало?

— Чжан Тао,— заговорил Аду,— сказал нам так. С Нурхацци в мире и согласье мы живем. Раз говорит он, что враждебных намерений к державе нашей не питает, то верю я ему. А если взять заложника от вас, то повод дать лишь, что будто мы словам не верим. Да прежде ц не было такого, чтобы у нас в заложниках кто был из ваших.

— И как нам показалось всем,— тут в разговор вступил Гангули,— Чжан Тао ссориться не хочет с нами. Сначала было он кричал: «Нурхацци ваш совсем распоясался. Уж до того он осмелел, что потекает людям своим не только нарушать границы империи. Больше того, они в ее пределах уж пашут землю». Ну, мы в ответ и говорим: «Давайте разберемся, что к чему. Те земли, о которых речь сейчас зашла, пахали давным-давно. И до сих пор никто из вашего начальства не говорил, что мы нарушили империи границы. Быть может, вас тревожит, что на этих землях прибавилось волов? Но ваши напрасны спасенья. Запашку расширять не собирались мы, а думали скорей вспахать лишь то, что раньше засевали, и потому скота еще пригнали. Но чтобы не было у вас причины для тревоги и забот, мы тотчас уведем недавно пригнанных быков обратно».

— И стал он утихать, Чжан Тао,— пояснил Аду.— И показалось нам всем под конец, что вроде удалось нам убедить его, что у нас лишь с Ехе счеты. А опасаться им, никаням, нас причины вовсе нет. Ведь так, Гангули? — Тот в знак согласия головой тряхнул.

— Ну если так оно,— прищурился Нурхацци, словно рассматривал что-то вдали,— попробуем еще разок за Ехе взяться.

* * *

Тяжелые, грязно-серые тучи низко нависали над поблекшей, слинявшей землей. Местами ее бесцветный покров пламенел сполохами пожарищ, чернел пятнами пепелищ. Налетая, ветер вздымал шлейфы огня, сыпал искрами, сгонял с поверхности земли едкий дым, которым исходили головешки. В них обратились многие острожки, которые прикрывали подступы к Восточному и Западному городам, где жили сами ехеские правители.

Стена, она на вид толста и высока, но защитит ли от Нурхацци? И поручиться как, что не найдется никого, кто бы открыл ворота изнутри: «Добро пожаловать, бэйлэ. Нурхацци!». Ведь сделали же так Садаиь и Хумилсу, которые начальниками были в городе Усу. «Нет,— отдернул руку от стены Цзиньтайши,— одним не устоять нам, нет. И стены эти не помогут. Одна надежда лишь осталась — на никаней. Начальство в Кайюани должно давно уж было получить письмо, которое мы с Буянгу, племянником моим, отправили. Не пожалели слов, чтоб убедить правителя никаней: если оставят нас Нурхацци на съедение, то завтра примется и за никаньские владенья». И те слова, что написали в том посланье, перед глазами зримо встали, словно поднес кто-то к лицу его. «Три владения; Хада, Хойфа, Ула уже завоеваны князем маньчжурским. Ныне он опять напал на наше Ехе. Нурхацци намеревается сравнять с землей все государства. Имеет целью он вторг-

нуться и в пределы державы Минской. Помышляет, как нам доподлинно известно, Ляодуном завладев, там ставку разместить свою. А в Кайюани и Телине устроить пастбища для табунов копей»⁵⁴.

Слух, до предела обостренный, какой-то шум снаружи уловил. «Бежать туда! Узнать скорей, какая весть». Но ноги словно к месту приросли. «Неужто Нурхацы у стен уже стоят?».

Недавний страх сменился ликованием: «Спасены!» И радости сдержать не в силах, Цзиньтайши па колени пал, хвалу Небу воздав. Так и застал его стоящим на коленях юцзи Ма Шинаиь. Подумав, что коленопреклоненно князь его встречает, юцзи, надменно ускрутя, на кан присел. Вот так оно должно и быть, и не иначе: на четвереньках, по-собачьи, встречать посланцев Сына Неба варвары должны. «Ну так,— сквозь зубы процедил юцзи с видом таким, что жалко тратить слов ему,— мы с юцзи Чжоу Даци прибыли к вам с тысячей стрелков⁵⁵. Теперь страшиться нечего Нурхацы вам».

* * *

— Э,— досадливо поморщился Нурхацы,— переменялось все. Мы шли, чтоб завладеть двумя ехескими столицами, а вместо них, считай, пред нами Фушунь и Кайюань. И делать нечего, придется уходить отсюда.

* * *

Нурхацы увел своих людей из ехеских пределов. Кое-кто остался там лежать, иные увечья получили. А сам Нурхацы на этот раз остался цел и невредим. Но мысли тревожные, как раны свежие, душу бередили, покоя не давая.

— А для чего войско пришло никаньское в Ехе? Ведь я с царем никаньским воевать не замышлял. Но он ко мне вражду питает и не таит того. Сейчас вот его войско в Ехе. А завтра не пойдет ли против нас оно?

В ответ Фюндон молча пожал плечами. Он знал, как быть, когда видел врага перед собой, пускай даже был тот в укрытье. Идти на него, пригнувшись или прямо, но идти. А что там замышляет он, противник, было Фюндону думать обычно недосуг.

— Лучше всего,— в раздумье произнес Нурхацы,— конечно, объясниться с ним. Но ехать теперь в Пекин мне самому совсем не к стати. А то, что я хочу сказать ему, ведь можно написать. Верно говорю?

Фюндон, к которому Нурхацы снова обратился, подался плечами и шеей вперед: «Оно, конечно, так». А переслать как то письмо?

— Поеду сам. В Фушунь. Письмо отдам начальнику Фушуни, чтоб переслал его в Пекин. А что написано в письме, для верности еще перескажу ему⁵⁶.

* * *

— Эха,— вздохнул негромко фушуньский юцзи Ли Е Юнфан,— затягивая пояс.— Совсем иные времена настали. Это мне-то, юцзи, приходится ехать самому на встречу с дикарем. Да в прежнюю-то пору до разговора с ним последний писарь не снизошел бы сразу. А теперь...

— Я буду не один,— уведомлял Нурхацы,— со мною будут люди. И хлопотами Вас пе желая обременять, Вам предлагаю встретиться вне стен Фушуни.

Пришли юцзи на ум эти слова, когда пошел садиться на коня, и он подумал: «Вроде пристойные манеры хочет показать, на самом деле же боится один в Фушунь явиться».

За крепостными стенами на удалении трех ли лежало поле. На нем военные ученья обычно проводились. И в этот раз с утра Ли Юнфан распорядился устроить ученья копейщиков и лучников.

И на обочине коня остановив, сидя в седле, юцзи вроде следил как метают копья и пускают стрелы, но больше ждал, когда появится Нурхаци.

Со стороны взглянуть,— так это два знакомых старых стоят, о чем-то говорят непринужденно. Вот что-то один из них сейчас рассказывает горячо, другой согласно головой качает.

— Если б владетели Ехе вели себя пристойно,— Нурхаци объяснял,— то мне бы не было нужды ходить на них войною. Больше того, те нелады, что у нас с Ехе произошли, это навряде того, как неурядицы в иной семье бывают. Ну и сосед, услышав шум, случается, в смятение приходит: «А не задело как бы и меня». Так вот я заверяю и клятву дать готов любую в том, что никакой вражды к державе Вашей не питаю. О том я говорю и написал в письме правителю державы Вашей.

— Письмо твое уйдет в Пекин,— куда-то глядя поверх головы собеседника, отрывисто обронил Ли Юнфан, давая понять, что ему уже недосуг. А тоном, которым это было сказано, и тем, как при этом держался Ли Юнфан, юцзи рассчитывал напомнить этому варвару, что не ровня он все равно, хотя с ним рядом Ли Юнфан стоит.

— А это ничего,— прощаясь, говорил себе Нурхаци.— Письмо я передал, сказал, чего хотел сказать. Пусть пыжится пока никань.

* * *

Укрывшись за кустарником и стараясь не шуметь, торопливо огибают склон сопки Хулан-хада речка Цзяха. Вон там, где реке заросли, сверкнула на солнце серебром, как рыба чешуей, и снова неприметна, теряясь среди мрачноватых сопки.

Пытливым взглядом, словно впервые оказался здесь, Валудархансансу осматривал окрестности. Да нет, места эти ему давно знакомы. Но только вот они теперь не те, что были, когда впервые он тут ходил. То, что ныне зовется Новый город, лишь только намечалось. Когда пришел в дом Нурхаци, в нем пахло свежим лесом, на бревнах кое-где еще смола скупой и медленной слезой сочилась, и запах влажной глины давал себя знать. А кроме строений, где жил Нурхаци с домочадцами своими, считай, и не было домов. Так, земляные норы... Сейчас дома поднялись. И вал тройной опоясал ставку Нурхаци.

Но надо должное ему отдать, он предписал строить дома не только для людей, но и богам. Вон храм Яшмового владыки⁵⁷. В помощниках у него — бог войны. Люди Чжанага зовут его Гуаньин иль, когда почтения желают, выразить, Гуаньлао. Ему поставить храм тоже повелел Нурхаци. У входа копья торчат, чтоб сразу было видно, чье жилище это. А говорят, с ним дело было так. Нурхаци будто бы просил у властей Чжанага прислать ему изображение какого-нибудь их божества. И вот те вроде дали изваянье этого самого Гуаньди. Весьма тем самым потрафили Нурхаци. Он сходство в нем нашел с отцом своим. И распорядился потому построить храм в честь этого божества⁵⁸. «А вот в честь Чжово,— негромко вздохнул Валудархансансу,— здесь храмов нет...»

Тут теплым воздухом обдало лицо, испарина проступила на лбу. Утро кончилось. День вступил в свои права. «Пора идти,— спохватился Валудархансансу,— застать надо его на месте».

— Рад видеть я тебя,— Нурхаци с места встал, идя навстречу Валудархансансу. Почтительно приветствовав его, под локоть осторожно взяв, повел усаживаться. И лицом, и поведением — всем выражал хозяин удовольствие видеть гостя.

По виду его, однако, сразу смекнул Нурхаци, что какое-то важное дело привело на этот раз к нему учителя желтой веры. Он появился у него год с небольшим после того, как отражено успешно было нападение девятки той... «Ну раз ко мне идет кто, то почему же не принять? Тем более, богослужитель из дальней стороны. Страна его Амдо зовется. Как

пояснил всеведущий книжник Дахай, у монгольских князей наставники желтой веры в чести большой. Рвение особое проявил чахарский Лигдан-хан: распорядился переводить на свой язык книгу священную, которая „Ганджур“ зовется. А коли так,— рассудил тогда Нурхаца,— мне будет польза, коли приму. На большее доверие смогу рассчитывать я у монго. Мало того, что с князьями их в кровном родстве я пребываю, а тут еще, как и они, заботы о наставниках желтой веры проявляю. Зачем же пожаловал сейчас почтенный бакши?»

По его лицу, в неярком свете, который шел через заклеенные промасленной бумагой окна, прочесть определенно ничего было нельзя.

— Пришел сказать я,— медленно проговорил Валудархансансу, неторопливо перебирая четки,— что собираюсь я домой.

— Что так? — настороженно воззрился Нурхаца.— Обижен чем-то или как?

— Нет,— снисходительно улыбнулся проповедник.— Приемом, что был тобой оказан мне, премного я доволен. Нужды ни в чем не знал⁵⁹.

— Чего ж тогда засобирался?

— А немочен я стал.

— Ну коли только немочь одолела, так почему ж спешишь от нас? У нас орхода есть, потом горячие ключи.

— Нет,— покачал головой Валудархансансу.— Мне надобно домой. Такой я чувствую позыв.

— Тогда неволить не могу. Хотя, не скрою, жаль мне с тобою расставаться. Речи твои полезны были мне. От них я еще больше укрепился в призвании быть правителем.

— В твоих успехах нет моей заслуги.

— Неверно. Есть,— убежденно произнес Нурхаца.— И потому хочу тебя отблагодарить я на прощанье.

— Мне самому, считай, не надо ничего,— отозвался Валудархансансу.

— Но,— замешкался и, словно вспомнив, обронил,— вот для нашей веры, если можешь, порадей.

— Как? Чем?

— А храм построй.

— Эй, Кутунга! — крикнул Нурхаца, для верности хлопнув в ладоши. Слуге, что бросился стремглав на зов, велел: «Позвать писца!»

В присутствии Валудархансансу сказал писцу, чтоб написал указ, где поведено построить сумэ⁶⁰. «Так что приехать снова к нам, посмотреть на этот храм,— обратился Нурхаца к проповеднику,— причина есть».

* * *

Дело одно было и вроде общее, а мнения, как быть с ним, разошлись. И оттого прежде всего, кто как соприкасался с ним: вплотную или издали.

— Как представляется ничтожному рабу, — докладывал в Пекин Чжан Тао, ляоский саньфу, — неверно поступило кайюаньское начальство, поспешно выступив на помощь Ехе. Вот почему считаю так: распря возникла между Нурхаца и ехескими старшинами по их вине. Брачный договор нарушили они, не выдав Нурхаца «старую деву», просватанную за него. Они же укрыли у себя зятя его. Но все это не приняли во вниманье в Кайюани, а ради личных выгод содействуют ехеским старшинам за счет Нурхаца поживиться. С ним ссориться причины вовсе я не вижу, тем более, что цверенный мне охранять участок границы соприкасаемся с ехескими владениями на расстоянии 90 с небольшим ли, а с уделом Нурхаца — на протяжении свыше 900 ли. И если отвернется он от нас, тогда на границе Ляояна длиной свыше 900 ли добавится забот⁶¹.

* * *

Местопребывание свое наместник Сюе Саньцай в отличие от сюньфу Чжан Тао имел поближе к стенам Пекина, нежели к ставке Иурхацы. И потому подход у Сюе был иной, чем у Чжана.

— Удержу в алчности своей восточный варвар Нурхацы несколько не знает,— размашисто водил кистью Сюе Саньцай.— Смотреть, руки сложа, как он за счет соседей округляет свои владенья, значит потворствовать ему в его зловредных устремленьях. Позволить Нурхацы утвердиться в Бэйгуани будет тому подобно, что снять засов с ворот, когда поблизости разбойник объявился.

Так же, как Сюе Саньцай, мыслил столичный обитатель юйши Чжан Фэнчжун, строча доклад на имя Сына Неба⁶².

— Лукав он крайне, этот варвар,— желчь на бумаге изливал кастрат юйши.— Верить никак ему нельзя. Ради какой-то старой девы да непутевого зятка не стал бы с Ехе воевать он. Нет. Нашел лишь повод, дабы Ехе подчинить себе. А в том угроза будет всем нам. И потому с Нурхацы этим как со зверем диким надо обращаться. Не иначе.

Кисть отложив как ратник пику, когда уж силы нет ее держать, Чжай Фэнчжун халата рукавом утер слюну, которая чуть не скатилась на бумагу. Немного поразмыслив, Чжай снова взялся за кисть.

— Помогать Ехе должны мы непременно, — старательно выводил он.— Дополнительно поставить войска в Фушунь и Цинхэ, чтобы вплотную обложить логово Нурхацы.

* * *

Завидное согласие, что было крайне редко, на этот раз явили девять мужей, которым доверены были важнейшие империи дела. Да, не сговариваясь между собой, они друг другу вторили, великую оплошность с Нурхацы допустили. Ласкали непомерно, расчет имея привязать к себе надежно. А наоборот все вышло: лишь распалили вождельния его. И потому с ним разговор теперь один возможен. Это — побольше показать кулак, чтобы не смел к границам нашим подбираться. Сюе Саньцай и Чжай Фэнчжун все верно рассудили: «Мы Ехе сохранить должны как щит и показать на деле Нурхацы, что Ехе не бывать его. А заодно нужно убрать Чжан Тао, размазню. Держать его на должности сюньфу на Ляодуне нет проку, никакого».

* * *

Примятая трава, местами в бурых пятнах крови, обломки копий, расщепленные стрелы — все это говорило само за себя. Сходились люди здесь на брань. Она закончилась. Из неподвижных губ повергнутых на землю уже не рвались звуки ярости и боли. Зато с довольным карканьем вокруг кружилось воронье. Вот от стаи отделился старый ворон и тяжело от сытости на ветку сел. Все оглядев вокруг, удовлетворенно головою покачал, словно внушая всем своим собратьям: «Не будем, братья, без поживы мы и впредь».

Метнуть копьё или пустить стрелу в живую человеческую плоть — не в землю бросить горсть зерна. Семя, попав в лоно ее, пробьется кверху жизнью новой и себя умножит. Совсем не то, когда сжимается рука не для того, чтоб кинуть горсть семян, но ударить пикой или стрелой. И от ударов железа о железо, от посвиста тяжелых, с опереньем длинных стрел не жизнь рождается, но гибнут люди. Те самые, которые здоровы, молоды и род продолжить свой способны и достойны. А среди оставшихся в живых немало есть увечных: кто без ноги, кто без руки, а кто без глаза. Какой уж тут добытчик из калеки, лишь самому бы прокормиться, где там кормить детей? Опять же,

чтоб их завести, надобна жена, а чтобы заиметь ее, опять же надо владеть каким-то достояньем. С пустыми-то руками не придешь к родителям иль старшим в роде просить, чтоб в жены отдали внучку, дочь или сестру. Подарки нужны непременно. А не у всякого достаток был, чтобы женой обзавестись, хотя б одной.

— Никаньский царь чем страшен для меня? — думал не раз Нурхацы.— Числом своих людей прежде всего.

Сила правителя любого — в многолюдстве подданных его. Чтоб увеличить их число, военачальники Нурхацы ходили далеко, в места такие, о которых прежде лишь знали понаслышке. В земли маньчжурского владенья гнали людей из местностей, где обитали воги, варка. А пленных привести — не в лес сходить за медом. Там — на худой конец — искусан будешь только. Когда ж охота на чужих людей идет, своих теряешь тоже. И немало.

Да, опять же возвращался Нурхацы к занимавшей его в последнее время мысли: «Лучше всего, если плодятся станут больше. А ведь, наверное, таких немало есть в моем владенье, кто за неимением достатка не может завести себе жену».

— Ого,— Нурхацы вздыбил брови, когда доложили ему: «Сейчас у нас бессемейных мужиков за тысячу. И это только таких, что не имеют вовсе ничего. А есть еще таких немало, которые не так бедны, но до сих пор семьи не завели». — В безмужних женках недостатка мы не терпим. Отдать их в жены бессемейным, которые по бедности не завели семьи. А тем, кто в состоянии жениться, имущество имеет, но тоже ходит в холостых, подарок сделать от меня. Дать серебра и золота. Но передать им тут же, чтобы немедленно женились. Так им повелеваем⁶³.

* * *

Откуда-то издалека, вроде вон из-за той сопки, донеслись прерывистые звуки рога. Двое сторожевых на низкорослых монгольских лошадаках насторожились, приставили ладони к ушам. Звук не прервался, а приближался и звучал все явственнее и четче. Рог трубил натужно, но возвещал победу. Так человек, сорвав в порыве ликования голос, до дома не дойдя, снова пытается кричать, переступив его порог: «Я на коне!».

Вот конные уж завиднелись, значки у них над головами. «Свои»,— облегченно крикнул дозорный напарнику. «Чего-то не спешат,— отозвался тот.— Пристали кони. Да едут не одни. Гляди-ка, пленных сколько ведут с собой!»

О возвращении отряда Циктеня Нурхацы узнал, когда еще он был в опочивальне. Так сам он наказал: «Как только известно станет, что едет Циктень, доложить сразу». Не в первый раз к тем воги, что жили у Восточного моря, Нурхацы отправлял своих людей. И ничего, все обходилось. И пленных приводили, мехов мешки опять же приносили. Иные вогиские старшины тоже приезжали, чтоб, бья челом, покорность изъявить Нурхацы. А в этот раз отправил он батуру Циктеня в Ялянь и Силинь, что к югу от Восточного моря. Места эти больно дики, говори-ли. Народ, живущий там, под стать им. К тому ж весьма коварен. На тропах ставит самострелы. Не знает кто, задел ногой — и напоролся на стрелу. А то еще такие ямы роют. Один пройдет, а кто за ним — летит вниз головой на острый кол. Люди тамошние дики, это куда еще не шло. Но там, как шла молва, такие змеи есть, что сами нападают. А если от нее попробовать бежать — пустое дело. Хвост в пасть возьмет и колесом покатится, только держись. Опасностей, что ждут в Яляни и Силини, не перечешь, Нурхацы говорили. «Пусть так,— упрямо рот кривил в ответ,— а все ж попробую». И виду хоть не подавал, но по ночам, проснувшись, думал: «А что Циктень? Лишиться воина такого жаль...». Да только б если дело в нем одном, другая мысль усиливала беспокойство: если промашка у Циктеня выйдет, тогда, глядишь, и прочие вот, которые покорны вроде, поднимут голову.

Торопливо запахивая на ходу халат, Нурхацы вышел из опочивальни и зашагал к выходу. Слуга, не поспевая, семенил за ним, держа в руке желтого шелка зонг.

Распахнув двери, Нурхаци переступил порог и сам пошел навстречу Циктеню, Подняв его с колен (тот принялся поклоны бить), взял за рукав халата, повел в покои. «Рассказывай, как, что»,— коротко бросил Циктеню, усаживаясь на сиденье.

— А чудищ не видал,— говорил степенно Циктень. Он весь был такой: ходил не спеша, словно удостовераясь, твердо ли ступать; прежде, чем сделать что-либо, прикидывал так и этак; когда рассказывал, что увидеть довелось, то не спешил, чтобы не пропустить чего-нибудь важное или любопытное.— Трава, верно, высокая. Местами скроет с головой, до пупа и выше есть немало. Трава, понятно, больше у воды. Змей, верно, много. Но такого, чтоб сами прыгали и с ног коня сбивали, такого с нами не было. А вот, государь, тебе,— Циктень достал из висевшей на поясе сумки бережно сложенную кожу змеи. Развернул во всю длину, на свету кожа заиграла, как клинок кинжала, когда им поворачивают туда сюда.— Ножны хорошие будут.

«Ну, ножны, верно, выйдут хороши,— оставшись один, когда отпустил Циктеня, Нурхаци погладил кожу.— А молодец, Циктень, он пленных тысячу, считай, с собой привел. А воги в стрельбе из лука весьма искусны. Стрела у них всегда находит цель. Ну вот, довольно произнес, прибавилось у меня лучников».

* * *

«Народу стало больше у меня,— сказал себе довольно снова.— И это очень хорошо. Но,— лоб наморщил,— всем им надо есть. Хлеба потребно больше, чем обычно. Посевы те, что раньше были, не могут хлеба столько дать, сколь нужно нам теперь. Как днями доложили мне, в хранилищах зерна не густо. Плохо это. Правда, монго вон почти не-сеют никогда. Тем кормятся, что скот дает им. Однако же без хлеба тоже вовсе не живут. Пастушеством жить вроде проще. Но надежно ль? Если, допустим, станут наши люди кормиться пастьбой скота, то как бы, наоборот, не потерпели бы великого ущерба. Нет, и пробовать не стоит. А что ж, разве земли у нас нехватка и некому пахать? Пахать, конечно, станет каждый, о себе радея, о домочадцах. И, что убрать сумеет с поля своего, понятно, поспешит упрятать в закрома себе. Прежде всего, хлеб нужен войску, чтобы способно было долг выполнить свой пред государем, перед страной своей.

Сейчас, как мне сдается,— Нурхаци рассудил,— войны большой нам вроде неоткуда ждать. Никани вряд ли что-нибудь затеют. У них, как нам лазутчики доносят, сил больно мало. Они, конечно, поугаать меня непрочь. Но только-то пока. Кто из монго разве сунется? Да тоже нет, наверное. Попробовать разжиться у меня — дело опасное: можно обратно не вернуться. О том князьям монгоским хорошо известно. А коли так все, то народ, что в войске состоит, хлеб на прокорм себе сам в состоянии заготовить.. Чего того быть лучше может, когда часть тех, ~что в войске числится, займется заготовкой хлеба для остальных служивых?»

Битекши, что изнывал, не зная чем себя занять, за кисть схватился враз, едва Нурхаци, приблизившись к нему, изрек: «Пиши!».

— От нюру каждой отрядить по 10 человек. Дать четырех быков на каждую десятку, и пусть на пустошах займутся хлебопашеством. А собранное зерно ссыпать в казенные житницы ⁶⁴.

* * *

— А хорошо опять почувствовать себя мужчиной,— сказал себе Ицзюнь, — спустив, ноги с постели и шаря туфли,— Какой настрой души после слияния двух начал!

Туфли одев, по комнате прошелся. А впечатленья от проведенной с наложницей ночи не покидали дынеобразной головы с низким лбом. «Вот как так? — на смену мысли шла другая.— Живые существа все делятся на тех, кто наделен началом „янь“, и тех, кому дано начало „инь“. Так от рождения бывает. И скопцами ведь не рождается никто,

наверное. Но вот, случается, беда приходит. По возрасту еще мужчиной должен быть что надо, а нет... И это очень грустно сознавать. Но, хвала Небу, лекарь мой дал дивное снадобье. Как рассказал потом, жэньшэнь в нем и рога оленьи. Все это с Ляодуна привезли».

Приход евнуха отвлек Ицзюня от размышлений о действии снадобий на естество мужское. Взглянув на желтое, обрюзгшее лицо скопца, Ицзюнь участливо отметил про себя: «А в этом силу „янь" ничем уже не пробудить. Вместилища нет для нее».

— Осмелился Вас потревожить, государь, так рано потому, — записклявил евнух, — что дело крайне важное. Идет речь о сохранении наследства предков.

Коль речь зашла о них, то Ицзюнь уши наострил. Читть предков, он с малолетства это помнил, первейший долг потомков. Всему, что есть сейчас, хотя и Неба Сын, обязан он предкам своим. А заговорил евнух о Ляодуне, как Ицзюню на ум сразу пришли жэньшэнь, оленьи рога, которые вернули вновь ему мужскую силу.

— Постой-ка, — с вопрошающим видом Ицзюнь уставился на евнуха. — А где еще, кроме Ляодуна, в наших владениях растет этот жэньшэнь?

— Осмелюсь доложить, — с досадою ответил евнух, — в пределах Срединного государства его давно уж не встречают. А с Ляодуна что привозят, так это купленный у дацзы или добытый в землях их.

— А как случилось так, что у дикарей, которым он, считай, не нужен, он растет, и нет его у нас?

— Того я, государь, доподлинно не знаю. Но вроде дело было так. Давным-давно жэньшэнь произрастал на юге Срединного государства, но людям было вовсе невдомек о нем. Великий Лаоцзы, найдя его, открыл его целебную силу и могущество, указав людям его качества и приметы. Тогда жэньшэнь скрылся и вновь появился уже на севере, в горах Чжили. Но великий Лаоханван, ученый князь и мыслитель, при посредстве ученых изысканий открыл и здесь его местонахождение. Тогда жэньшэнь ушел далеко на север, в горы Чанбайшань, леса Шухая и Дундашаня, где дацзы обитают.

— А разве ему лучше у них, чем у людей Срединной?

— Да дикари по склонностям своей души к природе близки, и, видно, потому он земли их облюбовал.

Насупившись, Ицзюнь немного поразмыслил про себя. Потом, напыжившись и в позу встав воителя, громко прочел строки указа, что евнух принес с собой. «Бэйгуань является рубежом Ляодуна. Никоим образом не позволим варвару Нурхацци присоединить Бэйгуань к своим владениям!» — «Быть по сему», — изрек Ицзюнь ⁶⁵, скрепив указ большой печатью.

* * *

— Она, конечно, не юна. Давно уж в девках засиделась и потому-то «старой девою» зовется. Но кто сказал, что дева старая рожать не может? — насупил брови халхаский князь Бахатархан.

Мэнгурдай-тайши, сын его, вместо ответа вниз опустил глаза.

— Ну то-то, и не перечь мне. Я знаю сам лучше тебя, какая в дом нужна нам молодуха. Через нее мы с правителями Ехе дружбу укрепим. Ехе не только наш сосед, а корня одного, считай, мы с ними. Родоначальник ехе-ского дома монголом был, по прозвищу Тумэт.

— А как Нурхацци? — голову поднял Мэнгурдай-тайши. — Ведь за него просватана давным-давно уже ехеская княжна. И с ним мы в дружбе состояли.

— Все это так, — затылок почесал Бахатархан и лоб наморщил. — Да дружбы-то, пожалуй, не было у нас особой. И мне сдается так: сейчас нам с Ехе лучше укрепить родство. Нурхацци силу такую набирает, что, может статься, со вчерашними друзьями на

равных не захочет говорить. А потому нужно своих держаться ближе. По предку своему дом Ехе нам сродни, не то, что Нурхацы.

* * *

— А с родственницей нашей мы вольны как угодно поступать. Тем более, что, — осклабился ехидно Цзинь-тайши, — княжну отдать Нурхацы в жены согласие дал Нариньбуру, ее отец. А ныне нет уже его в живых, и значит, за него мы не в ответе.

— Ты верно говоришь, — отозвался Буянгу. — А все ж, по правде говоря, боюсь Нурхацы я. Он еще больше обозлится и будет случая искать, как досадить нам.

— Пусть бесится во злобе немочной, — рукой резко махнул Цзиньтайши, как будто отгоняя в сторону назойливую муху. — Что может он теперь, когда никани на подмогу к нам пришли.

* * *

Умолкло шумное веселье в ставке Бахатархана. Гости, приехавшие на свадьбу Мэнгурдай-тайши с ехеской княжною, повозвращались в свои кочевья. Молва ж о свадьбе той не глухла, эхом отдавалась далеко от стойбища Бахатархана.

Шли пересуды не столько о том, что дева старая вдруг перестала быть такою. А больше строили догадки, как поведет себя теперь Нурхацы, который суженой вконец лишился; намного ли сильней станут его давнишние противники, ехеские князья, вступив в родство с Баха-тарханом.

* * *

— Великое бесчестье это всем нам, государь, — отдельно, четко произнес Эйду, и в голосе его звучала ярость. Он потому-то и цедил слова, что норовил ее сдержать внутри, яе дать ей в голос перейти. — Бесчестье мы снести не можем. И так сказав, вокруг повел глазами, набычившись и плечи вниз опустив немного, всем видом говоря, как тяжело сносить бесчестье.

Едва Эйду умолк, как рев раздался голосов: «Идем на Ехе!», «Сполна за все ответят!»⁶⁶ И в подтвержденье слов не у одного рука на рукоять меча легла.

Нурхацы слушал неподвижно, глаза прищурил и играя желваками скул. Когда шум стих, согласно вроде головою закивал.

— Обида — вот она сидит где у меня, — ткнул кулаком куда-то в грудь себе. — И будет тут, пока живы Цзиньтайши и Буянгу.

— Седлать коней?! — не утерпел бэйлэ Дайшань.

— Не торопись, — упреждающе руку поднял Нурхацы. — Ведь войско никаньское еще осталось в Ехе. И кабы не оно, — возвысил голос, — разве посмели бы княжну Цзиньтайши с Буянгу в земли монго отправить? Виновник главный тут позора моего — Никаньская держава.

Дух переведа, опять заговорил, уже потише. Увещевал, лицо, однако, суровым оставалось.

— Никаньский царь самовластно действует, противоборствуя воле Неба. Оно, сомнений нет в том, поможет нам, если пойдем войною на никаньскую державу. Мы сможем победить неприятелей, но в нашем владенье хлебные запасы не в изобилии. Положим, что мы приобретем подданных неприятельских, но чем будем их питать? Сейчас не время нам с царством Никаньским воевать. Сначала надо укрепить нам свое владенье. И прежде всего нужнее сейчас заняться земледелием и накоплением запасов хлеба.

* * *

Весть о женитьбе сына Бахатархана на «старой деве» в Пекине живо обсуждалась. Среди придворных Сына Неба. Известие такое ласкало царедворцев слух, давало повод для злорадства: «Ну вот, пугали нас каким-то там Нурхацци... А он не так уж и силен. Его невесту другому в жены отдали. Считай, на весь свет осрамили, а он и ухом не повел. Как будто так и надо».

— Тут не в насмешках вовсе дело,— глубокомысленно решил юйши Ван Ялян, послушав, как мусолят при дворе известие о том, что вопику Нурхацци его невесту в жены отдали монголу. Делиться мыслями с другими Ван не стал, доверил их бумаге, которую задумал подать государю. «Да, с этой братией держаться надо осторожно, — бурчал под нос почтенный Ван.— Едва лишь слово дельное сказать успеешь, как на лету его подхватят и, выдав за свое, докладывают высшему начальству».

Кисть в тушь обмакнув, Ван немного подождал и осторожно потянул, давая лишней туши стечь. А поглядеть со стороны, так вид такой был у него, как будто мысль очень важную из тушечницы вынул и только думает теперь о том, как до бумаги довести.

«Что может лучше быть для Поднебесной, чем свары частые у варваров? — ложились на бумагу знаки.— Из них для нас опасней всех Нурхацци. Но, к счастью, у него давнишняя вражда с ехескими вождами. Они ее еще усугубили тем, что родственницу свою, просватанную когда-то за Нурхацци, в жены отдали сыну монгола Нуаньту. Еще зовут его Баха-тархан. Раньше союзником Нурхацци, был. Теперь, понятно, Нурхацци его своим обидчиком считает и прежней дружбы между ними нет и быть не может. Больше того, нашим союзником можем считать мы Нуаньту».

Кисть на подставку положив, Ван прочел, что написал. Удовлетворенно хмыкнув, опять пятнать бумагу стал.

— А если вдруг строптивость станет проявлять Нурхацци, то сможем мы его в кольцо зажать. Вот так: ехеские старшины с Нуаньту через Наньгуань пройдут в пределы Нурхацци, наши войска выступят из Фушуня и Цинхэ, а с востока — отряды чаосяньского вана.

* * *

Вздрагивали горы, когда скатывались к их подножью с глухим уханьем каменные глыбы. Трещал и крошился камень под ударами зубила и молотка. Споро тесали неподатливый камень маньчжурские каменотесы. Теряя свою плоть, глыба превращалась в плоский безликий столб. «А теперь,— приговаривали умельцы,— мы тебя украсим»,— выбивали на камне письмена. В них смысл грозный был заключен. Кто самовольно перейдет границу, гласили письмена, смерть навлечет на себя. Вдвухались жилы на руках, и пот обильно выступал на теле, кто нагружал потом эти столбы и ямы рыл под них, чтобы стояли долго и надежно. Камень — он сил немалых требует. И отдавали люди с легким сердцем их, а оттого, что каждый, считай, знал: землю свою от разграбления чужаками ограждаем. Эти леса и реки, горы и что в недрах их тоже в наследие оставили нам наши предки. На деле же выходит — владельцы вовсе не одни мы. Никани как у себя шарят в лесах, с землею вырывают царь-траву, а по-ихнему — корень жизни. Ради одних рогов оленей бьют, бросая туши гнить. Лазят по дну речному, выискивая раковины с жемчугом. Иные промышляют золото. И все тащат к себе, в никаньские пределы. А как увещевать? Где сказано, в ответ рекут никани, что доступ нам сюда заказан?

— Теперь-то будет,— удовлетворенно говорили маньчжуры,— врывая столбы и наваливаясь всем телом, бы проверить, крепко ли стоят.

Труда немало маньчжуры положили. Шутка сказать, напротив китайских крепостей, шедших по линии Фу-шунь-Цинхэ-Куаньдянь-Айян, поставили столбы, наглядно отделив маньчжурские пределы от китайских⁶⁷.

«Столбы — не сеть сплошная с мелкой ячейкой, которая уловит даже мелкою зверка или рыбешку с палец толщиной. Мимо столбов пройти — дело пустяшное, шагнул и все. Это не то, что продираться чрез чащобу. А что написано на тех столбах, так ведь опять же, не каждый грамотен. И даже если ясен смысл, то нам-то это не указ. Наш государь не запрещал нам хаживать туда, куда дорожку уж давно мы проложили. И пусть они, столбы, стоят, они нам не помеха», — так рассудили многие китайцы, что жили в пограничных крепостях и подле них. Уже так повелось давно: в угодыя варваров-соседей ходили почти как к себе домой.

И в это утро, как обычно, Нурхацци заслушивал доклады о событиях важнейших, что случилось в его владенье и за пределами его. Слушал молча, не перебивая. Вопросы задавал уже потом и распоряженья тоже после отдавал. «Чтоб грамоту усвоил ученик, — сказал он Хифе, когда тот кончил докладывать, — как, видно, знаешь сам, порой и палка нужна. Не так ли?»

Хифе, ответственный за письменную часть, не взяв в толк, почему государь завел такую речь, однако, согласно закивал головой.

— Ну то-то же, — задумчиво, словно еще в чем-то сомневаясь, произнес Нурхацци. И уже другим тоном, требовательно и резко приказал: «Позвать ко мне тархана Хурханя».

— Садись, — сказал ему после того, как оглядел его, с ног до головы. «Лихости с годами не лишился», — удовлетворенно подумал про себя, усаживаясь напротив Хурханя. — Вот зачем тебя позвал. Поставили мы пограничные столбы, однако шалят по-прежнему никани. Пробираются самовольно в наши пределы, нашу землю зорят. Людей наших промысла лишают. Значит, одних столбов с предостереженьем мало им.

Сокрушенно вздохнув, Нурхацци умолк. Молчал и Хурхань, сведя к переносью брови и поджав губы. Всем видом давал понять, что сказанное сильно задело его за живое.

— Если мы, — подался вперед Нурхацци, вопрошающе глядя на Хурханя, — заколем тайно нарушившего границу нашего государства, то разве это чрезмерно? А?⁶⁸

Губы Хурханя тронула понимающая ухмылка, и левой рукой оя потрогал висевший на поясе нож, словно удостовераясь, на месте ли.

— Повелеваю тебе, — спокойным, бесстрастным голосом закончил беседу Нурхацци, — на месте убивать никаней тех, которые пролазят в пределы наши.

* * *

Места эти, о которых кайюаньский старожил Кун Лэ вещал завсегдатаям харчевен, знакомы были ему давно и не со слов других. Не раз он хаживал по дальним сопкам, в ложбинах темных между ними лазил — искал женьшень. А доведись оленя встретить, время не тратил, чтоб праздно любоваться, но исхитрялся зверя свалить. И не от голоду, а чтоб заполучить его рога.

Добытчиком Кун Лэ удачливым считался. И потому, когда, придя в подпитии, привирал насчет тяжести оленьих рогов или размеров корня жизни, охотников поспорить с ним не находилось. Бывает всякое. Могло и быть такое. И вот сейчас, сидя в харчевне старого Фу, хлебая подогретое вино, Кун Лэ рассказывал самозабвенно, как встретился ему однажды такой корень, что еле сил хватило вырвать из земли. «А днями я пойду туда, — махнул рукой Кун Лэ, — на промысел, где дацзы обитают. Кто хочет со мной?» От желающих отбоя не было. «Когда пойдем-то? — досаждали Кун Лэ желающие, — ты день нам точный назови, чтобы собрались загодя». — «Э, — отмахивался тот, — могу назвать я день любой. А будет ли толк? Удачный для промысла день угадать нам может почтенный Ма. Тот самый, что живет у северных ворот. Есть книга у него, „Записки из Нефритовой коробки“. По ней точно, как убеждался я не раз, день назовет удачный он. Но даром почтенный Ма предсказывать не станет. И мзду немалую берет. И кто пойти на промысел

со мной желает,— Кун вытянул широкую, словно лопата, пятерню,— пусть не скупится. Не для себя беру...»

Роса еще лежала на траве и ноги холодила, когда Кун Лэ повел свою ватагу. Туман, клубясь, все застилал вокруг, одежду увлажнял. И в теле, стынувшем от влажной и холодной ткани, кой у кого сердце сжималось. Кто знает, как дело обернется... В лесу не человек хозяин — зверь. По-журавлиному ступая, в коленях не сгибая ног, Кун Лэ уверенно шел впереди. «Тьфу, что за черт,— негромко, про себя Кун Лэ ругнулся,— откуда столб тут взялся? Не мог же вырасти он сам...»

Столпились у столба. Потрогали наощупь. Камень — убедились. Кто-то ногой в него уперся — не свалить. Нашелся грамотей, что растолковал знаков значенье. «Ишь, дикари вонючие, чего удумали, грозить нам,— пробурчал Кун Лэ.— Старались только зря, камень таская и выбивая письмена на нем. Но их старания уважить все же надо». И так сказав, Кун Лэ стал поливать на столб. С озорным гоготом примеру Кун Лэ последовали остальные. Потом ватага углубилась в мелколесье, оставив за собой столб пограничный и лужу возле него, которую земля принять не торопилась...

— Вот что еще,— замедлил шаг Кун Лэ, который первым шел.— Мы дальше разойдемся все, и чтоб не потеряться до того, как соберемся вместе опять, вон у того ручья, под сопкой, засечки на деревьях надо делать. И помните про Конгульточку. Она кричит почти как человек. И если кто, не разобравшись, пойдет на ее голос, назад тот больше не вернется. Птица заведет в такие дебри, что оттуда не выбраться никак, иль прямо приведет в лапы тигра. Ну все, дальше пошли...

Ноги не слушались никак, сердце, считай, уже у горла билось, а нужно было еще бежать. Кун Лэ не оборачивался, где-то там впереди должны быть эти чертовы столбы. Только б поставить ступню на землю за ними — и, считай, уже спасен. Выбиваясь из последних сил, Кун Лэ уходил от воплей, стонов, затихавших позади.

Всем им, кого привел Кун Лэ, здорово было повезло. Да, недаром его называли удачливым. Искали жемчуг, нашли песок золотиносный. Принялись мыть его, рассеявшись вдоль ручья. Кун Лэ всех ниже по течению расположился. И это-то пока его спасло. Кто был в верховьях, как раз попали под мечи и стрелы дацзы. Кун Лэ, едва заслышав шум сраженья, пустился наутек. Как заяц кинулся в чащобу и стал петлять, чтоб сбить со следа. Из леса выбрался на поле чистое. Его перебежать, а у окраины его столбы, их проскочить — и все... Остался жив, считай. На поле-то и заприметили его. Те на конях, он пеш. Какое тут уж состязанье в беге... А все ж бежал, и вот уже у самого столба и — повалился на него, пятная кровью рассеченной головы.

* * *

Едва вступил я в должность, а мне уж сообщают: «Ропщет толпа: настали что за времена? Нельзя от крепости немного удалиться, чтобы разжиться кое-чем в лесу, добыть руды в горах. Того гляди, останешься без головы. Уж сколько наших там, у дикарей, лежать осталось... Куда начальство смотрит? Пора бы проучить этих дацзы, ведь распоясались совсем».

«Только люди низшего разбора допускают над собой власть впечатлений и страстей,— пришло на ум изречение великого учителя Кун-цзы.— Истинной мудрости, основанной на глубочайшем познании природы человеческой, преисполнены слова эти,— с благоговением подумал гуаниинский сюньфу Ли Вэйхань и вздохнул негромко.— Оно, конечно, надо б проучить этого наглеца Нурхаца, а как дальше-то дело обернется? Мне из столицы не было указа, чтоб затевать войну с ним. Но и сидеть, совсем бездействуя, тоже негоже. Уж не один десяток людей Срединной остались гнить там, у него.— Ли Вэйхань сморщился, словно нос его учуял запах разлагающейся плоти.— Правда, башку сложили всякие бродяжки, но ведь они, опять же, Поднебесной сыновья. И всех их, кто бы ни были они, пускай последний сброд, в обиду варварам дать не должна держава наша»,— и

подбородок выпятил вперед суньфу, как будто вызвал противника на поединок. Так голову недолго продержал: мышцы одрябшие давали знать себя.

Немного времени прошло, пока Ли с мыслями собрался, и голова его склонилась над бумагой. По ней рука, к кисти больше привычная, чем к рукоятке меча, старательно водила. От дел нелегких отдыхом ему было писать стихи. И вот сейчас живописал он всю прелесть обликов над дальних гор вершинами.

* * *

— Ну, верно, хватит. Попугали кровью и довольно,— так рассудил Нурхаци, когда доложили ему: люди Хурханя уже убили больше пяти десятков никаней⁶⁹.— Хурханя за рвенье наградить, и пусть пока повременит рубить он головы никаням. Чем больше крови мы прольем, тем больше будет у них злобы. Того гляди пойдут на нас войною, а нам с державою никаньской воевать расчету нет сейчас никак. Пока, наверное, о ссорах наших ни-каньскому царю еще не сообщили. С этим спешить — значит признаться в неспособности своей вершить делами на границе. И потому, пока еще есть время, попробовать бы надо объясниться хотя бы с гуашнским суньфу. Он новый человек тут, как нам известно стало, и надобно знакомство завести с начальством, назначенным недавно. Сказать ему, что мы в соседстве с ним и чтобы добрым оно было, пусть приструнит своих людей. Мои-то ведь без спроса к ним не ходят. Мне самому, понятно, к Ли Вэйханю ехать не пристало. Я — государь, а он всего-то лишь слуга никаньского правителя. Поэтому отправлю я к суньфу своих людей. Кого?...— Прикрыв веками глаза, чтоб блики света думать не мешали, перебирал в уме он имена и их носителей повадки, заставлял звучать их голоса. Цедила память словно через сито имена и лица и лишь оставила двоих.— Фанцзина и Гангули вместе поедут послами в Гуашшн.

— Послы маньчжурского владетеля Нурхаци? — переспросил Ли Вэйхапъ. Хоть не ослышался он вовсе, но никак не мог смириться с тем, что этот варваров главарь шлет людей по собственному усмотрению, а не по вызову. Противилась душа принять такое, и оттого губа отпала нижняя, в бессилии повиснув. Опять прижав ее к зубам гнилым, суньфу оцепенел, словно не видя перед собой чиновника, что указанья ждал.

— Обоих этих, присланных Нурхаци, устроить в подземелье и цепи им надеть потяжелей.

И, видя, что чиновник замер, не пятась задом к выходу, суньфу добавил: «Доныне державе нашей известен был Нурхаци как дучжихуй Цзяньчжоуского караула. В признании таковым указ был издан государем. Он государев раб и только. Людей, что Нурхаци прислал, послами мы считать не можем. Но лишь прислужниками непокорного раба. И соответственно к ним отношение».

Чиновник, спиною дверь открыв, исчез из комнаты, суньфу оставив одного. Расслабившись теперь, он волю чувствам дал своим. Хихикал, руки потирая. «Вот, варвар тупоумный. Сам прислал ко мне сразу двоих заложников. Теперь, имея у себя их, мы по-другому можем говорить. Не так ли?»— к клетке с птичкой подойдя, сказал Ли Вэйхань и поцарапал когтистым пальцем решетку.

* * *

Чрез прутья частые сочился мутный свет. Его было так мало, и был так слаб он, что не разголял стойкий, отдававший затхлым полумрак подземелья. Его хватало лишь на то, чтобы высвечивать небольшой прямоугольник зарешеченного оконца. Привстав на четвереньки, Гангули поднял к окошку голову, жадно хватал воздух. Хотел было потянуться еще, но не смог — не пускала цепь. Выругавшись, пожаловался, сам не зная кому — себе или напарнику: «Дышать нечем...». Фанцзина, гася стон (он отчаянно

сопротивлялся, когда его поволокли в подземелье), выдохнул убежденно: «Заплатят за все. Придет черед...».

* * *

Поддерживаемый под руки двумя своими слугами, тунши Дун Гоинь выбрался из возка и осторожно ступил на землю, словно удостовераясь, выдержит ли она. Сделав несколько шажков вперед, тунши остановился с таким видом, что переводит дыхание. Он ничуть не запыхался, а просто не ожидал, что навстречу ему никто не поспешит, несколько опешил и не знал, как быть. Большое строенье, которое высилось перед ним, ничем не выдавало, что там готовы встречать важного гостя. Хотя не знать там о его прибытии не могли. На пути следования в логово этого цзяньчжоуского атамана повозку тунши не раз останавливали конные разъезды, и на вопросы, кто и куда, он деланно-равнодушно отвечал: «От гуаннинского сюньфу Ли Вэйхяня к дучжихую караула Цзяньчжоу Нурхацзи». Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, потрясал он свернутой в трубку бумагой, которую стягивал шелковый шнурок с печатью.

«Стоянье на месте, однако, затянулось,— подумалось уже Дуно.— Надо б идти. Куда, однако? А провожатых нет еще. Может, войти без них в ворота эти, хотя они закрыты вроде. Можно попробовать открыть, а там куда?»— Стоял так в окруженья слуг посланец Ли Вэйхяня, толком не зная, куда направить стопы свои. Парадная, тяжелая одежда с шитьем, которое обозначало его звание, шляпа с золоченым шариком — все это казалось сейчас неуместным. «Так чувствует себя, наверное, человек,— пришло в голову тунши,— который загодя наряжался в гости и гнал носильщиков, чтобы бегом несли паланкин, а перед ним — закрыты двери дома и рожа наглая слуги: „Хозяина нет дома!“ Но нет, вот раздались в сторону створы ворот в стене, опоясавшей строенье, выпустив людей, которые идут навстречу. Стремглав не кинулись, но быстро шли. Учтиво обратись, в строенье повели. «Выпустят ли обратно,— невольно подумалось тунши, когда ворота за спиной закрылись.— Ведь двое те тоже послами были...» Просторный двор пройдя, Дун Гоинь, сопровождающие, слуги еще ворота миновали и в помещение пошли. Маньчжур, что впереди шел, едва порог переступил, сняв шапку, тотчас поклонился. «Наверное, мне тоже надо шляпу снять»— мелькнула мысль у тунши, но тут ее другая перебила: «А много будет чести». Едва подумал так, как кто-то шляпу снял у Дуна с головы, и тот безмолвно покорился. Ничем внешне не выдал тунши, что уязвлен был крайне: это ему-то, сыну Срединного государства, приходится снимать шляпу по примеру этих дикарей! Но вспомнил вовремя Дун Гоинь заповедь великого учителя Кунцзы: «Пользуйтесь глазами, ушами, речью и движениями, всегда подчиняя их внутреннему закону сдержанности и самообладания». И потому он шел невозмутимо, глядя прямо перед собой, никак не выдавая своих чувств. В душе же соглашался, что логовом дикаря никак это не назовешь. Цветов таких, как у ляодунского цзунбингуаня или сюньфу, пока здесь не видать. С павлином ширм опять же не стоит. Но изразцами стены выложены дивно, а на полу меха какие! Да это все лежит в проходе, не в жилых покоях.

— Вот здесь нам ведено устроить вас,— сопровождающие ввели тунши в просторное помещенье. Две двери в его стенах указывали на то, что там еще есть комнаты. Сыто рыгнув, отходя ко сну, Дун удовлетворенно подумал: «А такой оленины с грибами, наверное, не доводилось есть и моему начальству...»

Где-то к полудню Дуна швели, как ему объявили, на встречу с Нурхацзи. Из помещенья, где ночевал тунши, вышли и по двору опять прошли. Еще ворота миновали, а вот и вход с резным навесом, по обе стороны — копейщики. Скосив глаз, Дун прикинул, как велико древко копья, и уважительно подумал: «Вот это да!»

Помещенье, где, как сказали, будет встреча, особенно приметно не было ничем. «Для деловых бесед и только, видао»,— подумал про себя тунши, окинув беглым взгля-

дом все вокруг. И тут край полотнища, что застилало переднюю стену, откинулся, и в темном проеме что-то засветилось желтоватым. Все, что были в зале, упали ниц, поклоны бья, а с ними и тунши. Потом уже, оправдываясь перед собой, так объяснял свое паденье: «Известно с детских лет мне было, что желтый цвет — цвет царственный, приличествующий лишь государю, владыке Срединной. А этот варвар тоже обрядился в желтую парчу, и, видно, на меня затмение какое-то напало. Совсем забыв, что передо мною не государь наш, но лишь одежда желтая, в которой варвар был, я вместе с остальными бил ему поклоны. Ладно уж то, что никто из слуг моих тут не был».

По виду если судить, приятно было Нурхаци увидеть у себя посланца минского начальства. Кивая довольно головою, радость лицом изобразил, когда на заданный вопрос «Здоров ли государь, владетель Срединной» услышал в ответ, что пребывает в полном здравии.

Потом уж с сожаленьем в голосе добавил: «Давно не доводилось лицезреть Нам Сына Неба. В хлопотах все, в заботах Мы...». — «Можно подумать, — сказал себе тунши злорадно, — что приглашенья тебе шлют, а ты все тянешь. Смотри, как бы не пришлось тебе прокатиться по Пекину в железной клетке...»

Что-то сказав негромко писарю или письмоводителю, рядом сидевшему с набором для письма, Нурхаци опять к Дуну повернулся: «Сдается Нам, по делу прислан ты. Мы слушаем». И в слух весь обратился. Не полагаясь лишь на уши, в лицо уставился тунши тяжелым взглядом глаз недвижных. «Хоть сколько ни гляди в них, — Дун отметил про себя, — а ничего в них не увидишь. Как плитка фарфора — блестит снаружи, а что внутри, не видно».

— Люди Срединной были задержаны, а иные и убиты твоими людьми, — неторопливо начал тунши. — Тебе (да, я буду говорить «тебе», а не «Вам», ибо для нас, людей Срединной, ты был и остаешься предводителем варваров, недостойным более учтвого обращенья) следовало бы освободить и отпустить с миром наших людей, которые оказались за пределами собственно Срединной. И как посмели убивать их?

«Предерзостны были слова этого никаня. И вел себя он крайне нагло. Посланцу державы, правители которой кичатся своей просвещенностью и благородством манер, не пристало так себя вести. Тем более, что я годами даже старше, и потому мудрее должен быть. Пусть пыжится этот никань. Посмотрим, дальше будет что. А так пока скажу ему».

— Чтоб не травил посевов скот, мы изгороди ставим. Но Нам казалось, что для людей не надобно забора ставить. Должно хватить столбов, где выбиты слова предостереженья. Усвоить смысл их, как мне сдается, посильно вашим людям. Могут сказать: «Они, мол, грамоты не знают, и потому им невдомек, о чем написано на тех столбах». Но ведь начальство их не могло не знать, что это пограничные столбы. Они отметили для зрячих, а ведь слепые не пойдут, границу владений ваших и моих. Так почему ж твое начальство не предостерегло людей, ему подвластных, от самовольных переходов? Или оно сочло ненужным это сделать, или же народ не слушает его?

«Ну это уже наше дело, и отчета перед тобой держать не станем», — сказал себе тунши, прежде чем заговорить опять. Приосанившись, придав лицу надменный вид, Дун Гоинь изрек: «Зачинщик убийств наших людей Хурхань во искупление своей вины наказан должен быть. На этом и конец. Если не так, то еще добавится причина ссор».

Нурхаци, хмыкнув, покачал головой, выражая несогласие.

Наступило тягостное молчание. Не услыша ответа Нурхаци, тунши смотрел на него выжидающе. Но тот продолжал молчать, плотно поджав губы и сдвинув к переносью мохнатые брови. Дун почувствовал себя одиноко в этом буднично простом помещенье, среди этих дикарей. И чувство страха постепенно овладело им. «А что со мною дальше будет? Достаточно лишь слова или жеста их предводителя — и его, Дун Гоиня, потомки не будут знать, где могила их предка. На ней никто не будет совершать жертвоприношений...»

Сидевший сзади Нурхацци здоровяк, со шрамом через весь лоб, нагнулся к уху своего господина и что-то прошептал ему. Брови Нурхацци поползли от переносья, лицо смягчилось. Сокрушенно разведя руками и как бы извиняясь, он обратился к тушци: «Пока можешь идти к себе. Мы тебя еще вызовем».

— А делать нечего,— бурчал. Дун в своих покоях, пока тем временем с него снимали слуги парадную одежду.— Приходится вот ждать, как позовут, считай, что кликнут, как слугу. Хоть и крепился тунши, а было видно, что весьма обескуражен он. Он как-то слинял, и даже его толстые щеки словно опали. Это был уже не тот посланец гуаннинского сюньфу, что с чванливым видом вылезал из повозки перед дворцом Нурхацци. Пообщавшись с ним, тунши четко уяснил, что тот чувствует за собой силу. «Верней, почувствовал ее. И не сегодня... не вчера, а потому-то и глядит в упор из-под бровей, набычившись, и в знак несогласия качает головой. А рожей своей, не больно-то промытой, он, хоть сколько не рядись в парче-вые одежды, — злорадно ощерился тунши, — выдает свое происхождение. Варвар. Дикарь. Лесов вчерашний обитатель. Вчера лишь перебрался из берлоги в дом. Тьфу!» — плюнул в сердцах тунши.

* * *

Снова ведут Дун Гоиня в ту же залу, где он уже бывал, как убедился. По-прежнему в ней буднично и просто. Хозяин, показав послу, что при желании одежду носит ту же, как и Неба Сын, на этот раз в простом халате, мягких без рисунка сапогах. Всем видом словно говорит своим: «То был прием ради знакомства. Теперь оно уж состоялось. Известно, гость за чем пожаловал. Намеренья ему наши известны тоже. Но ведь не только ради этого он, тунши, прислан сюньфу, которого прямой отказ обидеть сильно может. А это-то нам вовсе ни к чему».

Опять сидят лицом к лицу: Нурхацци и Дун Гоянь. Со стороны взглянуть, еще не слыша слов, можно подумать, что хозяин (тунши был снова при параде) что-то внушает старшему из слуг (одеждою своей Нурхацци почти не отличался от письмоводителя и двух советников своих). Но если, вслушаться в слова, то выходило — шла торговля. Счет не на деньги шел, однако. На головы людей. И тут уж каждый продешевить никак не мог себе позволить. Промашку дать хотя бы немного означало показать, что повелитель Поднебесной сильней маньчжурского правителя, или наоборот. Спасти свое лицо, по меньшей мере каждый норовил, и потому шел торг упорный.

Сколь не твердил тунши о выдаче Хурханя, Нурхацци на своем стоял: «Его не выдам. Он порученье Наше выполнял прилежно».

— Но Сын Неба,— попробовал припугнуть Дун Нурхацци,— уже узнал о гибели его людей в твоих пределах. И у него не в правилах обидчиков прощать...

— А Мы,— отрезал коротко Нурхацци,— не терпим, когда Нашими предписаньями пренебрегают. И, кто поступает так, обиду кровную наносит Нам.

«Ну что ж, я добивался выдачи злодея этого, Хурханя, сколько мог,— сказал себе тунши,— осталось предложение одно, которое берег на крайний случай. Как наказал начальник мой, сюньфу Ли Вэйхань, об этом говорить тогда уже, когда увижу — иначе обратно ехать ни с чем придется».

Со лба испарину стерев, посетовав при том: «А жарко здесь» и губы в чашке с питьем каким-то обмочив, тунши повел речь осторожно так. Ведь и у вас, наверное, людишки есть, что провинились и потому достойны казни. А лучше сделать так еще, чтобы прочему народу показать, как правосудие вершится. Кровью за кровь заплатят, и будем квиты мы.

— А как мои послы, Фанцзина и Гангули? — в упор глядя, спросил Нурхацци.

— У нас, известно, еще ведь не было того, чтоб убирать послов.

— Ну, что ж, поверим на слово тому, кого послал к вам гуаннинский сюньфу...

* * *

На крепостной стене Фушуни народ толпился с самого утра. Еще бы! Намедни в городе глашатаи до хрипоты кричали: «Пятнадцатого дня луны текущей на поле перед крепостью доставят тех разбойников-дацзы, что убивали сыновей Срединной. Цзяньчжоуский атаман Нурхацци, испугавшись, что его покарает Сын Неба, выдает этих головорезов. Все они будут казнены!»

Ничем особо неприметное то поле, что подступало к стенам Фушуни с севера, сейчас заворожило сотни глаз, смотревших с городской стены, и от нее на удалении — с земли. Идут по полю люди с двух сторон, словно на встречу. Из распахнувшихся ворот вышли Фанцзина и Гангули, от них поодаль чуть — на расстоянии длины копья — китайцы-ратники. Кого они сопровождают, толпа не ведает. Да и не до этого ей вовсе. Вон к крепости идут гурьбой дацзы. Числом их десять, и все они ехе. «Вожди их — издавна мне недруги, — Нурхацци рассудил, — и потому пусть покупают ценою жизни своей жизнь мне дорогих Фанцзины и Гангули». А десяти тем просто было сказано: «За вас похлопотали ваши хозяева, чтобы мы отдали вас властям Фушуни. И воины проводят наши вас в ее окрестности».

Вот близится черта, что поле разделила пополам. Почти что враз ее переступили люди ехе с Фанцзиншо и Гангули — и в стороны противоположные пошли. Недолго правда, шли. Фанцзине и Гангули маньчжуры быстро подвели коней. Те, застоявшись, с места вскачь понеслись. И что у них случилось за спиной, не видели Фанцзина и Гангули и спутники их тоже. А десять ехе остались на поле. Их все до одного китайцы-ратники порубили. И глядя, как легко управились они с дикарями, посмевающимися своевольничать, жители Фушуни укрепились в убеждении, что никто не сравнится в могуществе со Срединным государством.

* * *

— Заносчивы никани, верно это, — негромко произнес бакши Дахай, ученый муж. — Кичатся тем еще, что их страна — не просто земля, а государство. Название при том имеет. И так выходит, что вокруг Дайминской державы, как царство их зовется, других-то государств, считай, и нет.

— Ну как так нет? — насупился Нурхацци. — А наше маньчжурское владенье? Я даже границу провел меж ним и землями никаней.

— Поле свое рачительный хозяин всегда межою отделяет от соседа, — бесстрастным голосом отозвался Дахай. — Но государь ты — лишь для нас, не для никаней тех же. Для них ты, прости за смелость, государь, как был, так и остался цзяньчжоуский вождем. Не больше. Они владение твое на свой лад упорно именуют «Цзяньчжоу», но не «Маньчжу».

Увидя, как багровеет лицо Нурхацци и недобро заблестели большие, навывкате глаза, Дахай, кашлянув, словно чем-то поперхнулся, умолк.

— Говори, говори, — буркнул Нурхацци, подавляя вспышку ярости. Как не раз уж убеждался, беседовать с Дахаем было весьма полезно. Годами молод он еще, но звание бакши по праву носит. У него не просто голова, а кладезь настоящий знаний. Он сизмальства к учености способность проявил, этот Дахай. Лет девяти умел читать, писать. Знал письмена монго, никаней. С начала службы приставил Нурхацци его к себе для поправленья важнейших письменных дел. Рукою Дахая были писаны грамоты в Минское, Монгоское и Чоухяньское владения. Когда нужда случалась к иным посланьям приложить китайский перевод, то это делал он, Дахай. За что еще особенно ценил его хозяин, так вот за что. Мысли его, которые изрекал нередко сгоряча и потому нечетко, мог внятно и исправно изъяснить.

— Любому государству, как и человеку, имя нужно свое. А государство,— тут голос у Дахая затвердел,— есть уже у нас. И за названием не станет дело. Ведь как преданья говорят, мы кто?

— Потомки государства Айжин.

— И это нужно отразить в названии нашего нынешнего государства.

— Но то было давно уже...

— И в том то все и дело. Великий предок наш Агуда, провозглашая создание государства своего, так говорил: «Хотя сталь и крепка, но наконец меняется, портится и становится ломкой, только золото никогда не меняется и не портится». И потому Агуда название дал своей державе Великое Айжн.

— Раз так,— хлопнул широкой пятернею по колену,— я государство назову свое Позднее Айжин.

— Это великое событие, государь. Давно его народ наш ждал. Из поколения в поколение шла молва о том, что народится человек, который воедино соберет раздробленный, недружный из-за владельцев своих народ чжурчжэньский. И вот, что прорицатели рекли, сбылось. И то, о ты теперь не просто хозяин маньчжурского удела или «цзяньчжоуский предводитель, достойно надо показать. Чтобы молва пошла окрест, к соседям ближним, дальним...

* * *

В небо взметнулись частоколом древки знамен, раскрасив разноцветьем своих полотнищ неяркий, блеклый покров земли. С высоты открытой дворцовой площадки, где восседал на троне Нурхацци, были хорошо видны неровный прямоугольник земли и толпа людей, преклонившая колени, едва он опустился на сиденье. На удалении от толпы, ближе ко дворцу, коленями земли коснулись четверо великих князей — Дайщань, Аминь, Мангултай, Хунтайджи. От них поодаль — восемь бэйлэ, начальников знамен.

Вот, встав с земли, они идут вперед и, снова колени преклоня, вручают свиток личному телохранителю Нурхацци Адуню и бакши Эрдэни. Не слышно голосов, все молча происходит. Шагая бесшумно в мягких сапогах, Эрдэни к трону идет и, пав на колени перед ним, читать стал грамоту, в которой славилась деяния государя. Он возвеличил маньчжурское владенье, поставил его на уровень державы. Слава ему!

— Тому способствовало Небо,— подумал про себя Нурхацци, вставая с трона. Внешне спокойный и с лицом бесстрастным, он шел; не шел, а словно плыл туда, где жертвенник стоял. Одежда непривычная доньше, в которую сегодня облачился, будто движения сковала и шаг порывистый степенным сделала. У одежды этой цвет желтый был. Такой окраски одеянье прежде носил, известно было, никаньский царь.

Цвет желтый царственным считался. А он, Нурхацци, царь маньчжурский и потому одежды тоже желтые надел и всенародно в них предстал.

Цвет желтый — как листва осенняя земли чжурчжэньской, и теплый он, как мед, которым она богата так, и ровным блеском отливает,— так светят матовые створки раковин жемчужных.

Все напряжение, в котором пребывал сейчас Нурхацци-государь, лишь пальцы выдали. Они дрожали, когда он возжигал куренья. Дымок от них пошел, и заглодело вдруг внутри, где-то под желтою одеждой: «Услышит ль Небо просьбу благословить и примет ли?» И видя, как дымок вбок не пополз, а подниматься кверху стал, великой благодарности преисполнясь, троекратно колена преклонил и девять раз челом бил, а с ним и остальные вое.

Едва опять на троя успел усесться и поглядеть, что там, внизу, как двинулись вперед князья и люди их. перед государем исполнили торжественно обряд, его поздравив и себя с началом новой эры летосчисления — «Веление Неба»⁷⁰. Название такое дал годам правленья своего хан Нурхацци, единовластный правитель государства «Позднее Айжин».

* * *

А власть, хоть и сладка она, но привкус горечи ей тоже частый спутник. Когда четыре великих бэйлэ коленями земли коснулись, хану-отцу почтенье выражая, словно комок к горлу Нурхацы подкатил — Чуина, сына его первородного, нет тут сегодня. И не узнает он об этом дне.

До вечера, когда был должен состояться пир, Нурхацы намеревался отдохнуть. Уйдя в свои личные покои, с помощью прислужника снял парадную одежду. В ней было тяжело. Наверное, скользнул усталым взглядом по мансуевому халату, по драконам, что основу ткани всю укрыли. Желание прилечь прошло, как снял тяжелую одежду. «Пойду-ка лучше я во двор». Велел подать курму. В ней почувствовал себя привычно и уютно. Выйдя во двор, легко прошелся, разминая ноги. И вдруг они затяжелели, и стало прерывистым дыханье: «Ведь это здесь, на этом самом дворе,— сознание, воскресило,— Чуин шаманил. Призывал Илмунь-хана послать злых духов забрать все наше семейство...

Он неумный был, Чуин, во всем. Страха в бою не знал. Он словно хмелел от одного вида врагов и в гущу самую их лез. За храбрость чтит его достойно я не раз. За подвиги, что совершил он в земле Анчулахуской, я звание дал ему „Хун Батуру". За бесстрашие, проявленное в сражении с уласким Буджантаем, прозванием удостоил „Архату Тумень"⁷¹. Из братьев кто его еще почтен был так? А мало все было ему. Стал возноситься над остальными моими сыновьями. За правило взял делить добычу по собственному усмотрению. „Отец, — не раз ко мне зывали Хунтайджи, Мангултай, Дайшань,— окороти Чуина. Не по-родственному ведет себя он с нами. Обиды разные мы видим от него. При разделе добычи нас сильно обделяет". Всех больше, видно, обижал племянника моего Амина. Тот всех чаще жаловался на нерасположение Чуина.

Что хуже может быть, когда среди родных согласия нет? Не раз увещевал Чуина я: „Ты с братьями-то веди себя по-братски". Он на словах-то соглашался, на деле ж гнул свое. Непослушание, словом, проявлял. Пока все это лишь касалось братьев, а потом? Нет, доверять ему никак больше нельзя. И потому в тот год, когда войско повел на Ула, я вместо себя здесь, в Хету Ала, оставил Чуина и Дайшаня. Сказал: „Дайшань станет помогать тебе в мое отсутствие делами управлять". Не столько помогать, как надзирать. О том, понятно, ни обмолвился ни словом. На будущий год снова самолично ушел в поход на Ула. Завоевал-таки этот аймань. Но ликовал недолго. Еще в уласких землях находился, как с тайным посланьем из Хету Алы гонец явился: „Чуин,— в письме том говорилось,— измену замышляет. Через колдовство намерен все государево семейство известить". В неистовство тогда пришел такое я, что, будь передо мной он, собственноручно удушил бы. Но, ехал пока обратно, поостыл. Ведь сын он первородный мой. Нет, убивать его не стану. В темницу заточил. И там его нашел посланец Ильмунхана...

Казалось, неистовая ярость сожгла о нем воспоминания. Сердце и разум отторгли навсегда его обличье. Но только так казалось. Не деться, видно, никуда. Он поутру напомнил о себе комком, что в горле встал. Сейчас вот словно камнем на ногах повис и в землю тянет. Скорей отсюда!»

Делая над собой усилия, чтобы убыстрить движенья непослушных ног, прерывисто, тяжело дыша, Нурхацы устремился к дверям внутренних покоев.

Медяк лежал на широкой, грубой ладони и для нее чужим был. Он вроде кожу холодил, или она сама сжималась, когда сознание говорило: «Не наше то. А вражье...». Кожа слепа, понятно, но глаз узрел чужие письма сквозь зелень налета и грязи черноту.

«А что она, медяшка, эта? Их нужно связку целую, такую, что разве вол способен унести, чтобы взамен иметь меру зерна или плоску с мясом. Об этом мне известно с той поры, как ездил я в никаньские пределы. А мне сейчас ехать туда, понятно, неподручно. И для чего мне эта денежка?» — В ухмылке губы расплылись, и медяк, совсем руке ненужным став, упал слышно едва ни землю. В носу пальцем поковыряв, Нурхацы взгляд

остановил на ногте и вспомнил тут о медной денежке, которую вот только что скоблил им. «Да нет, постой,— сказал себе.— Раз хан я и у владенья моего названье есть, то мне пристало тоже деньги свои иметь. Те, что станут жить после меня, их в руки взяв, на письмена посмотрят — скажут: „Государя уж этого над нами нет теперь, а деньги вот его остались“. И дело даже не во мне. Я государство наше возвеличу, когда деньги у нас появятся свои. Они к соседям станут непременно попадать, и те еще раз убедятся: богато и способно сколь маньчжурское государство. Лигдан, чахарский предводитель, вон пыжится что мочи есть и величает сам себя „правителем всех монго“, а денег что-то мне его видать не доводилось».

Железных дел мастеру Мафуте бывать в помоях государя не приходилось прежде. И не то чтоб оробел, когда его ввели в дом Нурхаца, но чувствовал себя неловко. Отбив поклоны, на кан сел боком, ссутулился, спрятав меж колен большие руки с пальцами-клещами. Темные, с заусеницами, со следами ожогов, они были привычны к литейному и кузнечному делу. А тут им нечем было заняться, и Мафута как ненужное пока приспособленье зажал их промеж колен.

— Велел позвать тебя вот по какому делу,— заговорил Нурхаца.— Известно мне, что ты искусен в литье и ковке. На-ка, посмотри.

Мафута принял из рук Нурхаца медную монету. Без особого интереса повертел в руках и молча уставился на Нурхаца, не зная, как быть с денежкой.

— Наподобие этой сможешь сделать? Да не одну. Много. И с надписью, только другой. Нашим письмом, маньчжурским.

На темном лице Мафуты, смуглом от рожденья и прокопченном от долгого общения с тиглями и горном, появилось некое подобие ухмылки.

— Чего ты зубы скалишь? — не вытерпел Нурхаца.— Я дело говорю тебе и жду ответа. Иль на уши ты туг?

Ухмылку погасив движеньем губ, Мафута прохрипел:

«А эту деньгу делали никани. Тонко сработана. Так ведь у нас, как у никаней, по две руки и по два глаза. Что смогли они, мы тоже сможем. К тому ж руды, угля у них не занимать нам».

— Ну это — разговор другой. А то уж я хотел сманить кого-нибудь из сведущих никаней. Ну, видно, надобности в этом нет. Удачно сделаешь все — наградой не обижу.

— Она, понятно, лишней не будет, государь. Но ты доверие мне оказал. А это поважней награды.

* * *

Из рук корявых Мафуты горсть денег Нурхаца сам принял, подставив ковшиком ладони. Рассыпал кучку пред собой и пальцами водил легко. Узнать хотелось, как они наощупь, деньги его. «Так осторожно тоже гладил,— тут вдруг пришло на ум,— головки сыновей, едва явившихся на свет. И этого,— скривился как от головной боли,— что первым появился у меня, и с первым же пришлось мне с ним расстаться».

В отдельности потом брал каждую монету. Смотрел и так и этак — изъяна не было ни на одной. Кружок был ровный, без зубрин, трещин. И знаки четко проступали: «Царская монета годов правления „Небом благословенный“»⁷².

Нурхаца подбросил на руке медяк и подержал в ладони. Кусочек меди вроде бы, ан-нет — в нем словно силы больше, чем в простой медяшке, пусть даже весит тяжелей она. Ладонь раскрыв, подбросил денежку и не поймал ее, упасть дал на пол. И звук паденья жадно уловил всем существом. Поднявшись с места, подошел к окну, где висела кожаная сумка. Нашарил в ней монету минскую, которую берег нарочно. Подбросил вверх и, затаив дыханье, в слух обратился весь. Потом стал сравнивать, как прозвучала его монета и минская. И выходило так, что будто два разных голоса услышал. Сильно и полнозвучно возвестил его медяк паденье оземь и глухо, дребезжаще — минский грош.

«Тому подобно,— погладив жидкий ус, довольно улыбнулся,— что сначала раздался голос молодого и старого потом. А надпись-то какая на моих деньгах! Сама за себя говорит».

* * *

— Меду хочу,— капризно выпятил губу Сын Неба, окинув взглядом стол, теснились на котором разные блюда и сласти. Старший дворецкий, сорвавшись с места, вокруг стола засеменял, носом водил по сторонам и раздувал ноздри. Глазам не доверяя, прислужник на обонянье больше полагался. «Как так? — в смятении сам вопрошал себя,— был мед поставлен ведь. Сам видел». Да вот же он в цветистой баночке, напротив государя.

— Меду хочу,— упрямо повторил Сын Неба, отодвигая от себя сосуд.— Это не мед,— уже возвысил голос,— а сам не знаю, что!

Пав на колени у стола и позволения испросив ответ дать, от страха закатив глаза, забормотал старший дворецкий: «Ничтожный раб осмелится сказать, что подан был шаньдунский лучший мед. Слугой ничтожным лично был отобран. Лучше, чем этот, как принято считать, во всей Поднебесной не сыскать».

— Ты что мне голову морочишь, презренный раб? Раз говорю, так, значит, знаю. Совсем не тот мне подавали мед в последний раз. Хотя и времени прошло немало, а помню хорошо: и цвет, и запах был другой.

— Прости, о государь,— взмолился тут дворецкий,— затмение, видно, на меня нашло. Я вспомнил. В последний раз был подан мед не наш, а из Цзяньчжоу. Правитель этого удела варвар Нурхаци в дань присылал мед Сыну Неба.

— А что сейчас — не шлет он дань Нам?

— Не ведаю того я, государь, — сокрушенно развел руг нами дворецкий.— Дела о сношениях с иноземцами мне не подвластны ведь.

* * *

В ямэнь к себе вернулся Су Цзыюй совсем иным, чем покидал его по вызову начальства. Ждал нахлобучки и потому немного трусил. От страха как-то весь обмяк фигурой. Осел, словно медуза, волною брошенная на песок. Заискивающе глядел в глаза сослуживцам, настороженно ждал, в напутствие что скажут. Ведь неспроста, конечно, в Гуаннин из Ляояна его, казначейского чиновника, затребовало начальство.

Едва переступил Цзыюй порог присутствия, то всем, кто был там, ясно стало вмиг, не тот он с виду вовсе, каким был раньше. Молча вошел, ни слова не сказал. Приветствий вроде не слышал — живот вперед и, вдаль куда-то глядя, прошел к себе. Делопроизводитель Сяо Кэ, едва за Су закрылась дверь, ехидно прошептал соседу — писарю Чжу Гэ: «По виду можно подумать, что Сын Неба в жены ему дочку отдает». И оба прыснули, давась от смеха. Но тут же у обоих лица вытянулись, когда Ян Фу, помощник Су Цзыюя, к нему был позван. Что б это означало?

— Начальник наш, достопочтенный Су Цзыюй, на время оставляет нас,— объявил его помощник, возвратясь.— С заданием,— тут Ян Фу сделал многозначительную паузу и выставил вверх указательный палец,— считайте, от государя самого, едет в Цзяньчжоу. Встретившись глазами с Сяо Кэ, Чжу Гэ потряс головой, словно говоря: «Вот это да...». А Сяо Кэ засуетился, за пазуху полез и, кланяясь, подал Су Цзыюю: «Соблагоизвольте принять». То был черной меди амулет в виде денежки. Су с небрежным видом взял, поднес к глазам. «Да будет мне первый чин перед лицом государя. Да добьюсь я степени чжуа-нюаня!» — прочел на одной стороне. Перевернул. На обороте сверху были знаки — «счастье» сверху, внизу — «царское жалованье». А слева — лепесток линчжи, растения долголетия. Расплывшись в улыбке, Су Цзыюй ласково взглянул на Сяо Кэ,

взглядом говоря: «По возвращеньи отблагодарю». Чжу Гэ с завистью поглядел на Сяо Кэ и сокрушенно вздохнул: «Эха... У меня кроме пары чохов нет ничего при себе. Их же не подаришь начальнику...».

* * *

Держа хозяина под руки, слуги в повозку водрузили Су Цзыюя. Напыжившись, восседал там, всем видом выражая, что не чиновник, каких немало, едет на прогулку, но посол от государя.

Когда повозку затрясло от рытвин и колдобин и позади Ляоян остался, Цзыюй уж прямо, горделиво, не сидел, а ерзал на сиденье. «Да,— подумал при новом толчке,—

От дома до ямыня добираться, когда тебя несут в носилках, совсем иное дело, нежели тут». И чем дальше от Ляояна удалялся Су Цзыюй, тем все больше раздражался он. «Воистину, варварская страна,— бурчал Цзыюй, когда вопреки его расчетам пришлось делать остановку. — Лошади устали, а новых на смену никто не спешил привести. Ведь знает уже этот дикарь Нурхацци, что еду я,— дозорные его не раз меня встречали, и невдомек ему приделать мне свежих лошадей, да и провожать же кто-то меня должен! Ведь я посланье государя самого везу, не товары для промена. Нет, этикета этим дикарям ни в кои века не уразуметь».

За неудобства, за невниманье, за все, с чем довелось пути столкнуться, Цзыюй с лихвой себя вознаграждал за пиршеством. Воздал всему, чем потчевал его Нурхацци. Блюд разнообразье, прислуги обращение, внимание Нурхацци самого («ответайте-ка это!») — от этого всего Цзыюй почувствовал себя действительно послом державы Минской. Ее владетель — Неба Сын, и в качестве такого он вправе требовать и повелевать, считай, повсюду.

— А послан я к тебе, дуду, затем,— тоном судьи иль проверяющего заговорил Су Цзыюй,— чтобы спросить от имени Сына Неба, ты почему не шлешь нам дань и перетал вести торговлю?

Слово «дуду» в уши ударило, и яростью наполнилось уж было горло, но осадил себя: «То не сейчас». И, сокрушенный вид приняв, сказал, как будто извиняясь: «Мед нашего удела сходен с пятью хлебами, растущими на землях Небесной династии. Случается такой год, когда пять хлебов не вызревают. Кого тогда порицает царствующий правитель? В нашем уделе за последние пять лет цветов было мало, пчелы погибли. Поэтому и нечего было подносить. Вот когда весной ветви будут полны цветов, вызреет нектар, тогда, конечно, снова будем подносить дань и торговать, как прежде»⁷³.

С небрежным видом слушал Су, всем видом словно говоря: «Ну да, так и поверю этим отговоркам». Едва умолк Нурхацци, как Су, ехидно ухмыльнувшись, разинул было рот в ответ.

— Да ты постой, не торопись, — жест упреждающий Нурхацци сделал.— Еще не кончил я. Ты, временно живущий в Ляояне,— голос звучал негромко, но весомо эти слова произносил Нурхацци, глядя в глаза недобро Су Цзыюю,— запомни раз и навсегда. Маньчжурский хан я, не дуду. И пусть об этом тоже помнят те, кем послан ты. За дерзость обращенья твоего — посмел назвать меня «дуду» — достоин смерти ты⁷⁴.

От этих слов назад отпрянул Су Цзыюй, рот мигом пересох, и губы побелели. «Но ты посол, — гася в усах недобрую ухмылку, Нурхацци заключил, — и потому ступай обратно. Да не забудь подарки взять, что дал тебе я как послу для передачи государю своему».

* * *

Давно уж отбыл Су Цзыюй, а Нурхацци казалось все, что тот перед ним сидит с надменной рожей и речи наглые ведет. Какой-то служка захудалый посмел ему, государю,

«ты» говорить и чуть ли не допрос чинить. Все это стояло пред глазами зримо, звучало в ушах, и ярость снизу доверху заполняла нутро, вздувая жилы на шее, наливая кровью уши.

Появление сына Хунтайджи дало выход распиравшему нутро озлоблению. Почтительно поклонившись, Хунтайджи было начал: «Собрался на охоту я, отец...», но кончить не успел. Его прервал Нурхаци: «Нашел ты время для забавы! Ты лучше бы проверил самолично, как снаряжение у твоих людей. Я ведь один за всем смотреть не успеваю. Вы, сыновья, помощники должны быть мне во всем. А он собрался на охоту. Как будто больше дела нет иль поважней, чем мять траву в лесу». Голову в плечи вобрав, Хунтайджи попятился назад и молча вышел.

— Уф,— вздохнул Нурхаци, поставив осторожно, чтоб не расплескалось, чашу и утирая рот ладонью. Полегчало как-то на душе и в голове свободней стало. И хоть опять перед глазами появился Су Цзыной, но вроде был какой-то он поблекший, и голос уж не резал слух. «Да, что он там, какой-то мелкий служка. Дело вовсе не в нем. Наслышан он о том, как отзывается его начальство обо мне, и порешил, что тоже может говорить со мною так. Когда никаньский царь станет меня считать государем, тогда и челядь вся его меня признает таковым. Обиду мне нанес не этот Су Цзыной, а сам никаньский царь. Да только ли одну обиду эту? Ведь если посчитать, я претерпел немало от него. А почему сносил все? Лишь потому, что слишком было мало мое владенье, чтоб мог спросить я за обиды с правителя никааей. То было б все равно, что воробей стал б с буйволом тягаться в силе. Теперь,— самодовольно улыбнувшись,— по силе я что тигр, наверное. Но ведь и тигр,— поморщился,— дряхлеет тоже, и воробей тогда на голову ему мочится без боязни...»

— Нет, что ни говори, а нам с никанем не поладить,— Нурхаци глядел в пустое чаши дно.— Я не искал войны с державою нрканьской. Небо тому свидетель. Но ведь в конце концов и мы, хоть дикими зовемся, свободны жить, как нам угодно. Ведь не мешаю я правителю никаней ставить, кого начальником он хочет видеть, в Фушуни иль Кайюани! Конечно, нет. А тут они, никани, лезут к нам как будто их просили. Опять же взять хотя бы Ехе тоже. Ведь дело только нас самих касалось, ан-нет, никаньский царь тут вмешиваться стал, грозился вроде вред нам учинить. А разве Ехе частью его владений было? Или в родстве с князьями ехе никаньский царь когда-то состоял? В помине не было того.

* * *

— Я обещание свое сдержу,— что было силы выкрикнул Нурхаци и проснулся. Привстав на ложе, огляделся. Он в помещенье один. Приснилось все это ему. А сон привидился такой. Как будто бы к нему явились дед с отцом. «Мы,— начали так,— как будто пили мед, когда услышали твои слова, что ты за нашу гибель отомстишь никаням. И ждали мы и заждались уже. И нет уверенности, что и дождемся, когда никаньскому царю ты отомстишь за нас. Ведь у тебя пятидесятая весна давно уже минула. Спеши,— предостерегающе заговорили предки,— насупив лица, а не то удачи в твоих делах не будет».

* * *

— В третий год правленья «Небом благословенного» в весенней первой луне в девятый день,— низко склонившись над столом, выводил бакши Дахай,— государь собрал на совет всех бэйлэ и амбаней. «Днями,— сказал он,— знаменье видел я. На рассвете, когда луна вот-вот должна была спуститься, какое-то желтое блестящее пятно ее заслонило. Желанье Неба таково. И вы не удивляйтесь моему замыслу, который уже определен свыше. В нынешнем году пойдем войной на Минов!»⁷⁵

Кончив писать, Дахай представил себе лица собравшихся, когда Нурхаци произнес последние слова. Всех оторопь взяла, если сказать, не тратя много слов. И, видно, потому никто сил не нашел, чтобы суждение высказать свое. Да и государь всем видом дал понять, что не намерен слушать никого. «Отходчив, правда, он,— рассуждал сам с собой Дахай, собирая письменные принадлежности,— может быть, еще и передумает. Шутка сказать, идти войной против никаньского царя, считай, один на один».

* * *

Один за другим входили военачальники. Не обращая внимания на них, Нурхацп то медленно расхаживал посреди помещенья, то останавливался, что-то тщательно изучая на полу. Там лежали вразброс несколько разноцветных камешков, какие-то нити из разных клубков. «Чего это он?»—нагнулся к уху Дайшаня бэйлэ Аминь. Дайшань недоуменно пожал плечами. Недоумевали и остальные присутствующие, хотя и не подавали виду.

— Ну что, все в сборе? — обернулся Нурхацп к своему медзиге Китунге.

— Да вроде все, кого велено было позвать.

— Давайте, ближе сюда,— помахал рукой Нурхаци.— Чтоб было видно всем, теснее становитесь.

Бэйлэ по праву старшинства прошли вперед, амбанп сзади, по бокам расположившись, тянули шеи. «Всем видно?» — спросил Нурхаци. «Всем, всем»,— недружно отозвались голоса.

— Так вот,— продолжал Нурхаци.— Я говорил, что в нынешнем году пришла пора с никапями свести нам счета. Обид немало мы от них снесли, им нет числа. А главных, как насчитал я,— семь. Они записаны, и каждый дз вас, ознакомившись, потом оповестит людей во всех зна-менах. Речь не о том сейчас.

— Вот видите,— Нурхаци показал на серый камень,— это Фушупь. Выше, где черный камушек,— Телин, над ним белеет Кайюань. На восток от Фушуни — Шэньян. А дальше на юг если посмотрим, то там, налево, где камень желтоватый,— Гуаннин, направо — красный камушек. Это — Ляоян. Ну а эти нитки две — понятно, реки Ляо-Ула и Хунехе-Бира. Сейчас идет уже четвертая луна. До наступления жары тянуть не стоит. Куда пойдем сперва походом? Или ударим враз по всем соседним никаньским крепостям?

— Оно, конечно, хорошо бы махом одним свалить ограду всю,— первым отозвался Дайшань.— Да только опасуюсь, как бы нам не надорваться. Это совсем не просто — крепостью никаньской овладеть. А не одною враз,— покачал головой Дайшань,— боюсь,— пустое дело.

— Согласен я с Дайшанем,— Амин, второй по старшинству бэйлэ, подал голос.

Оспаривать мнение старшего брата не стали и Мангултай с Хуштайджн. Подобно Дашнашо мыслили многоопытные в ратном деле Хурхань, Фюидон, Эйду.

— Выходит так, что будем валить ограду не сразу, а по частям,— Нурхаци заключил.— Я так же думал. Срубив одну опору, за ней — другую, третью — потом, глядишь, и упало все строенье. Тогда с чего начнем? Смотрите-ка, где расположены те крепости, что взять нам предстоит, где рек теченья.

Сошлись на том, что первый удар придется па Фу-шунь. В расчет приняли все, пожалуй. Она располагалась ближе остальных, знакома лучше всех была. Туда Нурхаци прежде часто наезжал для торга. Кроме того, расположением своим Фушунь была словно восточные ворота Шэньяна. Возьми Фушунь — и ты уже на подступах к Шэньяну. Еще не все. Фушунь была подобна пробке у кувшина, основание которого как бы составляли низовья Ляоулы, иль по-никаньски Ляохэ. Фушунью завладев, засунуть руку можно дальше по локоть и отнять у Минов все владенье, что звалось Ляодун.

— Вот что меня еще тревожит,— когда уж обговорили вроде все, Нурхаци объявил.— Раз крепости придется брать, то без орудий разных, лестниц в том числе, не обойтись, понятно. И будет нужно их немало. Что сделают их, не беспокоюсь вовсе. А вот

когда примутся люди лес валить и бревна заготавливать, то этого не утаить никак. Народ прознает, и исключать никак нельзя, что станет известно и тканям. И потому, когда пошлете лес валить, то надо поначалу всюду говорить: «А нужны бревна, чтоб построить всем бэйлэ конюшни...»⁷⁶.

* * *

Не первый раз идти в поход и за собою вести войска. Но тот, что предстоит, покоя не дает никак. С таким противником еще не доводилось иметь дела. И мало тут, чтобы была в порядке сбруя у коней да оружия в достатке. Главней всего, пожалуй, то, чтоб каждый, под чьим началом будут люди, знал, как употребить их лучше.

Есть общие для всех приемы охоты, от старших младшие их узнают. И соответственно уж поступают. А правила, как воевать удачно, тоже есть. Правда, не писаны они донныне, и потому, наверное, не знают все, кому доверено вести будет людей. В поход идти — не то, что на охоту. Порядок надо строже соблюдать, поскольку неудача на охоте такой бедою не грозит, как если маху дашь в сраженьи. Давно уж желанье было весь опыт ратный свой, своих сподвижников как-то собрать и сохранить. Рассказы устные — это одно. Другое дело, когда они записаны. Ведь не всегда есть у кого спросить. А запись можно прочитать.

Тем более сейчас потребно руководство, как воевать. Чтоб не было потом отговорок вроде: «А я приказа ждал, как дальше быть».

— Так вот, бакши,— сказал Нурхац Дахаю.— Есть дело важное и срочное. Все прочие свои дела пока отставь. Займемся этим. Я буду говорить, а ты пиши за мной. Ну а потом посмотрим вместе и, если надо что, подправим. С утра до самого, считай, полудня Нурхац с Дахаем занимались. Расхаживая взад-вперед, сложив за спиной руки, Нурхац говорил, умолкая, что-то прикидывал в уме иль вспоминал и снова говорил. Дахай торопливо записывал, переспрашивал, когда Нурхац горячился и речь становилась сбивчивой.

— Хватит пока,— махнул рукой Нурхац.— Ты, вижу я, устал. Да и у меня чего-то слова толком не складываются. Ладно, иди. Бумагу оставь.

Оставшись один, Нурхац пробежал глазами записи, сделанные Дахаем, пожевав губами, неопределенно хмыкнул. «Эй, Китунга!» — зычно кликнул вестовщика.

— Пусть принесут одеться. Верхом поеду, — объявил ему.

Запахнув олбо, Нурхац повел плечами: «Хоть не латы, а все-равно тело чувствует: лишняя одежда. Но без нее не обойтись. Как без доспехов в бою. Только если олбо от холода спасает, то латы от смерти не всегда. Ну, это уж зависит не от нас», — сказал себе так и вышел во двор. Завидя хозяина, радостно заржал конь. «Вот лошадь какова под тобой, тоже важно. Не меньше, чем добротные латы,— снова потянулась оборвавшаяся было нить мысли.— За иным конем и хуту не угнаться».

А сам на этот раз ехал не торопясь. Езде не отдавался весь, поскольку думать продолжал, как в нескольких словах доходчиво и ясно изложить наставления по делу, ратному.

«Вот еду я,— рассуждал с собой,— не просто так, ради забавы, но воевать с врагом. Как поступать, когда его увидел или доподлинно известно, что там вон с ним сойдемся. Вот это все и нужно в уставе записать. А биться приходится везде: и в чистом поле, и под стенами острога. А взять его — совсем иное дело, нежели сойтись лицом к лицу на ровном месте. Как крепость брать, об этом тоже надобно особо в наставленьях наказать».

* * *

— Ну, мне сдается — ты передыху не давал себе,— с довольным видом взглянул Нурхацци на Дахая, беря из рук его бумаги.— Что говорил я, ты, вижу, все привел в Порядок.

, — Время не терпит, государь,— слабо улыбнулся Дахай. Большие, запавшие глаза на худом лице красноречиво выдавали его ночные бденья.

— Похвально рвение твое, бакши. Для блага государства нашего ты не жалеешь сил. За то тебе воздается. А теперь давай прочтем, что получилось.

— Если нас много, а противник в меньшинстве,— начал Дахай,— тогда наши воины скрытно от неприятеля устраивают засаду в глухом месте. Потом посылаем немного людей выманить его. Цель нашего замысла как раз в том, чтобы враг поддался на уловку и пришел. А если мы его выманивали, но он не появился, тогда нужно тут же тщательно разведать, далеко или близко его крепость. — Дахай читал медленно, тщательно выговаривая каждое слово.

— Если она далеко, тогда надо всеми силами нападать на него. А если близко, тогда нужно вплотную приблизиться к крепостным стенам, чтобы всем скопом собраться у ворот и внезапно напасть.

— Довольно,— остановил Нурхацци.— Передохни.— Дав отдохнуть Дахаю, в то время сам как бы заново прослушивал только что произнесенные слова. «Все ли так?»— задавался вопросом.— Ладно,— махнул рукой,— дальше пошли.

— Если противник превосходит числом, то не нужно спешить сближаться с ним. Следует заблаговременно отступить и ждать прибытия главных сил. Дождавшись их, с ними тотчас же соединиться, а потом уже искать местонахождение врага.

— Все это,— заключил Нурхацци,— когда сражаемся в открытом поле. Правда, упоминанье есть насчет того, как быть, когда враг у стен своей крепости.

— Вот дальше особо изложено, как с крепостями обходиться,

— Гм. Давай, читай.

— Когда оказались вблизи городских стен, то нужно прикинуть, каковы они, и взвесить свои силы. Если взять крепость можно — тогда идти на приступ. Если нельзя — тогда уйти от нее. Для овладенья крепостями в каждой нюру иметь наготове по 2 «небесных лестницы» и 20 чуцзя...

Нурхацци слушал молча. Но всем видом выражал удовлетворение. «Все так оно»,— заметил одобрительно. И, в сторону скосив глаз, спросил: «То твоя?» — показывая пальцем на лежавшую возле Дахая шапку.

— Моя,— с явным недоумением отозвался тот. -

— А дай-ка ее сюда.

Взяв в руки шапку, повертел. Потрогал пальцами шерин и, отдавая обратно шапку, как бы невзначай обронил: «Илхи ей не хватает. Впредь будешь носить».

.Дахай, благодаря, принялся бить поклоны.

— Ладно, ладно,— остановил его Нурхацци.— Дальше читай.

— Всем работникам со времени выступления в поход и до смены следовать со своей нюру и не отставать от нее. Если отбилась от собственного знамени, то задержать и допросить.

— Допросить,— повторил Нурхацци,— и непременно. Надо узнать причину. Иль занедужил вдруг, или замыслил изменить. Случалось и такое. Вот, помнится, пошли мы как-то на Ехе. И только выступили, один из наших переметнулся и известил ехесцев: «Идет рать Нурхацци на вас». Один тогда такой сыскался перевертыш, вреда ж нанес такого, какой причинить под силу не одной сотне. Ну, довольно об этом. Давай дальше.

— У чалэ-эджэна и ниру-эджэна есть служебные обязанности. И пусть сами рассчитывают: если смогут справиться с должностью, то пусть тогда принимают ее. А не могут, тогда не нужно браться. Ведь когда кто-то желает принять должность, дело идет не только об одном человеке. Если не в состоянии справиться с обязанностями, но вопреки всему принимает их, то у того, кто возглавляет 100 человек, дело 100 человек потерпит

провал. У того, у кого под началом 1000 человек, дело 1000 человек неудачно завершится. В этом-то самое большое государственное дело.

Время за полдень перевалило, когда Нурхаци объявил: «Довольно». Дахай умолк, вопросительно глядя на государя: «Какой еще будет приказ?»

— Устав этот переписать, чтоб был он в списке не одним, а в нескольких. Раздать потом всем бэйдэ и амбаням, под чьим началом войско есть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Уже известно было конникам и пешим, которые заполнили все вокруг: «С никанями сражаться станем». Так порешил Нурхаци, государь. А вот и сам он показался на холме. Волнение по рядам пошло: задние тотают в спину впереди стоящих, вытягивают шеи, чтобы разглядеть, что дальше будет.

Нурхаци руку поднял и взмахнул — и гомон стих толпы. Лист, трубкой свернутый, развернул и стал читать размеренно, не торопясь, глаза время от времени вздымая к небу. Что сказано в бумаге было, в знаменах своих начальники уж загодя оповестили. Сейчас не войску своему обиды изливал Нурхаци на никаньского царя, но Небу.

— Дед и отец мой, — чуть хриловато звучал голос, — ни травинки не сорвали в минских пределах, не загубили там ни пяди земли. Однако Мины беспричинно затевали пограничные ссоры и погубили моего деда и отца. Это — первая причина ненависти.

— Хотя Мины затевали свары, я все же хотел наладить дружбу. Я поставил каменные плиты с предостережением: любой, кто перейдет границу, будь то маньчжур или никань, заслуживает смерти, и любой, кто поможет нарушителю границы спастись, должен сам расстаться с жизнью. Почему же Мины в ответ пренебрегли предостережением, отправив войска через границу на помощь Ехе? Это — вторая причина ненависти.

— Люди Минов каждый год, воровски пробираясь через границу, проникали на земли по реке Циохо и грабили все вокруг. Я, исходя из сделанного ранее предостережения, убивал людей, нарушивших границу. Мины в ответ отказались от прежнего соглашения и оовипли меня в произвольных убийствах. Больше того, посадили в темницу посланных мною в Гуаннин Гангули и Фанцзину, принудили меня выдать 10 человек и убили их на границе. Это — третья причина ненависти.

— Мины, нарушив границу, помогли своими войсками Ехе. Это привело к тому, что уже просватанную за меня деву выдали замуж в монгоское владенье. Это — четвертая причина ненависти.

— Не одно поколение наших людей пахало землю и еяло хлеба в Чайха, Шаньцила, Феиехе. А Мины не позволяли убирать урожай, посылая войско, чтобы оно изгоняло наших земледельцев. Это — пятая причина ненависти.

— Ехе, заграничное владенье, провинилось перед Небом. Но Мины поверили лишь сказанному Ехе и намеренно прислали ко мне посла с письмом. А в грамоте той меня бранили непотребными словами и хулу всякую возводили. Это — шестая причина ненависти.

— Хада помогало Ехе дважды напасть па меня. И я сам воздал за это, и благодаря Небу люди Хада стали моими. Мины же принудили меня вернуть их домой. Но после этого на людей Хада, отпущенных мною, неоднократно нападало Ехе и грабило их. Во взаимных войнах между царствами то побеждает и остается жить, которое выполняет волю Неба, а то, которое идет наперекор, терпит поражение и гибнет. И разве можно посредством войска вновь оживить мертвого и возвращать обратно уже полученных от него людей? Правитель великого государства, Небом основанного, есть единый владыка Поднебесной. Почему же тогда он злобится только на мое государство?

Только после того, как хулуньские царства, объединивши войско, напали на меня, я начал воевать. И поскольку это было согласно с волей Неба, победа была дарована мне.

Ныне Мины, помогая Ехе, идут против воли Неба: правого считают неправым, а неправого — правым. Это — седьмая причина ненависти ⁷⁷. Позора этого крайнего не в состоянии я вынести. И по семи причинам иду войною я.

Кончив читать, нагнулся и почтительно к огню, что был у ног, поднес бумагу. И вечно голодный огонь поспешно принялся лизать тот свиток. Дымком исчезла в высоте бумага, до Неба донося записанные на ней обиды.

* * *

— Ну, а теперь,— сказал себе, Нурхацци, с холма спустившись и идя к шатру,— наказ еще осталось людям сделать.

В шатре собрались бэйлэ все. Их оглядел Нурхацци, не торопясь. «Увидеть доведется ль всех потом?» — подумал только, не сказал.

— Сказать хотел еще вам вот что. Дело большое предстоит. Такого не было еще, пожалуй. И потому нельзя, чтоб люди наши давали волю полную себе. Конечно, от нпканей все мы претерпели. И немало. Однако нужно вам людей, что состоят в знаменах, предостеречь. Когда придется пленных брать, то пусть не раздевают донага. Не блудодействуют с никаньскими женками и девками, не разлучают супружеских пар. Тем, кто переходит на нашу сторону, не нужно спешить рубить голову ⁷⁸.

* * *

Содрогаясь от ударов, гулко заухали барабаны. Ответили им трубы, дудки. Звуки летели впереди степенно шедшего к тандзы Нурхацци, за которым гуськом следовали бэйлэ и старшие военачальники. Уже от первых ударов в барабан тишина, застоявшаяся в тандзы, всколыхнулась и под натиском налетевших одна за другой волн музыки покинула молельню. Звучала музыка для духов. Изображенья их и имена представлены в тандзы. Вот изваянья семи дев-небожительниц, изображенья духа гор Голмин Шаныш Алинь, дальних предков, основателя рода. А на сорине — имена покойных деда и отца Нурхацци.

Их всех звучанье музыки уведомляет, что на земле живущие пока станут плясать для них сейчас нарочно, чтоб ублажить их и поддержку получить. «И потому тут,— подбадривал себя Нурхацци,— сил уж не жалей, хотя ноги не те, что прежде, да и прерывисто дыханье. Ну, ничего, я пляску начал, а там ее уже продолжат те, кто помоложе. Мы все, кто здесь, порадуем духов пляской воинов, на рать идущих».

Из тандзы шли в том же порядке: Нурхацци впереди, за ним все остальные. И прямо к коням. Сев с помощью телохранителя в седло, Нурхацци, глядя вперед, махнул рукой: «Пошли». Стоявшие кучно верховые вестовщики с места снялись, и войско пришло в движенье. Помчались конники вперед, задорно развевались за их спинами киру.

* * *

Уж стало вечереть, когда окрестности Фушуни показались. «Дальше не двигаться. Кроме дозорных, всем ложиться спать. Огней не зажигать,— распорядился Нурхацци.— Зачем заранее уведомлять о появлении своем? Ведь мы идем не в гости».

И мрак ночной укрыл войско. Оно было подобно тигру, что, дым селения зачуяв, перед прыжком залег в чащобе, глаза для верности прищурился, чтоб даже блеск их был не виден в ночи.

А сна все не было. Нурхацци грузно ворочался с боку на бок, ложился на спину и на живот, но все напрасно. В голове беспорядочным роем назойливо мельтешили разные мысли, и никак не удавалось их отогнать, и потому заснуть не удавалось. «Э, как бывало спалось в детстве, в юности,— сокрушенно подумал Нурхацци,— а сейчас... Тут, наверное,— закралась в сознание другая мысль,— дело не в возрасте. Беспокойство,

видно, дает себя знать. А как-то дело обернется? Шутка ли сказать, пошел войной ни на кого-нибудь, а против самой Минской державы. Хватит ли сил?» Уверенности в этом полной не было, и, уходя от ответа на заданный самому же себе вопрос, Нурхаци обратил мысли па другое, более приятное его сердцу. Стал думать о внуках. Сопоставлял их лица, поведение... Но тут послышались вроде какие-то звуки. Привстав на постели (ею служила медвежья шкура), Нурхаци прислушался. Слух не обманул его: снаружи словно кто-то легонько постукивал кончиками пальцев многопалых рук по туго натянутой ткани палатки. Как будто знак подавал: «А ну-ка выйди. Дело есть».

Кряхтя, Нурхаци поднялся. Откинув полог, наружу вышел. И едва втянув широкими ноздрями напоенного влагой воздуха, сказал негромко: «Дождит». Все кругом заволочла темная пелена. Не видно было ни звезд, ни месяца, и туч не различить. Неторопливо и размеренно роняло небо тяжелые капли. Безветрие стояло, поэтому ив ясно было, сколько просочится влагой небо. Нурхаци недовольно поморщился: вспомнилось, как из-за ливней он не утоп едва с дружиною своей в трясине зыбкой. В тот год, когда пошел он на Никан-вайлана.

Страхивая влагу, в палатку он вернулся. Посидел, поразмыслил в темноте. Потом кликнул прислугу, велел зажечь огонь и военачальников позвать.

Наспех одетые в доспехи, иные не пришедшие еще в себя со сна, они смотрели на Нурхаци. Недоумение читалось у многих на лицах.

— Дождит,— задумчиво произнес Нурхаци.— Боюсь, трудно будет идти нашему войску, Я бы отвел его пока назад. А как вы мыслите?⁷⁹

— Позволь сказать мне, государь,— первым отозвался великий бэйлэ Дайшань.

После того как согласно головой кивнул Нурхаци, Дайшань продолжил: «Мы ныне уже приблизились к границам владений Минов. Так ведь? И если тотчас отведем наши войска, то разве с ними у нас установятся добрые отношения? Пусть даже отведем войско подальше, но разве можем скрыть его надежно от глаз лазутчиков? Мне думается, что нет. Хотя и дождь идет, что из того? Ведь наши воины не нагишом пойдут. Они в одежде, она их от дождя спасет. А луки, стрелы — те в чехлах и не намокнут потому».

Обведя взглядом всех присутствовавших и не заметив на лицах признаков явного сомнения, Дайшань убежденно продолжал: «Дождь, что Небо посылает, усыпит бдительность никаньского пограничного начальства. Кто в дождь куда пойдет, оставив кров над головою? Лишь только разве по нужде. И спится сладко в^ дождь опять же. Считаю я, что дождь лишь нам на пользу».

— Кто думает иначе, чем Дайшань? — спросил Нурхаци. В ответ ему молчанье было.— Ну раз поднялись мы, ложиться снова уж не станем. Сейчас же выступаем.

И только войско поднялось и двинулось, как словно чья-то рука стянула с неба темный, отсыревший покров, открыв луну и россыпь ярких звезд.

* * *

В дверь стучали почтительно, но настойчиво. Оторвавшись от чтения докладной, которую он собственноручно подготовил, начальник фушуньской крепости юцзи Ли Юнфан, недовольно поморщившись, крикнул, чтоб вошли. Порученец. Ли Юпфана ввел в комнату рядового. Тот, испуганно тараща глаза, сбивчиво рассказывал: «Был послан я в дозор. Поутру решил было объехать сопку. Ту, что напротив северных ворот. Откуда ни возьмись, налетела конная ватага. Окружила и повезла куда-то. Как приехали, куда ни глянь — конное и пешее войско. Откуда только и взялось враз столько?! Привели меня, видно, к начальству ихнему. Дали вот бумагу. Сказали. «Передай вашему старшему, юцзи Ли Юнфану».

Ли Юнфан медленно протянул руку и осторожно, словно боясь обжечься, взял письмо. Дав знак всем удалиться, он принялся читать. Угроза зазвучала в первых же строках: «Твои Мины послали войска за пределы своих границ на подмогу Ехе, и

поэтому-то я с войском и пришел. Если ты, фушуньский юэци, вздумаешь сражаться, то никоим образом не победишь. Лучше сдавайся. Иначе погибнешь под ливнем стрел»⁸⁰. Лесть и посулы шли после угроз: «Ты весьма способный, даровитый и знающий человек. Мое государство широко собирает таланты. А подобные тебе занимают одинаковое положение с моими вельможами первого ранга».

«Об остальных всех тоже заботу проявляет»,— невесело ухмыльнулся Ли Юнфан, вновь эти строки прочитав: «Если выедешь из города покориться, то мои воины не войдут в него, твои военачальники и ратники останутся невредимыми. Но если мои воины захватят город, и стар и млад, женщины и мужчины — все будут обречены на гибель. Думай. Те большие и малые чиновники, воины и простой люд, что находятся в городе, сдав его и покорившись, защитят тем самым своих отцов и матерей, жен, детей, сородичей. Им не будет нужды разлучаться и разбредаться в разные стороны. Разве это не разумно? Сдаться или нет — взвесь тщательно».

«Ну вот и дождались,— почти что равнодушно подумал Ли Юнфан, письмо отложив.— Пошел на нас войной Нурхацци. Вернее, на меня. А почему он Кайюань вниманьем обошел? И лично я причем опять же? Ведь войско посылал на выручку его врагам не я же... А вот теперь за действия чужие приходится мне быть в ответе». И чувство жалости к себе такое охватило Ли Юнфана, что чуть он не заплакал. Но мигом тут себя одернул. «Не подобает распускаться мне. А что тогда другие станут делать, увидя мою слабость. Кто я есть? — взбодрился Ли Юнфан, привстав и выпятив вперед брюшко.— Начальник крепости Фушунь. Поставлен таковым решением государя. За милости его мой долг — служить ему и жизни не щадить своей. А говорят,— тут вспомнились слова, что слышал, будучи в Шэньяне, у начальства,— что государь не правит вовсе, всем заправляет свора евнухов.— И мысль как жало в мозг впилась:— А стоит ради них стоять тут до конца и жизни многих в жертву приносить? Но нет,— тряхнул упрямо головой,— я крепость должен защищать. Надо еще самим проверить, действительно ли войско велико, что он привел с собой, иль, может статься, просто врет. Бахвалится своею силой и норовит обманом взять».

По водяным часам следя, как время шло, Ли с нетерпением ждал вестей от посланных в разведку. Четыре раза воду слил собственноручно и только подошел к окну послушать, не слышно ли шума в городе какого, как тут дозорные явились. «В кольце мы»,— негромко произнес старший из них, куда-то глядя в пол.

— Тревогу объявить,— стараясь быть спокойным, Ли приказал своим помощникам, когда к нему по вызову они явились.— Всех ратников с оружием на стены! Пусть видит неприятель, что мы готовы к бою. А горожане пусть с кипятком котлы готовят, чтобы умыть как следует вонючих дикарей.

Шапку одев и пояс, какие по чипу были положены ему, Ли Юнфан, стараясь держаться прямо, взшел на крепостную стену. Встав как раз над южными воротами, неторопливо огляделся. Нет, не бахвалился Нурхацци вовсе. Отовсюду, на сколько хватывал взгляд, двигалась темная, местами разреженная толпа. Словно нащупывая перед собой дорогу, она то там, то тут выставила вперед что-то вроде длинных палок. Это лестницы, сообразил Ли Юнфан, и живо представил, как их приставляют к стенам и по ним один за другим поползут на стены враги. С воплями они будут падать вниз, а на смену им, ступая по трупам своих, будут лезть и лезть другие. Вон их сколько! Даже в глазах темнеет от вида этой неисчислимой толпы, неторопливо, уверенно двигавшейся па крепость. Нет, ее стенам не сдержать этот наплыв. Противиться этой волне все равно, что задом затыкать дыру в плотине во время половодья. И тут окрестности огласил многоголосый рев. Так, размыв щель в плотине, победно устремляется поток воды, сметая все на своем пути.

Ли Юнфан было попятился назад, потом быстро повернулся спиной к этому реву, который то поднимался, то падал, и, подобрав полы одежды, засеменил вниз.

С надрывным скрипом, словно нехотя, раскрылись ворота — и выехал из них Ли Юнфан. Он был при полном параде: в высокой шапке, при поясе широком. Коня не подгонял юцзи, сопровождавших не было при нем. И если поглядеть со стороны, можно подумать было, что комендант прогулку совершает. Хозяйским взглядом, без подсказки, решил, наверное, все осмотреть вокруг.

Да нет, уж не хозяин здесь уже он вовсе. Его коня хватают грубо под уздцы. И вот уж самого его, юцзи Ли Юнфана, обеими руками тянет из седла гушаньэчжэн Адунь, весь красный от натуги. «Ну что ж, — утешил себя юцзи, — сейчас вместо слуги мне будешь — поможешь слезть с коня».

А на земле юцзи уже слугою стал. Прикрикнул на него Адунь — и, встав на четвереньки, полз бывший комендант Фушуни коню навстречу, Нурхацци на котором восседал. С коня не слезая, он лишь махнул рукой, тем самым дав понять, что видит Ли Юнфана.

Юцзи лежал ничком. Обмирая изнутри, ждал решенья своей участи. «Вставай-ка, почтенный Ли Юнфан, — раздался голос зычный. — Я слову верен своему. Тебе я сохраняю жизнь».

И в остальном Нурхацци поступил, как извещал в письме Ли Юнфана. Всех тех, кто сдался, маньчжуры пощадили. Сопrotивлялся кто или намерение такое проявил, убиты были.

Остался Ли Юнфан начальником. Тысячу семей обитателей Фушуни Нурхацци распорядился расселить в Хету-Ала. Главным над ними поставлен был Ли Юнфан.

Стихло сражение в стенах Фушуни. Окрест дым стлался горьковатый и, поднимаясь к небу, таял. Так обратилась в кучи земли и чадом исходящих головешек Фушунь.

«Нам, эта крепость, — поразмыслив, рассудил Нурхацци, — вовсе ни к чему. И сохранять ее, как есть, нельзя. Если оставить, то тому подобно будет это, что, не выдавив ядро, махнуть рукой на чирей, увидя, что подсох он с виду. Уж вроде нет его, а рядом с ним, глядишь, другой садится: от старого пошел».

Из тех китайцев, что в Фушуни оказались, всех больше повезло тем, кто из Хэси, Хэдуна, Шаньдуна, Сучжоу и Ханчжоу по делам торговли явились в крепость. Их отпустили всех, припасов и денег на дорогу дали, чтоб в состоянии домой были вернуться и принести с собой бумажные листы с записью семи обид, дабы в Поднебесной люди о них знали ⁸¹.

* * *

— Так, говоришь, их толпы угрожают нашим рубежам? — уставился Ицзюнь в лицо попечителю обрядов Ли Чжи и глядел на него не мигая.

— Слуга покорный государев лишь повторяет то, что срочно сообщили с места. Из Шаньхайгуани только что пришла булага.

— Толпа, что стадо... Так сдается мне. А раз идет об этих дацзы речь, то стадо зверей, а не иначе.

— Верно весьма изволили заметить, — подобострастно задвигал шеей и плечами евнух. — Стадо.

— И оно идет туда, куда ведет его вожак. А если вдруг того не стало, стадо в смятение придет и разбежаться станет.

— Вот это мудрое решенье, — подхватил евнух. — Действительно, чем с толпами сражаться, проще всего башку снести злодею Нурхацци — и колец.

— Охотники среди наших людей, понятно, сыщутся, — наморщил лобик Ицзюнь.

— А было бы верней, когда б нашлись такие и среди самих этих дикарей.

— Награду нужно посулить любому, кто голову Нурхацци снимет или живьем доставит нам.

— Да, Мы щедро наградим за это,— пылко воскликнул Ицзюнь.

— Для верности надо б заранее объявить, какова награда будет. Попробовать убить или поймать Нурхаци — ведь это значит самому сперва подставить голову свою под меч. Таких охотников найдется мало. Отважатся лишь те, кто отомстить ему замыслил. А если щедрую награду обещать, то найдутся и такие, что ею прельстятся, жизни не жалея. Так что извольте, государь, в указе объявить, награда будет какова.

Ицзюнь досадливо поморщился, представив, как в чьи-то загребушие лапы посыплется серебро. Его, Ицзгоня, серебро. «Нет,— решил про себя,— мы еще поторгуемся».

— Должность наследственную дам. И... еще одежду. Ну как? Довольно будет?

— Я бы добавил денег, государь. Должность для себя для потомков получить, конечно, это хорошо весьма. Чтобы место обрести в ямэне хотя бы для себя, не говоря гуж о потомках, сколько приходится над книгами корпеть, через испытания какие проходить. Все это так. Но ведь иные мыслят как? «Что должность даст мне, я еще не знаю. А деньги на руках — совсем иное дело. Хоть сразу землю покупай, хоть дом или наложицу».

— Мм,— промычал Ицзюнь. Представил снова он себе, как серебро его из подземелья уплывает, и стало горько на душе. Перехватило даже горло оттого.

Евнух молчал, глаза потупив. Безмолствовал и император. Молчанье затянулось.

— Полтысячи лян, пожалуй, дать согласны Мы,— расщедрился Ицзюнь, вздохнув.

— Осмелюсь я напомнить, государь, что самому Нурхаци, когда ему дали звание «лунхуцянцзюня», мы в год матили 800 лян, одежды не считая. А тут всего полтысячи... Ущерба ж может столько причинить, что денег никаких не хватит, чтобы восполнить убытки.

— Гм,— глубокомысленно произнес Ицзюнь.— Ну ладно,— рукой махнул, сдаваясь,— пускай в указе так напишут. За пойманного Нурхаци или голову его награда будет такова: тысяча лян серебра и наследственная должность. И пусть этот указ Военная палата где только можно огласит.

* * *

— Не лучшей пробы серебро,— протянул литейный мастер,— хоть и казенное клеймо.

— А что нам делать из него? — поднял лицо от жаровни подмастерье, перестав раздувать огонь.

— Печать управляющего делами по обороне Ляодуна и прочих мест,— отозвался мастер, заглянув в листок бумаги.

— Видать, спешили сильно, раз дали серебро, какое под руку попало.

— Каждому — свое,— неопределенно пожал плечами мастер.

— А для кого печать-то будем отливать? — не унимался помощник.

— Для какого-то Ян Хао⁸². А кто он и откуда взялся, я не знаю. Да наше дело-то какое? Печать нам нужно сделать поскорей, иначе будет нахлобучка.

* * *

Руки слегка тряслись, когда их протянул, чтоб взять печать. Вещица вроде нетяжелая, а вес совсем немалый придает. Управляющий Ляодуном, шутка сказать! И от сознания перемены в положении, которую печать несла, кончики пальцев Ян Хао дрожали.

Это не ускользнуло от внимания чиновников, присутствовавших при церемонии возведения Ян Хао в должности ляодунского цзинлюэ.

— Наверное, прослышал, что печать-то только-только отлили,— язвительно заметил сановник палаты обрядов чиновнику военного ведомства,— и боится обжечься.

— Хм,— глубокомысленно отозвался сосед.— Видать, и хочется, и колется. Цзинлюэ почетно быть, понятно. Но и хлопот не оберешься тоже. Обжечься можно сильно там.

— Ему уж это не впервой,— ехидно вставил столоначальник казначейского ведомства.— Ведь это он, Ян Хао, еле ноги унес из Чаосяни, когда войско его японцы разгромили. Как говорят, в осаде столько продержал их, что самому потом пришлось бежать к Сеулу⁸³.

Почувствовав себя лично задетым суждением казначейского чиновника (между казначейством и Военной палатой никогда не было согласия), сановник военного ведомства высокомерно смерил взглядом столоначальника: «Эка, складская крыса. Вознамерилась еще рассуждать о военных делах». Сказал так про себя и отвернулся.

* * *

Когда в Пекин известие пришло, что Нурхаци Фушунь, спалив дотла, сравнял с землей, не один раз собирал совещанья исполнявший обязанности шаншу Военной палаты Сюе Саньцай. Волнение сдержат не в силах и потоку забыв, кто старше в должности, кто младше, кричали все наперебой: «Как получилось так? Куда смотрело ляодунское начальство! Меры немедленно нужно принять!»

В бессилье оказавшись голосом призвать к порядку, Сюе Саньцай то и дело колотил брусом по краю стола. «А стол-то здесь при чем,— на время отложив брус, подумал,— когда вернее было б бить по головам. Но этого мне не дано, увы...»

Излив волнения первые и страхи, остыв, мужи Бинбу расчетами занялись. Вели речь не о том, хватит ли тысячи лян и чина, чтоб изловить живьем злодея иль голову его заполучить. Фушунь разрушив, Нурхаци словно выбил звено в ограде, которая надежно защищала дом. А ну как кинется он дальше? Успех этот лишь распалит его звериную натуру. Того, что захватил в Фушуни, надолго хватит ли ему с его вечно голодною ордою? Опять на промысел пойдут в селенья паши, что на Ляодуне. Тем более что слабину почувствовал у нас там. Чтоб раз и навсегда отбить охоту рыскать в пределах наших, надо урок хороший преподать. Да не словами, а оружием. А для того усилить нужно войско, снабдить его как следует, чтобы нехватки не было ни в чем. Дел много разных тут исполнить предстоит. И нужен человек, который бы все лучшим образом исполнил...

А уж кого назначить защитником Ляодуна, предопределили всемогущие евнухи из палаты обрядов: «Ян Хао»,— назвали имя Сыну Неба. Тот лишь махнул рукой: «Вам, видно, лучше знать». Так жирный увалень Ян Хао, привычный больше ездить в паланкине, чем по земле ходить ногами, отправился на Ляодун, чтобы управиться с Нурхаци.

Пока на место добирался цзинлюэ, успел Нурхаци после Фушуни овладеть Цинхэ.

— Ну, в раж вошел цзяньчжоуский главарь,— в смятении качали головами царедворцы.— Чего же ждать еще? И как сказать теперь государю, что новая беда случилась?

И присмирела челядь, затаилась в нишах полутемных, за ширмами с драконом, когда с докладом к Сыну Неба пошел Ли Чжи.

Лоб хмуря невысокий, Ицзюнь вертел в руках шкатулку дивную из лака. Никак не мог решить Сын Неба, оставить у себя ее иль фаворитке повой подарить. Расстаться было жалко с этим чудом. Лак черный, перламутр, золото и серебро в поделке этой необычно сочетались. Лоб хмурить перестав, самодовольно Ицзюнь ухмыльнулся: «А что ни говори, даже коротыши, на что уж мастера они по части лаковых изделий, и то бы в восхищение пришли, увидя это. А сотворил вещицу эту наш умелец Ян Сюань. И мастеров, ему подобных, наверное, нет даже у владыки коротышей. И как же быть? — за ухом почесал Ицзюнь.— Оставить или подарить?»

От этих размышлений Ицзюня отвлек приход евнуха. С опаской взгляд скопив («Не денег ли пришел просить опять?»), выжидающе уставился на Ли Чжи.

От новости, что тот принес, взвился Ицзюнь. Брызгал слюной, ощерив редкозубый рот, махал руками, словно птица, бессильная взлететь. Сел, утомившись, а ярость, еще оставшуюся, излил в словах указа, которые стал диктовать: «Коварный варвар захватил Цинхэ. Убивает и грабит...».

* * *

«Мы,— писал минский государь вану,— вскоре начнем войну с мятежным варваром Нурхаци, и потому пошли свои войска на помощь». Вспотевшие ладони Кванхэгун вытер о халат и снова поднес к глазам бумагу. «Раз войско посылать,— подумал горестно,— ведь денег, сколько нужно! А их и так в казне не густо. Постройка дворца не кончена и денег требует еще. И если б только это. Наложница любимая артачится, когда подарков щедрых не даю ей. А у нее родни, знакомых — свора, и всем им тоже нужно дать. Чтоб денег изыскать, пришлось открыть торговлю должностями. Но место в присутствии купить очень недешево, и люди жмутся. Пост чэсана был не занят долго: не находился толстосум, что в состоянии был приобрести его. И вот теперь еще правитель Китая просит войско. Как быть, что делать?»

— Мне, по моему непросвещенному мнению,— подал совет Хан Хёсан,— думается, нам нужно сделать так. Узнать сначала, что и как. Ведь великий мудрец китайский Кунцзы говорил: «Помогают тому, кто помогает сам себе». Спешить нам войско посылать не надо. Китай ведь тоже медлил прислать нам войско на подмогу, когда вакэ вторглись в нашу страну.

Совет королю пришелся по душе. Он императору Китая отказал совсем, но и полков сразу не дал своих. Время идет, а там видно будет, как дело дальше обернется.

* * *

— И это все? — воззрился на прибывшего из Сеула корейского чиновника цзинлюэ Ян Хао.

Посланец вана, вобрав голову в плечи, весь сжался.

— Держать тебя не стану я ничуть,— распаяясь, возвысил голос Ян Хао.— Сейчас письмо я напишу для передачи вану, и завтра, после полудня, чтобы тебя тут не было! Да,— повернулся к порученцу,— посланца вана отвести в подворье для приезжих, и пусть там сидит. Сейчас никак не время ему по городу гулять. А поутру сопроводить его в ямэнь мой. Письмо для вана там получит.

— Иным просить гораздо легче, чем самим давать,— бурчал себе под нос Ян Хао, придвигая лист бумаги.— Напоминать, что прежде помогали мы, наверное, не стоит. Это не проймает. Надо сказать по существу: останетесь сегодня в стороне, так горько пожалеете потом. Да только будет поздно.— Несколько раз макал кисть в тушь Ян Хао |и стряхивал ее, прежде чем приняться за письмо. Цзинлюэ обдумывал, что он напишет вану. Вроде отложилось в голове, и кисть пошла бумагу метить.

«Когда мы попросили вас о помощи, вы просто послали лазутчика выяснить, как обстоят дела. Эта война гораздо больше касается вас, чем нас. Поэтому вам надлежит послать войско немедленно, чтобы составить с нами союз на Ляодуне».

Кисть отложив, прочел, что написал, и с силой приложил печать. Тот, кому писал это посланье цзинлюэ, был далеко отсюда и стукнуть кулаком пред ним не мог. И потому с таким наслаждением прихлопнул печатью бумагу Ян Хао: как будто перед самим ваном стукнул по столу кулаком для вящей убедительности.

* * *

То был бумаги лист, а ощущение испытывал такое Кванхэ-гун, словно пальцами уголь раскаленный он держал. Разжав их, опустил письмо на стол и перевернул вверх чистой стороною, чтоб знаки черные в глаза не лезли и смысл их душу не травил. Но было все напрасно. Листок бумаги этой — с виду желтоватый — не лист, упавший с дерева. С тем просто: любишься его окраской, а надоело — отвернулся иль наступил ногой.

От этого листка спасенья нет. Для вана минский император по положенью старшим был. Долг младшего — учили с детства нынешнего ваия и тех, что были до него — повиноваться воле старших. «Оно, конечно, так уж вроде повелось. Но ведь у каждого свое владенье. Страною Утренней Свежести, как соизволил назвать мою страну китайский император, правлю я. Одежда, пища — все свое. У Сына Неба я вовсе не прошу на пропитанье рису мерку или ткани кусок, чтоб срам прикрыть. Ичютому мне важно достояние сберечь свое. А это зависеть будет от того, как отношенья сложатся с соседом Нурхаци. Он-то ведь тут, под боком. И чуть чего — рукой своей может достать. Успеет ли тогда помочь Китай? Кто знает... «Однако остаться в стороне никак нельзя. И потому лучше всего так, видно, поступить: кто станет верх брать, того в конце концов держаться. Но было ли когда такое,— пришло на ум вдруг,— чтоб овцы целы оставались, а волки видом их сыты были? Однако в жизни всякое бывает»,— ответа не найдя, утешился король.

— Пусть завтра до обеда,— сказал слуге,— придет сюда циса Кап Гвеннин, начальник Суочхона.

* * *

Кан Гвеннин томился, снедаемый неизвестностью. И утешал себя: «Если б в ссылку отправляли, то во дворец бы не позвали».

— Государь желает видеть вас,— объявил слуга, выйдя из королевских покоев.

Слабая улыбка не задержалась на губах вана. Лицо его вновь стало сосредоточенным. Прищуренные глаза глядели испытующе-настороженно.

— Вести плохие,— словно нехотя разжал губы Кванхэ-гун («А когда хорошие-то были?» — отозвалось у Кана).— У Высокой страны война с дикарями. Она касается и нашей Хэдон. И потому решили Мы послать войска на Ляодун, чтобы помочь цзинлюэ Ян Хао управиться с Нурхаци.

Кан, почтительно храня молчанье, меж тем подумал про себя: «Ну, если там Ян Хао главным, то дело гиблое, считай. Какой он полководец, нам известно тут. Когда последнее вторжение вэном было, он осрамился полностью. Но мы служивые у вана, и наше дело — подчиняться».

— Ты,— Кванхэ-гун заминку сделал, в упор глядя на Кана. Тот встrepенулся. («Ага,— не без злорадства подумал, — как речь зашла о тебе, так сразу ожил».) — Ты,— Вновь обращенье повторив, закончил, — будешь товансу.— «И, глядя, как в самодовольной ухмылке дрогнули губы Кана, поспешил добавить: — Помощником твоим мы назначаем Ким Гёнсу.

От звуков этого имени скривился Кан и даже как-то сник. Они извечно враждовали. Каждый из них считал, что настоящий полководец только он. И вот решеньем государя им выпало в поход идти совместно.

— Еще не все,— ван сделал жест рукой.— Подойди ко мне поближе.— И, понизив голос, доверительно глядя на Кана, продолжил: — Ногаджок нам как сосед гораздо ближе, чем правитель Высокой страны. А там дела не больно, видно, хороши, раз сами дикарей не в силах приструнить. Нам забывать себя никак нельзя, и потому тебе наказ таков. Часть наших войск с китайцами пусть будет, а большую держи при себе. Если увидишь, что Ногаджок одержит верх, тогда немедля на мировую с ним иди⁸⁴.

* * *

Здесь, в Гямуху, где сливались Хунехе-Бира с Гяй-фан-Бирою, земля хорошо обычно родила. И нынче пшеница стояла выше пояса, от тяжелого колоса гнулась к земле.

Нурхацци, спешившись, прошел вдоль поля. Оно отливало ровной желтизной, нигде не было видно прозелени. Сорвал колос, растер в шероховатых ладонях. На зуб зерно взял. Раскусил. Оно было неподатливое, плотное. Нурхацци озабоченно покачал головой: «Еще немного — и начнет осыпаться. А если задуют ветры, то все останется птицам да мышам. Чем тогда кормиться станут мои люди? Того, что удалось взять в Фушуни и Цинхэ, надолго ли хватит? Да, нелегко это — одной рукой серп держать, другого — лук. Пока с никанями воевали в Фушуни и Цинхэ, хлеба уже давно пришло убирать».

— Велел позвать обоим вас по делу одному, — сказал Нурхацци Налиню и Иньдэ. — Возьмете с собой четыре сотни человек и соберете урожай в Гямуху. Хлеб там давно созрел, и потому не прохлаждаться. Но чтобы и зернышка не оставалось на земле. Потом поеду сам проверю.

— Исполним, государь, как должно все, — заверили Налинь с Иньдэ.

— Да, вот что еще. Не стало хоть Фушуни и Цинхэ, другие крепости никанские еще остались. А от никаней можно нападения ждать. И потому наказ такой вам. Ночуйте не на равнине, а в ущельях. Или же меняйте место ночлега⁸⁵.

В ответ согласно закивали головами Налинь и Иньдэ.

Две ночи провели жнецы Нурхацци в Гямуху. Как наказал он, в ущелья спали. Правда, уснуть по-настоящему не довелось. И летом-то в ущелья даже днем прохладно, сыро, а в ночь осеннюю там хоть до утра пали костры, но не прогнать промозглый холод. С рассветом же опять людям идти на поле жать, и хоть ты до хрипоты на них кричи, они не станут двигаться быстрее. И только передышку дай, как валяются на землю спать.

— Нет, так дело не пойдет, — рассудил Ипдэ. — Пускай на поле прямо спят. В ущелье нечего таиться. Не сунутся никани к нам.

— Да, видно, так. И тоже на ночлег бегать с места на место, мне кажется, не стоит. Теперь, когда Фушунь мы взяли и Цинхэ, не сунутся сюда никани.

Все вокруг заволочла ночная тьма. Она слила в единое целое и долину, и возвышавшиеся над ней холмы. Большими светляками выделялись в ночи разбросанные на равнине пятна догоравших костров.

Прищурился глаза, цзунбин Ли Жубай с вершины холма напряженно вглядывался в долину. Никаких признаков жизни не было видно: сморенные дневными трудами люди спали мертвым сном. Днями его, Ли Жубая, дозорные во время ночного разъезда заметили какие-то огни в долине. На утро вновь послал туда дозорных Ли вызнать, кто объявился там, с какою целью. И выяснили так, что в Гямуху маньчжуры убирают хлеб.

— Спят, — удовлетворенно произнес Ли Жубай. — Наверное, водки опились. И нет собак, а то бы лай подняли при нашем приближении.

Так и неубран хлеб остался в Гямуху. На спавших рнецов напали люди Ли Жубая. Не одного маньчжура на месте положили, а остальные, кто успел, в смятении бежали, все побросав.

«Ну, много ли собрали хлеба?» — вроде спокойно спросил Нурхацци. Иньдэ с Налинем в ответ молчали, переминаясь с ноги на ногу, как будто стояли на углях, не на земле. «Да нам никани помешали», — приглушенно пробормотал Налинь. «А вам говорено что было? — вскипел Нурхацци. — Как надо было ночевать? За послушанье приказанья моего лишаю каждого из вас половины имущества. А этого, который поставлен быть дозорным, как то? — Егудэ, лишаю трети достоянья».

Понурились головы, все трое поплелись. В душе еще довольные остались, что сохранили головы свои. Бэйлэ, амбани молча ждали, что скажет государь еще.

— Сдается мне,— губы разжал Нурхацц,— что с Минскою державой надолго нелады у нас. Сейчас вот, уступив в сраженьях, никани нороят, где можно, досадить нам. В Тямуху убрать хлеба не дали. А силы соберут побольше, так и пойдут на нас. Случалось ведь такое прежде. И не раз. К чему все это говорю я? Вот к чему. Чтоб упредить вторжение никаней в глубь нашего владенья, поблизости от их границ, мне мыслится, нужно пасти, коней. И чуть чего — они уж под седлом, издалека не надо гнать. Людям, что будут там, понятно, надобно укрытье. Не палатка, не шалаш, а острог. И такой, как полагаю, построить надобно в урочище Гяйфан. Что скажете на это? Иных суждений не высказал никто. До зимних холодов в Гяйфане успели лишь заложить основанье. Правда, еще лес, камень завезли в достатке, чтоб по теплу стены дальше выводить.

* * *

Легко ворота распахнулись, и, гордо выпрямившись в седле, Кан медленно, чтобы все видели, выехал со двора своего дома. Одетый в кольчугу, он был опоясан обоюдо-острым мечом, на ножнах которого вытянулся зеленый дракон, голову закрывал шлем с изображением феникса. Всем, кто этот выезд наблюдал, было ясно, что большой военачальник едет на войну. «Куда, с кем воевать?» — судили да рядили в толпе зевак. «Да, вроде на подмогу правителю Китая», — снисходительно отзывались наиболее осведомленные.

Кан сидел в седле недвижно, и казалось, что на коне не всадник, но статуя. Когда отъехал столько, что знал: из виду скоро скроется совсем дом отчий, оглянулся: «Увидеть ли придется снова эти старые ворота?» И тут по ним лучом еще неярким скользнуло солнце, окрасив красным створы. «Ворота красные у дома моего!» Кан зажмурился на какое-то мгновенье, представив мысленно себе торжества, с которыми встречают победителя. И на губах почувствовал вкус государева вина. Глаза раскрыл пошире, чтоб еще раз взглянуть на дом свой. Каким-то он придавленным к земле сейчас казался, и темно-серыми ворота были. Цветом почти такими же, что в тех домах крестьянских, из которых ушло по предписанию вана двадцать тысяч парней и мужиков. Весна уж близилась, но выйти на поля не довелось им. А вместо этого пришлось торить дорогу в далекую страну, где обитали «ечжои», дикари.

Земля их, им под стать, дика — лес непролазный, мрачные чащобы. И дикий холод. Он соки выжал из земли, и потому она тверда, как камень. Корейским ратникам, что прежде жили в местностях: Пхэпандо, Хамгендо, Чолладо, Кёнгидо, Чхунчхондо⁸⁶, такие холода, как здесь, впервые в жизни довелось терпеть. А без привычки, без одежды теплой, в полотняном одеянье⁸⁷ снести их тяжко. Казалось, кровь сама заледенела, и деревенели ноги, руки. Пальцы не слушались. Справив нужду, пояс стянуть потуже было совсем нелегким делом: пальцы плохо гнулись.

Единственно, что утешало — топки вдоволь. От ветвей кедрача, брошенных в костер, раздавалось уханье и пламя столбом взметалось ввысь, рассыпая светляки искр. Жаром обжигало лицо, прихватывало колени, а спину холодило. И не только от того, что не доходило до нее тепло костра. Сзади молча, темной стеной стояли деревья. И в их безмолвии суровом словно таилась скрытая угроза. Корейским ополченцам, теснившимся у костров, казалось, что сотни глаз неторопливо обшаривают их спины, выискивая то место, куда лучше всего пустить стрелу, отравленную ядом.

— Царство холода,— протягивая руки к огню и откидываясь назад, просипел Ким.

— Оно невечно,— отозвался Кан.— Сюда тепло приходит позже, чем к нам.

— Так почему тогда пошли сюда мы в эту пору? — в голосе Кима слышалось раздраженье. Казалось, он не столько спрашивал, сколь укорял своего начальника. — Цзинлюэ Ян Хао потребовал, чтоб выступили мы без промедленья.— Кан хотел еще добавить: «А государь наш не осмелился перечить», — но прикусил язык. И, нороя

перевести разговор на другую тему, добавил: — Вот бы сюда тот теплый камень, что в Канвондо.

— Такие тяготы мы терпим, сколько больных у нас сейчас,— продолжал ворчать Ким.— За что, про что?

— Мы долг свой исполняем.

— Конечно, это так.— Ким поковырял концом палки угли.— Долг исполняя, мы мерзли тут, готовые в бою погибнуть. А что останется напоминать об этом здесь? Вот эти разве головешки...

— Зачем уж так. Война Китая с Нурхацци не только их одних война. Она касается п пас. И в памяти людей поход наш сохранится непременно.

— Это конечно. А вот поставит ли китайский император нам памятник за нашу помощь? Я почему об этом говорю: покойный государь наш весьма почтил Ян Хао, который с войском минским приходил японских разбойников вторженьем "отражать. Перед возвращеньем Ян Хао был памятник ему воздвигнут.

— Там будет видно,— уклончиво отозвался Кан.— Примеры есть тому, когда в прошлом наши государи особо отмечали заслуги и своих полководцев.

* * *

Запратав руки в рукава халата, цзинлюэ Ян Хао по комнате ходил взад и вперед. Так он хотел согреться. Попробовал сидеть на кане, но там лишь разомлел и стало в сон клонить. Но ведь не спать его сюда послали! Ему в обязанность вменили к порядку варваров призвать, примерно наказав их вожака Нурхацци, и сделать впредь границу нерушимой. «Сказать легко,— вздохнул Ян Хао,— не видя, что творится здесь сейчас. Я днями отписал в Пекин так буквально: „Еще перед тем, как Нурхацци завладел Цинхэ, весь Ляодун пришел в смятение...". Но это было все, пока Цинхэ держалась. В ней войска нашего стояло десять тысяч, и ни один оттуда не ушел. Повырезали дацзы поголовно всех. Спаслись, правда, чи-новинки да люд простой из двух окрестных городков. Вот они-то, кто успел бежать, и разнесли повсюду вести о взятии Цинхэ. У страха велики глаза, известно. И было вроде так, как говорят теперь, дацзы посыпались внутрь крепости с небес, пустят стрелу — а падает десяток наших, от взмаха одного меча — враз несколько голов слетает. Да, страху великого нагнал Нурхацци, а подтверждение того, что мы пока пред ним бессильны — падение Фушуни и Цицхэ.

Сейчас зима и потому пока затишье. А по весне, когда припасы, которые забрал в окрестностях Цинхэ, кончатся и нечего жрать будет, опять, наверняка, набросится на остальные наши города. И нужно будет упредить его. Ну, а пока нам должно сделать вид, что не хотим мы разжигать вражду. Конечно, говорить, что мы прощаем разорение Фушуни и Цицхэ, никак не стоит. Наоборот, надо сказать, что государь наш, Неба Сын, разгневан крайне дерзостью такого. Но милосердию его нет границ, тем более узнает если он, что побудило цзяньчжоуско-го вождя питать вражду к Срединному государству. Тут главное — внушить Нурхацци, что не спешим мы раздувать огонь войны. Пусть думает, что мы совсем не против мира с ним. Пока,— злорадно ухмыльнулся цзинлюэ,— мы войско не собрали».

— Кого же именно послать к Нурхацци? — Ян Хао остановился у столика с доской для облавных шашек. Поворошил кучку черных и белых пуговок. Положил пару, на ладонь. Зажав потом в кулаке, подержал и бросил обратно. С какой пойдешь — так и игра сложится. И потому все колебался цзинлюэ, не решаясь сделать выбор. Он двух имел в виду — цяньху Ло Жуя и тунши Ли Цзисюэ. Достойны вроде были оба. На Ляодуне жили семьи их давным-давно. С дацзы изъясняться могли свободно оба. И смелости не занимать обоим было. «Кого же все-таки послать? — уставился Ян Хао на доску для шашек.— Ага,— тут осенило вдруг,— сыграю с каждым я из них. И верх возьмет кто надо мной, тот и отправится к Нурхацци».

У Ли Цзисюэ вмиг отвисла челюсть. Судорожно сглотнув слюну, сдавленно произнес: «Я не достоин такой чести. Боюсь, что не под силу мне такое порученье».

— Ну-ну,— ободряюще улыбаясь, взглянул на тунши цзинлюэ.— Скромность похвальна. Но я уверен — ты с делом справишься успешно.

— У меня старые родители,— голос Ли Цзисюэ задрожал, - а я у них единственный сын. Случится что со мной, со стариками будет что тогда? Увольте от поездки к дацзы, господин, прошу вас. Просят о том же отец и мать мои.

— Ты — сын Срединной и ей служить должен прежде всего. А государь наш не оставит без вниманья твоих стариков и детей, случится если что с тобой. Нужды ни в чем не будут знать они. Да и что с тобой может стрястись? Ведь ты не едешь воевать. А отправляю я тебя послом. Поедешь не один. Сопровождающие будут у тебя. И наши, люди Нурхацы. Двоих, что в плен попали к нам, вернешь ему. Так что бояться нечего тебе. Еще такого не было, чтоб Нурхацы, хотя и варвар он, посланцев наших убивал.

* * *

— А будешь кто? — спросил Нурхацы, будто не зная, кто перед ним.

— Тунши Ли Цзисюэ.

— Мм,— неопределенно промычал Иурхацы. И, вид приняв небрежный, повертел в руках свиток с печатью.— Послал-то кто тебя? — задал вопрос, хотя уже прочел надпись на оттиске печати.

— Ляодунский цзинлюэ Ян Хао ⁸⁸.

— Ну что же, ладно. Мы рады видеть у себя посланца ляодунского начальства. В соседях мы. А раз сосед к соседу ходит, так это только хорошо. Всегда мы гостю рады, а потому спешить не станем, чтоб не подумал он, что поторапливаем его с отъездом. Потом еще, не обессудь, сейчас нам недосуг вести беседы долго. Ведь о прибытии твоём не извещал заранее никто нас. Так что пока побудь у нас. А как ответ я напишу, так отвезешь его. Мне написали, я тоже ответить должен, так ведь?

Тунши не оставалось ничего, как «да» сказать.

— Уф,— облегченно Нурхацы вздохнул, расставшись с посланцем цзинлюэ. Поднявшись с места, где сидел, прошелся. С удовольствием ощущал, как отходят затекшие от сиденья ноги. Из помещенья потянуло во двор, захотелось вдохнуть свежего, бодрящего воздуха.

Ходил взад и вперед он по двору, жадно дышал, словно втягивая пересохшим ртом ключевую воду. Услышав призывное конское ржанье, пошел к крытому загону, где держали его лошадей. В полумраке чутьем каким-то сразу же нашел любимца своего — Гнедого с белой отметиной на лбу. Узнав хозяина, конь, играя, затряс головой. Потом замер, лишь трепетно поводя ушами, когда хозяйская рука гладила по шее.

«Застоялся,— обронил негромко Нурхацы.— Застоялся».

После полумрака конюшни во дворе показалось необычно светло. Задрав кверху голову, Нурхацы пристально взгляделся в небо. По каким-то малоприметным, но уже ощутимым признакам почувствовал, что и небо уже не зимнее. Оно словно стало мягче, как-то затеплилось. Да, весна стояла на пороге. И словно, соглашаясь с ним, из конского загона донеслось ржанье. Оно уже стихло, но запоздалым и не гаснущим эхом продолжало звучать в ушах, И память услужливо воскресила, как яростно и тревожно ржал под ним Гнедой, когда пришлось, скрепя сердце, дать знак, чтобы его люди уходили из-под стен ехеских острогов. Не успели овладеть ими до прихода никаньских ратников. «Ну а сейчас,— мысль переметнулась на другое,— никаньский начальник прислал ко мне посла. В мире хочет вроде быть. Не думаю, однако, что Фушунь с Циихэ простили мне никани. Однако же, пока посланец цзинлюэ намерен ждать ответного письма, мы, времени попусту не тратя, попробуем, однако, Ехе доканать. И заодно проверим так, доподлинно ли намерены дружить с нами никани».

— Тянуть до лета с Ехе мы не станем,— объявил Нурхаци на совете.— Сейчас к тому же ждет от нас письма посол никаньский. А отписать что с ним, виднее будет после. Посмотрим, чем дело с Ехе обернется.

— За этим послем никаньским нужен глаз да глаз,— голос подал бэйлэ Дайшань.— Ведь не иначе разнюхать, как и что, приехал к нам. С той самой поры, как объявился он у нас, чего-то никани шевелиться сильно стали. Разъезды их то там то тут. Да и лазутчики их, наверняка, рыщут в наших пределах. Ведь было так уже, когда пошли на Ехе, там еще до нашего прихода знали, что мы идем.

— Велик ли муравей? — Нурхаци отозвался.— А ведь и то его видать. Войско же тронется в поход — его никак не скрыть. И предосторожности крайне нужны. Опять же от никаней. Это, Дайшань, тебе я доверяю,— прищутив левый глаз, на сына посмотрел Нурхаци.— Будешь стоять на заставе Чжака. Возьмешь с собой пять тысяч человек, чтоб от никаней было защититься чем. Мы все пойдем на Ехе, а ты останешься дома и семьи ушедших в Ехе будешь сторожить. Никаньцы ведь, известно, норовят ударить там, где послабее. Все помните,— взглядом обвел всех сидящих,— когда Цинхэ мы только завладели, войско никаньское напало на наш новый Донгоский острог. Всех мужиков, а было-то их семь всего, убили и к ним в придачу — сто с лишним баб с младенцами... Слышать, то войско возглавлял фуцзян Хэ Шисянь.

* * *

Кайюаньский цзунбин Ма Линь, едва обмочив в чашке губы, с недовольным видом отодвинул ее в сторону. Встревоженные Буянгу и Цзиньтайши повскакивали с мест: «Это лучшее вино, почтеннейший цзунбин Ма Линь!» — «Возможно,— процедил Ма Линь.— Но нужно подогреть его». А про себя подумал тут же: «Известно дело — дикари. Им невдомек, что только подогретое вино полезно».

Рот утерев и редкие усы разгладив, Ма Линь поднялся: «Ну а теперь пошли!» И к выходу направился степенно, за ним засеменяли, боясь на пятки наступить, Цзиньтай-и Буянгу.

Едва успел лишь только объявиться Нурхаци в пределах Ехе, как в Кайюань опять гонец помчался: «Спешите к нам на выручку,— писали Буянгу с Цзиньтайши.— Снова на нас напал Нурхаци». Ма Линь, начальник Кайюани, мешкать не стал — как бы потом ответа перед начальством не держать за промедленье — и самолично с войском прибыл в Ехе. А уж из ставки ехеских князей Ма Линь уйти не торопился. Так рассуждал он про себя: «Меня просили, я пришел. А как уж дальше поступать, то мне виднее». С дороги отдохнул. Потом спросил, что слышно про Нурхаци. «Ему покажем мы»,— заверили Буянгу с Цзиньтайши. Но прежде, чем идти сражаться, цзунбин откушать пожелал.

Дорога петляла среди увалов. И конь то, вверх взбираясь, натужно шею выгибал, и Ма Линь западал назад, то спускался вниз, и цзунбина перевешивало вперед. Ему казалось, что прошла уже целая вечность, как остались позади стены ехеской столицы, а враг никак себя не проявлял. И становилось все тревожней на душе. «Его не видим мы, а он, наверное, нас видит и только ждет, чтобулучить мгновенье... А этим остолопам двум, Буянгу и Цзиньтайши,— опасения сменялись раздражением,— лишь надо одного — чтоб видели окрест все, что не одни они, а с ними Срединной державы войско».

Коня остановив, Ма Линь подозвал к себе порученца: «Много ли отъехали от города?» — «Да ли сорок верных будет». — «Ну коли так, тогда привал».

Буянгу и Цзиньтайши, наоборот, хотели, чтоб войско шло быстрее, дабы скорей Нурхаци отогнать. Однако перечить Ма Линю не посмели.

Когда расположились на привал, Буянгу, не утерпев, спросил, как бы невзначай: «Не рано ль дали войску передышку?».

— Прежде чем сделать шаг врагу навстречу, сначала оглядись. Наш великий полководец Уцзы так учил,— снисходительно объяснял Ма Линь обоим ехеским князьям,

покойно возлежа в палатке.— Займемся оценкой противника, говорил он, чтобы решить, как поступить. А что мы знаем сейчас о Нурхацци? Где он? Сколько с ним войска?

Явно обескураженные такими вопросами, Буянгу и Цзиньтайши молча переглянулись.

— Раз так,— за всех решил Ма Линь,— разведать надо, сколь силы велики у Нурхацци.

* * *

Шли налегке маньчжуры в Ехе. И было-то с собой у каждого — оружие да снеди небольшой припас. А как уж в ехеских пределах оказались, когда зорить стали остроги и острожки, добычу немалую забрали. От взятых в плен людей, гуртов скота и разной рухляди, как человек после еды обильной, отяжелело войско. Прежней подвижности не стало у него. «И как тут быть? Идти вперед на город Ехе-хотон? А до него уже, считай, рукой подать. Тогда как быть с добычей? — Стеречь на месте пленных, скот пасти? А это значит — меньше людей пойдет на Ехе-хотон. Тоже не дело...» — Нурхацци провел тыльной стороной ладони по глазам. Они слезились от едкого дыма, который заполнил долину. Было безветренно, и дым от сожженных острогов и деревень, устремляясь в долину, застаивался в ней.

— Нет, сейчас мы дальше не пойдем,— решил Нурхацци.— Наоборот, отступим, но не уйдем совсем из ехеских пределов. Осмотримся, попробуем узнать, что предприняли Буянгу с Цзиньтайши. Опять же непременно надо знать, а как никани, что они?

* * *

Ма Линь, слушая донесенье очередного лазутчика, изредка недовольно поглядывал в сторону Буянгу и Цзиньтайши. А Нурхацци, с тревогой говорил лазутчик, совсем недалеко стоит отсюда. И войска много у него. Глаза зажмурив и качая головой, вновь повторил: большое очень войско.

— Ладно, иди, — махнул рукой лазутчику Ма Линь. Тут Буянгу, с места вскочив, к цзунбину подошел и рот было раскрыл, желая, видно, что-то сказать, но Ма Линь осадил его: «С тобой потом. Пока сидите оба здесь, но помолчите». Буянгу отошел, обиженно сопя.

Губы поджав, цзунбин сидел в молчании и думал про себя. «Да, видно, сила немалая у Нурхацци. Ведь 10 ли каких-то, верно, не дошел до стен Ехе-хотона и выжег все окрест⁸⁹. А сами ехесцы перед маньчжурами бессильны оказались. Словно бараны перед волком. И эти тоже оба хороши: Буянгу и Цзиньтайши. Выходит, по рассказам разным, дело было так. Едва маньчжуров кони успели ступить на ехескую землю, как Буянгу с Цзиньтайши не повели своих людей против Нурхацци, а в стенах ставки заперлись своей. И ждали, когда приду я их спасать. Ну нет, с меня довольно. Я предписание из столицы выполнил: на выручку Ехе пришел. Но Нурхацци искать не стану. Ведь у него-то войско во много раз больше, чем у меня. Люди его сейчас духом сильны после побед, одержанных над Ехе. У Нурхацци преимущества немилые в сравнении со мною. А Суныцзы что сказал? — „Если у тебя вообще что-либо хуже, сумей уклониться от противника“».

И вспомнив, что Буянгу и Цзиньтайши тут же, придав себе бесстрастный вид, Ма Линь знаком руки к себе их подозвал. Глядя, как они стремглав вскочили, злорадно подумал про себя: «Ну словно псы, которых поманил к себе хозяин».

Поверх голов куда-то глядя, цзунбин негромко произнес: «Я с войском возвращаюсь в Кайюань»⁹⁰. Сказал и к выходу пошел. Плетясь за ним, Цзиньтайши и Ёуянгу с испугом бормотали: «А мы-то как? Ведь не ушел от нас еще Нурхацци...». Но цзунбин не удостоил их ответом.

* * *

— Никани, говоришь, пришли? — уставился Нурхаци на старшего подвижного каруна Арсу.

— Да, выручать Буянгу и Цзиньтайши. Это доподлинно разведал.

— И где они сейчас?

— А вместе с княжеской дружиной от Ехе-хотона стоят, считай, полдня пути. Если верхами.

— Стоят и все?

— Стоят,— неопределенно пожал плечами Арсу,— а может, ждут чего-то.

— Ладно, ступай.

Слуги проворно убрали шатер, скатали кошмы, погрузили на верблюдов. Нурхаци сам все обошел вокруг, под ноги глядя: не обронил чего-нибудь ли. Осмотр закончив, подошел к коню, похлопал по холке: «Едем домой...»⁹¹. И, уже ставя ногу в стремя, добавил, себя утешив: «Ну, мы еще сюда вернемся».

* * *

Всем своим видом цзинлюэ Ян Хао радость великую являл, так вроде счастлив был увидеть Ли Цзисюэ. Тот тоже, улыбаясь всем лицом, прекрасно помнил до чего труслив цзинлюэ. Боясь навета, заискивать привык перед любым, считай. Не перед собственным рабом, пожалуй, только.

— Из логова ведь зверя ты вернулся. Цел и невредим, — цзинлюэ торопливо оглядел Ли, удостовераясь, что это он, а не кто иной, и что у него конечности все целы.

— Тот переводчик, что со мною был, жив тоже,— гася восторги начальника, отозвался Ли.— Цел и невредим, как я.

— Ну что он там, цзяньчжоуский дикарь?

— Настроен вроде мирно с виду. Подобно зверю не рычит и не таращит глаз при разговоре. Да вот письмо со мной отправил государю.

— Ну, что он пишет там, злодей? — небрежно свиток развернул как будто то было не письмо владетелю Срединной, а старой и ненужной ткани лоскут.

— Мм, а пишет ничего он по-китайски. Видать, привычен кисть держать. А может, не писал он сам. Да ладно. Ведь его печатью посланье скреплено.

— Если желтый царь сможет исправить дурные проступки людей, живущих в Ляо,— нараспев, вполголоса читал цзинлюэ,— отведет войска, выступившие за пределы эаниц его владенья, сочтет меня правым, уразумеет мое недовольство, причин которому семь, станет почитать меня как вана, тогда конец войне.

— А разрешения торговать, которых в Фушунь первоначально числом было 500, в Кайюани — 1000, пусть отданы будут моим воинам. Моим же вельможам пожаловать надобно бы пестрого шелка — 3 тысячи кусков, желтого золота — 300 лян, серебра — 3 тысячи лян⁹².

Ладонью бумагу придавив, цзинлюэ поразмыслил молча и, сжав пальцы в кулак, несильно по столу ударил: «Что делать нам, мы спрашивать тебя не станем». И чуть спустя добавил, глядя на Ли Цзисюэ: «Тебя ведь посылали вовсе не затем, чтобы узнать, чего угодно этому дзяньчжоускому коноводу. Но лишь затем, чтобы он думал, что мы намерены вести переговоры. А разговор иной ним вскоре состоится. Да, вот что еще. Он где сейчас-то сам?»

— Был в ставке у себя, письмо мне сам вручил. Теперь он где, не знаю точно. Как я прознал, на месте не сидит все время. Пока там был, куда-то, видно, отлучался. Узнать, где был, не удалось мне, правда. И потому, взаперти, считай, сидел все это время. Шагу ступить воле собственной не мог.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Крыша походного шатра давила как каменные своды — от неизвестности так тяжело было. На лицах приближенных будто застыл один вопрос: «Ответят что?». И отводил глаза Нурхацци в сторону, чтобы вопрос проклятый перед глазами не маячил. И от ожидания этого, казалось, время свой бег остановило. И дни и ночи, как бусины на нитке, казалось, перебирала чья-то равнодушная рука, и это ожерелье времени, которое не рвалось, давило горло как удавкой. И днем и ночью все одно и то же: «Каков будет ответ?».

От вопля, который поутру всю ставку поднял, неопределенность ожидания исчезла вмиг. Словно покров тумана липкий дыханьем жарким солнце иссушило. От крика дух переводя, гонец заговорил членораздельно: «От наших, что стоят в дозоре самом крайнем, прислали сообщить: «Войско никаньское идет!». О том же уведомили следом примчавшиеся гонцы и от других дозорных отрядов.

— Тьма! — в голос говорили присланные из дозоров. А численностью каково то войско, доподлинно никто не знал, кроме самих китайских полководцев.

Однако в точности успел узнать Нурхацци, что четверо тех и каждый по отдельности идет своим путём. Сказать верней, торит дорогу в расчете захватить Нурхацци и ставку разорить его.

Сжав кулак, он руку вытянул вперед и медленно разжал его, палец большой запрятал под ладонь. Изобразил подобие четырехзубой остроги. Повел ею вокруг, пальцами шевеля: «Глядите все». Когда решил, что насмотрелись вдоволь, рукой махнул и опустил ее. «Я в молодости знал одного,— сказал вроде некстати,— всего три пальца на руке ему оставил зверь, а все равно стрелком был знатным. А тут к нам тянется четырехпалая рука. Увесиста велика. Пускай на нашей даже будут пальцы полностью, все равно она в сравнение с той вроде того, что мальчишка силой станет мериться с мужчиной. А потому,— прищурил глаз Нурхацци,— мы станем пальцы эти по отцельности ломать, не дав им воедино сжаться».

* * *

Все было гладко на бумаге, когда в Пекине кисточкой по ней водили. Четыре линии, темнея тушью, легли спокойно на безответную бумагу, сходясь в той точке, где логову Нурхацци следовало быть. Местоположение его известно. Долина Хету Ала. Сюда вернулся жить он несколько лет назад. На месте бывшего здесь поселения построил новый город. Известен он у нас, в Срединной, как Синцзин и в Чаосянь — как Сингён. Обвел его стеной из камня и несколько ворот проделал в ней. Звериные повадки в этом тоже проявились. Та живность, что под землей в норе живет, ход не один, как правило, имеет, чтобы надежнее было сбежать, когда в дыру примутся воду лить или у входа разведут огонь. Ворот в Синцзине, как доподлинно известно, девять всего. По трое на южной и северной сторонах, двое — на восточной и одни на западной. А всех сторон четыре опять же. И с четырех сторон мы логово обложим.

Одно войско пойдет через проход Фушуньгуань, проходом Яхутуань пройдет другое, а остальные войска, два, которым будут помогать дружины ехесцев и корейские отряды, направятся соответственно от Санчагоу и Хугуанчэна.

План предстоящего похода цзинлюэ Ян Хао привел в восторг. «Достоин Суныцзы самого! — воскликнул он, когда с раскладкой ознакомился.— Коль так задумано, верный конец Нурхацци ждет, а Синцзину, его столице новой, не устоять! С землей сравнивается. Нет, в Поднебесной есть великомудрые мужи, подобные Суныцзы и Уцзы!» На лесть тут не скупиться были особые причины. В жизнь претворить план по уничтожению Нурхацци Пекин доверил Яну. И щедро изливая славословья, рассчитывал

цзинлюэ доброхотов своих отблагодарить, которые, видно, и к составлению плана были причастны. А в том, что эти восхваленя дойдут до них, сомнений не было.

У клики евнухов, которые вершили империи делами, свои глаза и уши имелись не только в чертогах Сына Неба, но повсюду. Дунчан, Тайный приказ, был вездесущ и многолик.

«У человека конечности четыре, а управляет ими голова. И потому она от рук и ног особо отстоит. Так и у нас сейчас. Я вроде головы, войска, которые ведут Ду Сун, Ма Линь, Лю Тин и Ли Жубай, вроде конечностей. И мне как голове быть надлежит особо», — так рассуждал цзин-люэ, решив не оставлять Шэньяна. Спокойнее чувствовал себя он здесь, нежели в ставке полевой. Шатер — он не надежен, того гляди — стрела пробьет шальная.

Сидя в Шэньяне, цзинлюэ, водя по карте пальцем, представлял, как войска Нурхаци ставку окружают. И мысленно Ян Хао уже видел, как с вестью о победе в Шэньяне на взмыленных конях гонцы несутся. Иначе быть и не могло. Цзинлюэ в это твердо верил. Да как оно иначе быть могло, когда в поход пошло немного-немало целых 240 тысяч. Нурхаци ж против них сумеет выставить каких-то тысяч 60⁹³. «Да и оружие-то какое у него? В отличие от нас, пушек нет и в помине, а что до ружей, то, наверное, раз-два — да и обчелся».

* * *

Ян Хао, цзинлюэ, по комнате прошелся. Встал у окошка, постоял. «Я вроде сделал все, что мне посильно было. А, собственно, что можем мы? Ведь все в руках всевышних сил, нам, людям, не подвластных вовсе. Теперь пойдет все так, как вольно Гуаньди». Пред тем как войскам пойти в поход, свечи поставили ему и подношенья.

Сама земля маньчжурская, казалось, насторожилась и затаилась. Безмолвно, теснясь друг к другу, как ратники перед сраженьем, стояли деревья. Они широко расставили свои руки-ветви, норовя не пускать чужаков в долины. Ручьи и речки, ужавшись за зиму и не набравшись сил из-за запоздалой весны, бежали неприметно, неслышно распластавшись своим подвижным телом на русле. Не слышен был обычный птичий гомон, и звери затаились в норах и чащобах.

Желтый дракон, хщчно оскаливший зубастую пасть, казалось, спустился с полотнищ знамен на маньчжурскую землю, и она тревожно замерла под тяжестью многотысячных толп людей, повозок, пушек. Такого нашествия ей уже давным-давно не доводилось испытывать. Нестройными рядами брело по маньчжурской земле воинство Сына Неба. Шло оно разворотить осиное гнездо, что свил Нурхаци, а племя все его под корень вырезать. Иначе не знать покоя Поднебесной. Так войску начальство объявило. А рядовое воинство, что под знаменами с драконом шло, вся эта безлика толпа, меньше всего пеклась о Поднебесной. Ее вело в чужие, маньчжурские, пределы лишь серебро, которым далекая столица купила их увечья или жизнь, да ожидание добычи. Наемная орда шла отрабатывать задаток и, грабя, поживиться — не землю защищать, где предки жили испокон веков. «И стоит разве в пекло одурело лезть? — так рассуждал, наверное, не один вояка, — когда деньги получены? Хватит того, что карабкаясь по сопкам, продираюсь через чащобу леса и волоку притом копье и меч. И столько нас, что ведь потом не разберешь, кто лез вперед, кто прятался за спину».

«Вот не одно уж ли осталось за спиной, а дикарей все не видать. Наверное, застанем мы врасплох их, — так рассудил Ду Сун, — и потому надо спешить». Хотелось очень уж Ду Суну управиться с Нурхаци самому и не делиться почестями, славой с остальными тремя цзянцзюнями. На них смотрел он с самого начала как на соперников своих и только. «Любой ценой я буду первый, — играя желваками, Ду Сун упрямо про себя твердил. — А этот сброд, которого начальник я, жалеть причины нет. Пускай передние для задних выстилают дорогу через эти топи и ущелья.

Вот на пути река. Конечно, это Хунехе-Бира. Какой еще быть здесь? Вода ее спокойна, но мутна, и потому она на вид, как пыльная, но зыбкая дорога. По ней ногами не пройдешь. Не проползешь на животе. Лодки нужны. Они, однако, где-то сзади. Обозы тянутся, известно».

— Лодок не ждать! — команду дал Ду Сун.— Этот ручей пройти кто может как. Кто вплавь, кто бродом. И скорей!

Сколько ко дну пошло, сколько отстало — не до того было Ду Суну. Вот где-то тут уж должно быть логово Нурхацы. Скорей туда!

Он храбрый воин был, Ду Сун, и только. В стремление своем скорее взять врага за горло он так спешил, что не успел разведать, где тот и что. Нурхацы же и его люди, оставаясь невидимыми сами (земля родная их тоже хранила)", внимательно следили, куда ведет свои войска Ду Сун. Какой-то посвист вдруг раздался, и эхо, отзвось, угасло. Ко звукам этим оставался Ду безучастен: «Что птичьи дела ему?». И невдомек храбрейшему Ду Суну, что был не посвист это птиц, а разговор вели дозорные Нурхацы. — Со мной сейчас три старших сына и племянник, который мне как сын родной. Они, сыны мои, давно уже не сосуны. Как не сейчас попробовать им силы и показать, на что они способны. А пестуном,— немного поразмыслив,— Эйду им будет, так решил.

Вот и завиднелись горы впереди, вернее, пара сопков, слитых в основанье Сарху. А уж от них до ставки Нурхацы каких-то ли 60. Они б, конечно, не заняли столь много времени, коль ехать просто в паланкине да по наезженной дороге. А тут — тропа войны. Она извилиста, узка, на ней самой препятствий тоже много. Вот встало на пути селение Гяйфан. Оно подобно валуну легло в развилке сопков. Часть войска своего Ду Сун оставил осаждать Гяйфан, куда уже приспели на подмогу сыновья Нурхацы, о чем еще не знал Ду Сун. Гяйфан оставив осажденным в стороне, Ду Сун пошел в обход. А у подножия Сарху его уж ждал Нурхацы с войском основным.

Сраженье вспыхнуло после полудня и ночью еще длилось. Ночная темень равно застилала глаза китайцам и маньчжурам, но все равно, они не в равном положении оказались. Маньчжурам, в отличие от китайцев, чужими не были здешние места. Знакомы были каждая низина, возвышенье, и знали потому и ночью, куда ступить, а где залечь. Врага не видя пред собой, китайцы принялись напропалую палить из ружей. Урона маньчжурам пули мало причиняли, зато люди Ду Суна выказывали свое расположение. По вспышкам пороха китайцев маньчжуры били из луков. От смертоносных стай маньчжурских стрел китайцам не было спасенья. А поутру, забрезжил чуть рассвет, маньчжуры врукопашную со всех сторон пошли.

Войско Ду Суна перестало существовать. О том он не успел узнать, упав навзничь с пробитым горлом, пальцами вцепившись в редкую траву.

Пошевелив затекшими пальцами опущенной книзу руки, Нурхацы, подняв ее к лицу и повернув ладонью, пальцем большим указательный пригнул. «Уж нету одного»,— с удовлетворением деловито произнес он. И следом уже, заботы не скрывая, добавил: «Больше осталось».

* * *

«Страшнее враг не тот, что впереди, а тот, что за спиной»,— внушал Ма Линь помощникам своим, пред тем как выступить в поход. И словно в подтверждение слов своих глазом косил (Ма от рожденья крив был на левый глаз), и казалось, что он высматривает кого-то сзади, войско так повел свое Ма Линь, с оглядкой, чтоб с тылу не ударили маньчжуры.

Едва лишь от Телина отойдя, Ма часть войска оставил для прикрытья, а с остальным, не торопясь, отправился вперед. Спешить не надо, опять же говорил Ма Линь, поскольку силы надо сохранить для схватки, и потому привалы делал он частенько.

Прикрытие, которое Ма Линь оставил у Телина, Нурхацци мигом смахнул, вроде того как в половодье поток сметает заплот из хвороста и глины, и ринулся на основные силы. От неожиданности оторопев, Ма Линь толком не знал, что предпринять. Распоряженье отдавал одно, а следом говорил другое. Войско его пришло в смятенье, чем только помогло маньчжурам. «Нам не спасти наших людей»,— сильней обычного кося, скороговоркой пробормотал Ма Линь, слюну сглотнув от напряженья.— «Коня подать?»— опередив начальника, спросил порученец Ма Линя. В ответ тот только головой кивнул.

Со свистом в ушах от быстрой езды скакал обычно медлительный Ма Линь с горсткой помощников своих, спеша укрыться за стенами Кайюани. Ехеские ополченцы, которым надлежало помогать Ма Линю, услышав о разгроме его войска, в свои пределы вернуться поспешили, чтоб избежать встречи с маньчжурами Нурхацци.

А между тем к ставке Нурхацци Лю Тин уж приближался. Числом китайцам уступая, маньчжуры норовили их сдержать при помощи завалов. Но дерево бессильно пред огнем: люди Лю Тина наловчились завалы поджигать на расстоянии. И оттого духом воспрянули китайцы.

— Хватило б только пороха, чтобы дотла сжечь логово,— прикидывал Лю Тин, лицо кривя от дыма.

— Начальник где? Начальник где? — послышались где-то поблизости голоса.

— Пойди-ка узнай, в чем дело там,— сказал Лю Тин своему порученцу.— Да если что серьезное, веди самих тех, кто кричал.

Лю Тин, мельком взглянув на троих ратников, что привел к нему порученец, объявив, что их прислал Ду Сун, торопливо развернул листок бумаги. И сразу бросилось в глаза — в спешке писал Ду Сун. Размашисто, неровно знаки легли. Немудрено: уведомлял Ду Сун, что он теснит Нурхацци, и пусть скорей спешит Лю Тин на помощь, чтобы не дать сбежать злодею.

Ничуть не усомнившись в том, что люди присланы Ду Суном: печать его письмо скрепляла, Лю Тин повел войско свое туда, где ждал уже Нурхацци. Как обмануть Лю Тина, он продумал все. Среди взятых в плен китайцев нашел таких, которые за щедрую награду согласье дали отнести письмо Лю Тину. А печать, которою письмо скрепили, действительно была Ду Супа. На поясе висела у него, когда среди убитых Ду Суна опознали.

Едва войско Лю Тина приблизилось к подошве сопки Абдали, из зарослей послали тучу стрел маньчжуры. Их предводитель, четвертый бэйлэ Хунтайджи, довольно хмыкнул, увидя, как стрелы разят никаней. Перед приходом их бэйлэ сказал людям своим: «Стрелять начнете разом все, когда они покажутся у края той ложбины». Все точно выполнили, как наказал он, и потому в какой-то миг телами мертвыми взбугрилось поле.

В отличие от Ма Линя Лю Тин не растерялся. Сам выступил вперед, смятение среди своих людей остановил, и те приняли бой. Упорное сраженье разыгралось, и вот в самый разгар его Лю Тину донесли: «Идет подмога к нам!». Потом и сам Лю явственно увидел, как с запада к нему войско китайское идет. В том, что оно китайское, сомнений не было: одежда и знамена о том наглядно говорили. «Но что это? — глаза округлив, закричал Лю Тин.— О, небо...» Было прибывшие на помощь люди рубить, колоть взялись бойцов Лю Тина. Это пришел на помощь брату своему бэйлэ Дайшань. И сообщая они покончили с войском Лю Тина и с ним самим.

* * *

О сопку ветер бился несколько дней кряду. В неистовство как будто приводил его тяжелый шелковый стяг, водруженный на вершине сопки. Толстое древко знамени под ударами ветра гудело, но не сгибалось, а полотнище то разлеталось, то опадало. Затихал в бессильной ярости ветер, отступаясь на время от стяга, чтобы с новыми силами приняться за него.

— Вон оно, чаосьяньское войско,— срывающимся от радости голосом закричал юцзи Цяо Ицзи, показывая на знамя, и поспешил со своими людьми к спасительной сопке.

За остатками отряда Цяо неотступно шли маньчжуры бэйлэ Амина и Хурханя. Им не терпелось добить уцелевших после недавней схватки.

Переведя дыханье, юцзи сбивчиво рассказал, что весь отряд его разгромлен, что, видно, неоткуда ему и Кану ждать подмоги. «Наши пешие ратники и ваши воины,— поведал Цяо,— считай, все полегли в урочище Фуча. Того бы не было, наверное,— вздохнул юцзи,— если б не ливень. Он вымочил весь порох и оружие огненного боя, которого у дацзы не было, стало без пользы. Стрелам же дацзы дождь помехи не составил».

Досады не скрывая, рот Кан кривил: «Считай, навел на нас людей Нурхаци этот юцзи». Но вслух сказал тому: «Конечно, будем держаться вместе. Тут,— жест широкий сделал,— места хватит всем. Так что располагайтесь».

Едва юцзи ушел к своим, Кан горестно вздохнул: «Енван прогневался. Знать, не доволен он, что мы на рать пришли сюда. Причин тем более не вижу,— сказал следом себе,— идти наперекор наказу государя».

«Не двигаться, стоять на месте»,— распоряженье отдал товансу войску своему. А исиум, что распластался на боевом знамени, ощерив пасть и вытянув длинный раздвоенный язык, как будто недовольный тем, что сказал Кан, весь трепетал и бился в ярости, бессильный не то что защитит, но и сойти на землю с ткани-. И словно в знак согласия с ним задорно развевался конский хвост у древка, а на оконечности его — павлиньи перья. «Подумать можно,— горько усмехнулся Кан,— что мы победители, а не Ногаджок». И, к стягу подойдя, негромко бросил порученцу: «Убрать его».

— А как же быть с чяндэ? — осведомился у старшего его помощник бесстрастным голосом с видом таким, как будто спрашивал: «А отпадет сегодня ночью тот желтый лист на дубе одряхлевшем, что рядом с чяндэ?».

Кан промолчал. Не глядя на Кима, вяло махнул рукой, подумав: «Будь что будет. А ведь чяндэ,— мелькнула мысль,— на время делается. В походе только. А он окончен, видно».

— Горчичный стебель,— пробурчал себе под нос Ким, но так, что слышал Кан. Раздумывать не стал, однако, тот, подразумевал кого иль что помощник: или его, Кана, или уже ненужное строенье.

Уединившись у себя в шатре походном, Кан склонился над листом бумаги. Потом велел позвать толмача Пак Сон Ге. «Вот тебе письмо. Свезешь к людям Ногаджока,— сказал негромко.— И дождись ответа».

Выйдя из шатра, Кан глядел, как, осторожно ступая, конь Пака спускался вниз. Раздался посвист ветра. И, как показалось Киму, в нем звучало злорадство. Уже не расстрачивая себя на схватки со стягом, ветер настойчиво дул Паку в спину и в зад его лошади, словно подгоняя, чтобы шла быстрее.

Под настороженными взглядами четырех бэйлэ Пак Сон Ге чувствовал себя неловко. Делая над собой усилия и часто облизывая пересыхавшие губы, он пересказывал точь-в-точь все, что было написано в письме Кана. «Мы пришли сюда не по желанию,— говорил Пак, стараясь, чтоб голос звучал как можно убедительней.— Ранее вакэ совершили вторжение в нашу страну. Захватили наши города, грабили нашу землю. Когда мы бедствия великие терпели, „Отец Чосон“, то бишь владыка Минской державы, помог нам войском своим, и взном были изгнаны. Ныне ради лишь того, чтобы отблагодарить правителя Высокой страны за доброе дело, и пришли сюда».

Увидя, что последние слова вызвали недобрую ухмылку у одного из бэйлэ и смешок у другого, Пак сбился и, уже горячась, продолжил: «Если вы успокоите нас, то мы тут же перейдем на вашу сторону». Судорожно сглотнув слюну, Пак кончил так: «Там, в ставке главноначальствующего Кана, только наши корейские войска. Из минских

ратников у нас укрылись лишь один юцзи да сопровождающие. Их, само собой, вам выдадим».

— Ладно,— ответил старший бэйлэ, Дайшань,— ты обожди пока ответ. Дадим его тебе мы вскоре.

Ждать времени, однако, не было совсем. В том бэйлэ отдавали все себе отчет. Пересылать отцу письмо да ждать потом еще ответа — дело грозило затянуться и надолго. А войско чоухьяньское-то было цело, и всякое могло случиться. Посоветовавшись меж собой, бэйлэ так сказали Пак Сон Ге: «Если вы намерены нам покориться, то пусть сперва к нам явится ваш главный военачальник. Иначе — будем воевать».

* * *

Послание ответное прочтя, Кан порешил из-за себя поторговаться. Сам не поехал он к мацьчжурам, а послал к ним человека, чтоб так сказал: «Если мне сегодня ж, перед закатом, выехать, то опасуюсь, как бы войско мое не всполошилось и не разбежалось. Поэтому пусть первым к вам сдаваться придет мой помощник».

— Согласны,— бэйлэ отвечали Кану.

Лоснящийся от жира рот бэйлэ Дайшань утер ладонью левой руки, а правой хлопнул по плечу рядом сидевшего Кана. Тот слегка поежился. «Ты верно поступил,— повернув к Кану раскрасневшееся от вина лицо, прохрипел Дайшань.— Ведь за пять дней каких-то мы обратили в грязь такую рать никаньскую огромную. А уж твоему-то войску где было перед нами устоять? Да ладно. Пей сейчас и ешь. Мы угощаем, а наш отец тебя еще лучше встретит».

Поутру Кана и прочих корейских военачальников повезли в ставку Нурхацци. Отъехав немного, Кан придержал коня и оглянулся. На вершине скалистой сопки Гулаку уже не развеялся его, товансу, стяг. Задержав взгляд на вершине, Кан скользнул взором по подножью сопки и тронул коня. Скала живо напоминала превратности собственной судьбы: то сидел в чяндэ на вершине горы как предводитель войска, то трийпезовал у ее подножья с теми, против кого пришел воевать. «О, Небо,— подумал про себя Кан и негромко вздохнул.— Все мы выполняем свой долг перед вышестоящими. Только по-разному. Юцзи Цяню долг велел повеситься. Мне — в дружбе нашей клясться дикарям».

Кан, спешившись, пошел, куда его вели. Привычный сам приказывать другим, он шел сейчас туда, куда ему велели. «А кто велел-то? Кто? Всего-то навсего дикарь, хотя и имя есть, чтоб как-то отличиться среди ему подобных дикарей».

А вот и он. Сидит на троне вроде. И издали уже желтеет, словно персик зрелый. Одежды желтые напялил на себя, а рожу-то умыл в последний раз когда? И сам забыл, наверное. Он не один встречать собрался нас. Вокруг него по сторонам толпятся молодцы. В ушах серьги с камнями блестят. А этих баб-то он зачем собрал тут?»

— Остановись,— за рукав Кана взял какой-то дородный маньчжур,— не приближайся больше и поклонись нашему государю.

Кан встал, но не сдержался: «В моей стране я занимал достаточно высокое положение и благодаря ему заслужил стоять гораздо ближе». Кана провели вперед, и он небрежно преклонил колени один раз и встал. Лицо Нурхацци исказила недовольная гримаса, он заерзал на месте. Что-то негромко выкрикнул. Сопровождавший корейских военачальников дородный маньчжур побежал к Нурхацци и подобострастно склонился перед ним. Выслушав указания, подскочил к Кану и, зло вращая глазами, стал трясти за плечо: «Кланяйся, кланяйся с почтением!». У стоявшего сзади Кана Кима кровь отлила от лица: «Какое унижение для полководцев вана!». Но когда настал его черед, безропотно пал ниц перед Нурхацци.

* * *

Раздался в двери стук. Почтительный и в то же время торопливый. Ян Хао сам поспешил к дверям. Из рук секретаря бумаги выхватив, стоя прочел. Сообщали, что войска Ду Суна и Лю Тина продвигаются вперед.

Известия такие получив, Ян Хао оставаться в помещении уже не мог. Ему как будто места не хватало. Вышел во двор и мерить стал его шагами. Всем существом своим он чувствовал — событие большое близко уж к за-вершению. А между тем какое-то тревожное томленье давало знать себя. Что-то мешало полностью уверовать, что вот еще немного — и весть победная придет. И чтобы веру укрепить свою, Ян Хао поспешил в кумирню Гуаньди.

* * *

Гяйфан... Груды камней и трупы. То и другое — дело человеческих рук. На месте деревянных хижин Нурхацы распорядился было возвести строения из камня. Его здесь не было в достатке, и Нурхацы приказал камень возить с окрестных гор.- Чтоб дело не стояло, одни грузили камень на телеги, в которые впрягли волов, другие стены тут же возводили. Однако немного выложить успели: нагрянул с войском тут своим Ду Сун. И вот остались от него теперь тела вразброс: земля маньчжурская принять их не спешила. Давала насытиться зверью и птицам. Тем более от незваных пришельцев они немало претерпели.

Нурхацы медленно объехал городище. Под ним бывалый конь храпел надсадно, шел неохотно и, шею круто изогнув, косил глазами вбок. «Ну, ну, спокойно,— к луке седла пригнувшись, Нурхацы ладонью потрепал коня,— такое видел ты уже». А самому себе сказал: «Да нет, такого не было еще, чтоб столько уложили наповал. Да и кого? Никаней.

Вот здесь, в Гяйфани, они сперва споткнулись, а дальше уж пошло. И потому в Гяйфани мы доложим Небу о победе и жертвы в благодарность принесем ему».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имени Нурхацы сопутствуют легенды. Это, в частности, относится к его появлению на свет и кончине. Сама внешность младенца, как гласит предание, свидетельствовала о его высоком предназначении. Будучи 13 месяцев от роду, он имел лицо дракона и глаза феникса, а голос у него гудел как громадный колокол⁹⁴. Необычной представил маньчжурский хронист и его кончину.

Все эти легенды призваны возвеличить Нурхацы. Но несомненно одно — он был личностью незаурядной. Не случайно его имя, читаем мы в хрониках минских императоров и корейских королей, соответственно «Мин шилу» и «Личжо силлок». Они наряду с маньчжурскими хрониками «Дай Цин Тайцзу Гаохуанди шилу», «Цин Тайцзу Нуэрхацы шилу» и «Маяьчжоу шилу» явились основным источником для написания данной книги.

В оценке Нурхацы китайские и корейские хроники принципиально отличаются от маньчжурских летописей. Для представителей официальных кругов минского Китая — от императора до его чиновников — Нурхацы всего навсего «мятежный раб» и «разбойник». Для составителей маньчжурских хроник Нурхацы — основоположник царствующего дома, создатель маньчжурского государства. Естественно, под таким углом зрения и излагаются в официальных летописях и сочинениях империи Цин деяния Нурхацы. В этих изданиях нет данных о повседневной жизни Нурхацы, его вкусах, привычках и т. п.

В нашу задачу не входило воссоздание во всех нюансах жизни Нурхацы. Мы попытались наметить лишь основные вехи его деятельности как личности, сумевшей объединить под своим началом разобщенный чжурчжэньский народ и создать независимое маньчжурское государство. В этом историческое значение его деятельности.

Именно благодаря стараниям Нурхаци на месте разрозненных чжурчжэньских племен появилось маньчжурское государство, своей письменностью, со своими законами. Но дело заключалось не только в самом Нурхаци. Становление и утверждение маньчжурской государственности было подготовлено всем ходом предшествующего политического и социально-экономического развития чжурчжэней.

Объединение разобщенных чжурчжэньских родов и племен под началом верховного правителя проходило очень не просто. В условиях тогдашней действительности не было места для широкого волеизъявления, которое принималось бы во внимание. Право основывалось на силе, за сильным шли (вольно или невольно) остальные, своей объединительной деятельности Нурхаци не брезговал ничем: прибегал к насилию и уговорам, вступал в одство и сгонял иноплеменников с родных мест. И в этом отношении появление на свет централизованного маньчжурского государства отнюдь не составляет исключения. История других народов Европы и Азии — подтверждение тому. Правда, для нас открытым остается вопрос: чего было больше в ходе собирания воедино чжурчжэньских племен — крови и железа или же свободного волеизъявления и согласия?

Внешнеполитический фактор, несомненно, был одним из решающих факторов, которые способствовали успеху Нурхаци по собиранию под своим началом чжурчжэньских общин. Гибель деда и отца от рук китайского начальства — это факт частного порядка, не он определял то широкое доверие, которым пользовался Нурхаци в борьбе против империи Мин. «Движение манджур,— со знанием дела указывал В. Л. Котвич,— началось как реакция против отрицательных сторон деятельности китайцев среди инородцев...»⁹⁵. Подозревать китайского автора Ли Юнбина в каких-либо симпатиях к Нурхаци нет оснований. Тем более, заслуживают внимания его следующие суждения относительно похода объединенных китайско-корейских войск против владения Нурхаци в 1619 г. «Его люди,— пишет Ли Юнбин,— понимали, что под угрозой *их национальное существование* (разрядка наша.— В. К.). Они также знали Нурхаци и были готовы выполнять его приказы»⁹⁸.

Война была повивальной бабкой государства Нурхаци. Оно появилось на свет в обстановке междоусобиц среди самих соплеменников и отстаивало свое право на независимость от посягательств внешних врагов. Однако не все войны, которые предпринимал Нурхаци, были вызваны необходимостью защиты от нападений извне. По приказу Нурхаци его рать не раз хаживала в походы исключительно ради грабежа соседних народов. Войны с целью захвата добычи в какой-то мере подпитывали экономический организм маньчжурского государства, но в первую очередь служили обогащению маньчжурской знати во главе с самим Нурхаци. Он, конечно, не был поборником государства всеобщего благоденствия. Для него простой народ, даже родной ему, условно говоря, по национальной принадлежности был всего-навсего чернью, призванной служить, не жалея живота своего, государю. И его заботы о рядовых маньчжурах не шли дальше забот рачительного хозяина о своих слугах. В то же время он способствовал самоутверждению маньчжуров как народа.

Имя Нурхаци не ново в исторической литературе. Подход автора данной книги не во всем тождествен суждениям других исследователей относительно тех или иных сторон деятельности Нурхаци.

«Нурхаци,— пишет современный китайский автор Янь Чуннянь,— выдающийся политический деятель в истории нашей страны»⁹⁷. С утверждениями подобного рода, когда Нурхаци огульно провозглашается политическим деятелем Китая, согласиться никак нельзя, ибо это противоречит историческим фактам. Нурхаци вошел в историю именно как создатель независимого маньчжурского государства, возникшего и упрочившегося в борьбе с великодержавными устремлениями правителей минского Китая.

С кончиной Нурхаци созданное им государство продолжало существовать. Его сын утвердился на императорском троне в Пекине, положив начало правлению в Китае мань-

чжурской династии Цин. По иронии исторических судеб Китайские аристократы, на протяжении многих поколений привыкшие смотреть на соседние народы как на орды дикарей, склонялись ниц перед потомком «варвара из Цзяньчжоу».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **Гребенщиков А. В.** Маньчжуры, их язык и письменность.— Изв. Восточного института, Владивосток, 1912, т. 45, вып. 1, с. 12.

2 **Кемп Е. Г.** The face of Manchuria, Korea and Russian Turkestan.—London, MDCCCCX (1910), p. 11.

3 **Путята Д. В.** Очерки Маньчжурии.— Военный сборник, Спб., 1892, т. 208, № И, с. 175.

4 **Кузнецов В. С.** Минская империя и Маньчжурия (XV — начало XVII в.).— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975, с. 208.

5 Там же, с. 217.

6 Там же.

7 Там же, с. 214.

8 **Васильев В.** Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. Годичный торжественный акт в императорском Санкт-Петербургском университете.— Спб., 1859, с. 155.

9 **Васильев В.** Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин.— Спб., 1859, с. 141.

10 **Циньдин Шэнцзин** тунчжи, кн. 68. Б. м., б. г., л. За.

11 **Россохин И., Леонтиев А.** обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, осми знаменах состоящего, т. 9.— Спб., 1784, с. 352.

12 **Sei Wada.** Some problems concerning the rise of T'ai-tsu, the Founder of Manchu dynasty.— In: Memoirs of the research de-partament of the Toyo Bunko. Tokyo, 1957, p. 38.

13 Ibid., p. 42.

14 Ibid., p. 37..

15 **Цин Тай-цзу Нуэрхачи шилу.** (Далее — ЦТЦНШЛ).- Пекин, 1933, л. 86.

16 Там же, л. 9а.

17 Там же.

18 Там же.

19 **Горский В.** О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу.— Тр. членов Российской духовной миссии в Пекине, Спб., 1852, т. 1, с. 195.

20 ЦТЦНШЛ, л. 5а.

21 Там же, л. 17а.

22 **Giles Herbert A.** A Chinese biographical dictionary.— Lon:on — Shanghai.— Yokohama, 1898, p. 177.

23 **Hucker Charles O.** The Ming dynasty: its origins and evol^yng institutions, Ann Arbor. 1978, p. 97.

24 Ibid.

25 **Кузнецов В. С.** Минская империя..., с. 218.

26 Там же.

27 **Россохин И., Леонтиев А.** обстоятельное описание..., т. 9, с. 30.

28 **Горский В.** Начало и первые дела Маньчжурского дома. — Тр. членов Российской духовной миссии в Пекине, Спб., 1852, т. 1, с. 30.

29 **Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии/Сост. Л. Н. Гумилев, М. Ф. Хван.— Чебоксары, 1960, с. 482—487.

- 30 **Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644—1912)**, v. I/Ed, by Arthur Hummel, 1943, p. 596.
- 31 **Lin T. C.** Manchurian trade and tribute in the Ming dynasty: a study of Chinese theories and methods of control over border peoples.—Nankai social and economic quarterly. Tientsin, 1937, v. 9, N 4, p. 878.
- 32 **Кузнецов В. С.** Минская империя..., с. 220.
- 33 **Тосэн си**, т. 4, кн. 10. Сеул, 1932, с. 953.
- 34 **ЦТЦНШЛ**, л. 15а.
- 35 **Кузнецов В. С.** Нурхаци — основатель Маньчжурского государства. — В кн.: Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980, с. 51.
- 36 **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений..., с. 481.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 **Кузнецов В. С.** Минская империя..., с. 219—220.
- 42 Там же, с. 219.
- 43 **Россохин И. и Леонтиев А.** Обстоятельное описание..., т. 14, с. 79—80.
- 44 **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений..., с. 481.
- 45 Там же.
- 46 **ЦТЦНШЛ**, л. 166.
- 47 Там же, л. 16а—16б.
- 48 Там же, л. 26а—26б.
- 49 Там же, л. 27а—27б.
- 50 **Дай Цин Тай-цзу Гаохуанди шилу.** (Далее — ДЦТЦГХДШЛ).— Токио, 1937, кн. 3, л. 9 об.
- 51 **Кузнецов В. С.** Минская империя..., с. 220.
- 52 Там же.
- 53 Там же, с. 221.
- 54 Там же.
- 55 **ЦТЦНШЛ**, л. 236.
- 56 Там же, л. 236—24а.
- 57 Там же, л. 246.
- 58 **Россов П.** Религиозные воззрения китайцев,— Спб., 1908, с. 31.
- 59 **Инаба Кундзан.** Цин чао цюань ши, т. 1,— Шанхай, 1916, гл. 12, с. 104.
- 60 **ЦТЦНШЛ**, л. 246.
- 61 **Кузнецов В. С.** Минская империя..., с. 222.
- 62 Там же.
- 63 **ЦТЦНШЛ**, л. 196.
- 64 Там же, л. 26а.
- 65 **Кузнецов В. С.** Минская империя..., с. 221.
- 66 **ЦТЦНШЛ**, л. 256—26а.
- 67 **Кузнецов В. С.** Минская империя..., с. 222.
- 68 **ЦТЦНШЛ**, л. 29а.
- 69 Там же, л. 29а—29б.
- 70 **ДЦТЦГХДШЛ**, кн. 5, л. 16-26.
- 71 **ЦТЦНШЛ**, л. 196.
- 72 **Гребенщиков А. В.** Маньчжуры, их язык и письменность, 57.
- 73 **Кузнецов В. С.** Минская империя..., с. 223.
- 74 Там же.
- 76 **ДЦТЦГХДШЛ**, кн. 5, л. 96.
- 76 Там же, л. Юаб—Иаб.

- 77 Там же, л. 12а—136.
 78 Там же, л. 136—14а.
 79 Там же, л. 146.
 80 **Michael F.** The origin of Manchu rule in China.— Baltimore, 1942, p. 121, 122.
 81 ДЦТЦГХДШЛ, кн. 5, л. 17а.
 82 **Мин Шэнь-цзун шилу**, кн. 569. Сянган, 1964—1966, л. 10а.
 83 **Eminent Chinese...**, v. 2, p. 885.
 84 **Hulbert H. B.** History of Korea, v. 2.— London, 1902, p. 58—65.
 85 ДЦТЦГХДШЛ, кн. 5, л. 246—25а.
 86 **Hulbert H. B.** History of Korea, p. 64—65.
 87 **Ross T.** History of Korea.— London, 1891, p. 221.
 88 ДЦТЦГХДШЛ, кн. 5, л. 2а.
 89 **Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений..., с. 489.
 90 ДЦТЦГХДШЛ, кн. 6, л. 2а.
 91 Там же, л. 16—2а.
 92 Там же, л. 2аб.
 93 **Li Ung Bing.** Outlines of Chinese history. — Shanghai, 1914, p. 288.
 94 **Ross J.** The manchus, or the reigning dynasty of China. Their rise and progress. — London, 1880, p. 4.
 95 **Котвич В. Л.** Маньчжурская литература.— Литературы Востока, Пг. 1920, вып. 2, с. 118.
 96 **Li Ung Bing.** Outlihes of Chinese..., p. 288—289.
 97 **Ян Чуннянь.** Нуэрхачи чжуань.— Пекин, 1983, с. 1.

ГЛОССАРИЙ

- Айжин** (маньчж.) — золото
Аймань, аймак (маньчж.-монг.) — родоплеменное объединение
Алинь (маньчж.) — гора
Ама (маньчж.) — отец
Амбань (маньчж.) — сановник
Амун (корейск.) — казенные здания, в которых помещаются правительственные учреждения и живут высшие административные лица (начальники уездов, губернаторы)
Аомэнь — одно из общеупотребительных китайских названий для Макао. Последнее представляет собой производное от «Амао» или «Амангао» на южно-китайском (кантонском) диалекте
Бакши (маньчж.) — ученый человек, учитель, грамотей
Башня Пубённу и беседка Ренгванджён — одни из красивейших архитектурных сооружений в Пхеньяне
Белый Лотос — «Байляньцзяо» («Учение Белого Лотоса»), тайное общество. Возникнув в первых веках н. э. как секта буддийского толка, с XI в. оно стало приобретать черты политической организации
Бира (маньчж.) — река средней величины
Битекши (маньчж.) — писарь, письмоводитель
Битхей ямунь (маньчж.) — письменный приказ
Бишкур (монг.) — труба
Бо (кит.) — дворянский титул, условно соответствует барону
Болсон куриль (монг.) — пережженная жертвенная мука
Большой колокол... — согласно преданию, при отливке этого колокола в жертву был принесен ребенок
Буре (монг.) — огромная труба, которую несут двое лам
Бэйлэ (монг., маньчж.) — князь

Вакэ (корейск.) — японцы (презрит.)
Ван — титул правителя Кореи Вангя (маньчж.) — в китайской передаче «ванцзя»
«Веление неба» — начало годов правления «Веление неба» — 1616 г.
Великая страна (корейск.) — Китай
Вера Есу — христианство
Воги (маньчж.), в китайской передаче — «воцзи» - хребет, покрытый дремучим лесом; бор
Ворота красные — в средневековой Кореи почетные ворота красного цвета устанавливались перед домами особо отличившихся государственных или военных деятелей, добродетельных жен, почтительных сыновей и т. д.
Вэйху (маньчж.) — лодка, сделанная из одного дерева
Вэном (корейск.) — японцы (презрит.) .
Вэньхундянь (кит.) — Павильон литературных сокровищ
«Ганджур» — собрание буддийских канонических книг
Год желтоватой свиньи — 1599 г.
Годы царствования Сончжо — 1568—1608 гг.
Голмин-Шаньин-Алинь (маньчж.), **Чанбайшань** (кит.), **Пектусан** (корейск.) — Длинные белые горы
Горчиный стебель (корейск.) — выражение, обозначающее ничего не стоящую, ничемную вещь
Государево вино — вино, приготовленное особым способом для дворцовых нужд
Гуза, гуса (маньчж.) — знамя, корпус
Дайфу («великий муж») — почтительно «врач»
Дасюэши (кит.) — канцлер
Дуду (кит.) — предводитель. Наивысшее звание, которое правительство Китая во времена правления Мин давало чжурчжэньским старейшинам
Дуду-цяньши (кит.) — звание, которое давало минское правительство Китая чжурчжэньским старейшинам
Дацзы (кит.) — общее понятие для не китайских народов Северо-Востока
Джаан (монг.) — слон
Джаргуци (монг., маньчж.) — судья .
Джечени (маньчж.) — в китайской передаче «чжэчэнь»
Джушеры (маньчж.) — в китайской передаче «чжушэли»
Донго (маньчж.) — в китайской передаче «дуньо»
Джэрэдатос (португальск.) — ссыльные преступники или каторжники, изгои
Ен-ван (корейск.) — бог дождя и ветра
Ехе (маньчж.) — выделанная мягкая пенька
Желтая вера — ламаизм
Западное учение (Си цзяо) — католичество
Запретный город — часть китайской столицы, где проживал император
Илха (маньчж.) — золотая бляха на шапке и шляпе сзади, на ней вырезаются цветы
Ильбонсарам (корейск.) — японец
Ильмун-хан (маньчж.) — владыка царства мертвых
Инь (кит.) — женское начало природы
Иньсам (корейск.) — женьшень
Исиум (корейск.) — морской змей
Иочин, ёчин (корейск.) — чжурчжэни
Кальсас (порт.) — узкие мужские панталоны до колена
Камса (корейск.) — титул правителя провинции
Кан (маньчж.) — лежанка с подогревом
Киру (маньчж.) — флажок или значок, который войны втыкали за спину
Коротыши («вожэнь» кит.) — японцы (презрит.)

Красные ворота — почетные ворота красного цвета устанавливались перед домами особо отличившихся на службе

Кун (корейск.) — принц

Кунцзы, Конфуций — древнекитайский мыслитель

Курма (маньчж.) — короткий верхний кафтан

Кутуль (маньчж.) — слуга -

Лаоцзы — древнекитайский мыслитель (VI в. до н. э.)

Лян (кит.) — мера веса; 1 лян — 37,3 г

Ляодунский цзунбингуань — главнокомандующий войсками области Ляодун

Маньсуй (маньчж.) — парча, на которой сплошь одни золотые драконы

Маоляньский караул — этим понятием в китайских источниках минского периода обозначалась территория племени донго (дуньо)

Мафа (маньчж.) — старший родоначальник, предводитель

Медзига (маньчж.) — вестовщик

Монго (маньчж.) — монгол

Мудури (маньчж.) — чудовище, оборотень

Нау (португальск.) — «большое судно», карака, вооруженное купеческое судно; позднее этим термином стали обозначать большие военные корабли

Нахань (маньчж.) — нары, сложенные из кирпича; лежанка

Никань (маньчж.) — Китай, китаец

Нингута бэйлэ (маньчж.) — 6 владетельных князей

Ногаджок — имя «Нурхаци» в корейской передаче

Неень (маньчж.) — в китайской передаче «нэинь»

Нюйчжэнь (кит.) — чжурчжэни

Нюру (маньчж.) — воинская единица, условно соответствовала роте

Октан (корейск.) — самые приближенные правители Кореи

Орхода (маньчж.) — «царь-трава», женьшень

Пенса (корейск.) — командующий войсками

Поднебесная — одно из названий Китая

«Почтенный надзиратель» — официальное прозвание придворных евнухов

Пукамса (корейск.) — губернатор провинции

Рыжеволосые варвары, рыжеволосые — европейцы

Сенадо да Камера (португальск.) — муниципалитет или городской совет

Силтан — высокий, подобный мачте столб, ставили его перед храмами и кумирнями

Соджонвон (корейск.) — Письменный приказ

Солхо (маньчж.) — кореец

Сор (маньчж.) — жертвенное сооружение

Сорин (маньчж.) — престол, дощечка вроде киота, на ней пишут имена покойных, ставятся в честь покойных в храмах

Срединная, Срединное — одно из названий Китая

Ссаном (корейск.) — презрительное название простонародья

Страна Вэ (корейск.) — Япония

Страна Утренней Свежести — одно из названий Кореи

Суань (маньчж.) — в китайской передаче «сувань»

Суксуху-Бира (маньчж.) — в китайской передаче «суксухухэ»

Суочхон (корейск.) — управление крепостей южной части Кореи

Сын Неба — титул императора Китая

Сюньфу — гражданский губернатор

Сяньчжан (кит.) — начальник уезда

Тайхэдянь — Павильон высшей гармонии

Тандзы, Танзе (маньчж.) — храм прародителям

Тарни — формула заклинаний

Теплый камень, что в Канвондо — по рассказам, в уезде Самухок провинции Канвондо был теплый камень, над которым воздвигли павильон. В самое холодное время в павильоне было так тепло, что не нужно было разводить огня

Тосынджи (корейск.) — чиновник, передающий приказы вана

Тунши (кит.) — переводчик, толмач

Укшин (маньчж.) — панцирник

Ула (маньчж.) — большая река

Усан (корейск.) — министр правой руки

Ученье Фо — буддизм

Факу (маньчж.) — порог на реке

Хадак (монг.) — полотенце или платок, подаваемый как подарок

Хайсиская Южная застава — так в китайских источниках минского периода обозначалась территория племени хада

Хакса (корейск.) — окончивший высшую конфуцианскую школу.

Ханьлиньюань (кит.) — Палата ученых

Хинган (маньчж.) — хребет

Хуйтунгуань (бук. «Подворье для проживания одинаковых по той или иной принадлежности») — общее название для двух подворий, построенных в Пекине при минских императорах для иноземных послов, — Северного и Южного. Северное подворье предназначалось для посольств от чжурчжэней, урянха, посланцев аборигенных племен из провинций Юньнань, Сычуань, Хугуан, Шэньси, а также представителей Турфана, Самарканда, Хами, Тибета. В Южном подворье останавливались посольства от ойратов, из Кореи, Японии, Аннама

Хун Батуру — «Великий богатырь»

Хунехе-Бира — в китайской передаче «Хуньхэ»

Хуту (маньчж.) — злой дух, черт, дух смерти

Хэдон (корейск.) — одно из поэтических названий Кореи

Цан (монг.) — медные тарелки

Цзинлюэ (кит.) — главнокомандующий; звание «цзинлюэ» давалось во время войны генералу, которому помимо власти над войсками давалось право принимать все меры, какие он сочтет нужными

Цзинь — китайская мера веса — 596,8 г

Цзунду (кит.) — генерал-губернатор

«Цзяюй» — конфуцианский трактат

Циса (корейск.) — одно из высших чиновных званий в средневековой Корее

Цяньцзун (кит.) — тысяцкий

Чалэ (маньчж.) — полк

Чамсиль (корейск.) — помещение для разведения шелковичных червей

Чаосянь (кит.) — Корея

Чвасан (корейск.) — министр левой руки

Чжакравартин — так назывались в буддистских книгах первые государи, царствовавшие на Чжамбудвине в начале настоящего, по их мнению, мироздания

Чжанаг (тибетск.) — Китай

Чжечэци (маньчж.) — в китайской передаче «чжэчэнь»

Чжихуй (кит.) — звание, которое правители минского Китая давали чжурчжэньским старейшинам

Чжово (тибеток.) — Будда, «Владыка»

Чжуанюань (кит.) — первый кандидат в Хвньлинь, Палату ученых

Чжунюань (кит.) — Китай, Китайская низменность

Чулган (маньчж.) — съезд, сейм

Чосон (корейск.) — Корея

Чоухянь (маньчж.) — Корея
Чэсан (корейск.) — первый министр
Чяндэ (корейск.) — легкая открытая постройка в центре расположения войск, в которой находился главный военачальник
Шаншу (кит.) — глава Палаты (ведомства), министр
Шерин (маньчж.) — золотые бляхи спереди на шапке, па них вырезан болванчик
Шилан (кит.) — помощник начальника Палаты (ведомства), товарищ министра
Эндури (маньчж.) — дух добра, благополучия
Энеткэг (монг.) — Индия
Эскривао (португальск.) — писец, секретарь
Эстранжейраду (португальск.) — человек, подвергнувшийся влиянию иностранной культуры
Эме (маньчж.) — мать
Юцзи (кит.) — офицерское звание
Ялу-Ула (маньчж.) — в китайской передаче «Ялуцзян», в корейской — «Амноккан»
Ян (кит.) — мужское начало природы
Яшмовый владыка, Юй хуан (кит.) — среди китайских божеств занимает место, которое почти соответствует положению Зевса в греческом и Юпитера в римском пантеоне

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава первая 6
Глава вторая 34
Глава третья 79
Глава четвертая 138
Глава пятая 166
Послесловие 178
Примечания 181
Глоссарий 184

Вячеслав Семенович Кузнецов
НУРХАЦИ

Утверждено к печати
редколлекцией научно-популярных изданий
Сибирского отделения АН СССР

Редактор издательства С. П. Мкртчян Художник С. М. Кудрявцев Технический редактор С. А. Смородинова Корректоры В. В. Борисова, С. М. Поеудина
ИБ А5 23850

Сдано в набор 22.10.84. Подписано к печати 10.06.85. МН-04282. Формат 84X108'/з2. Бумага типографская М 3. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,1. Усл. кр.-отг. 10,4. Уч.-изд. л. 10. Тираж 46 500 экз. Заказ М» 439. Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077. Новосибирск, 77, Станиславского,